

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер И. Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**   **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief**   **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary**   **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister I. Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

УДК 159.923.2:004.946

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется процесс трансформации виртуального пространства, а также его влияние на человека. Выявляются проблемы становления новой архитектуры современного социума, глобальной виртуализации мира, а также нарастания социальной атомизации. Показываются изменения взаимосвязей индивидов, обусловленные обновлением системы человеческой жизнедеятельности. Отмечается, что внедрение глобальных цифровых технологий и коммуникационных систем в повседневность меняет потенциал человека, формирование виртуального кластера в социуме запускает процесс осовременивания жизни. Рассматриваются механизмы реконструирования социокультурной архитектуры общества. Делается вывод о том, что любой прогресс в жизни общества должен сопровождаться духовным обновлением человека, изменением его ценностных оснований с учетом национальных традиций и исторического опыта. Отмечается, что в современном виртуальном мире формируется человек с новыми ценностными ориентирами, новым пониманием добра и зла, новым взглядом на будущее.

Ключевые слова: новый человек; современный социум; виртуальный мир; социальная атомизация; виртуальная культура; ценности.

THE VIRTUAL WORLD AND THE BIRTH OF A NEW HUMAN

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The process of transformation of virtual space, as well as its impact on a person, is being investigated. The problems of the formation of a new architecture of modern society, global virtualisation of the world, as well as the growth of social atomisation are revealed. Changes in the interrelations of individuals caused by the renewal of the human life activity system are

---

Образец цитирования:

Данилов АН. Виртуальный мир и рождение нового человека. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:4–9.
EDN: ABYMOU

For citation:

Danilov AN. The virtual world and the birth of a new human. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:4–9. Russian.
EDN: ABYMOU

Автор:

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

shown. It is noted that the introduction of global digital technologies and communication systems into everyday life changes a person's potential, the formation of a virtual cluster in society triggers the process of modernising life. The mechanisms of reconstructing the sociocultural architecture of society are considered. It is concluded that any progress in the life of society should be accompanied by a spiritual renewal of a person, a change in his values, taking into account national traditions and historical experience. It is noted that in the modern virtual world, a person is being formed with new value orientations, a new understanding of good and evil, a new view of the future.

Keywords: new human; modern society; virtual world; social atomisation; virtual culture; values.

Введение

Сегодня не приходится ожидать стабильности в общественном развитии. Образцов для подражания нет, развитие социума непредсказуемо, геополитические и иные тренды быстро меняются в зависимости от вызовов и угроз, динамика этих трендов противоречива и нелинейна. Под влиянием достижений науки и технологий современное общество все больше погружается в виртуальный мир, образуя новый глобальный кластер. Последствия его формирования невозможно предвидеть. Социально-экономический порядок меняется, принципы социального управления революционизируются, структура занятости населения кардинальным образом трансформируется, национальные перегородки и коммуникационные ограничения уходят в прошлое. Исследование социального состава современного общества, а также особенностей взаимодействия новых институтов и процессов коммуникации в виртуальном мире находится сейчас лишь на начальной стадии. Изучение социальных перемен, обусловленное возрастанием влияния глобальной виртуализации на человека, представляется крайне важной задачей как в теоретическом, так и в практическом плане. Цифровая реальность не смогла застраховать мир от серьезных потрясений. Выяснилось, что глобальные институты не готовы к совместной координации, что ставит под сомнение их эффективность. Таким образом, «задачи устойчивого развития необходимо

переформатировать с учетом выявленных опасностей и преимуществ цифровой динамики» [1, с. 238].

Или по собственному желанию, или в силу обстоятельств человек все больше времени проводит в виртуальном мире. Современная история идет по пути углубления разобщенности и нарастания социальной атомизации. Процесс глобализации продолжается. Прежние смыслы обретают иное звучание, заставляя человека принять новую социальную реальность или остаться на «обочине» прогрессивной жизни. Социальная атомизация предстает одновременно и как смерть, и как спасение, одиночество – и как страх, и как защита. Неужели неуправляемая действительность ведет нас к духовному апокалипсису, где будущее страшнее настоящего? С учетом повсеместного внедрения новых технологий, усовершенствования искусственного интеллекта (ИИ) и становления нового человека в глобальном информационном пространстве перспектива одиночества в модернизированном варианте уже не предстает устрашающей. Возникновение интернета «послужило триггером взрывного ускорения, а затем и приоритетной формой глобального развертывания процессов формирования новых типов идентичности, новых моделей и стратегий ее конструирования в рискованных экспериментах и свободной игре с различными версиями-аватарами собственной идентичности» [2, с. 487].

Трансформация структуры современного социума

Под давлением новых вызовов устоявшиеся представления о социальной структуре общества меняются. С появлением виртуального кластера трансформируются взаимосвязи людей и институтов, а также всей социальной инфраструктуры. Преобразовывается коммуникационная среда. Создается новая коллективность. Вместе с этим формируется и новый человек, который вынужден адаптироваться к новой жизни, организованной с учетом достижений научно-технического прогресса и новых технологий.

К настоящему времени глобальное виртуальное пространство уже сложилось, оно существенно влияет на все стороны жизни общества. Современная жизнь характеризуется «...бурным развитием гетерогенных сетевых структур, которые связывают индивидов, организации, регионы и государства.

Это обуславливает трансформации в бизнесе, науке, образовании, политике и других сферах. <...> Сети стали своеобразным кодом современного миропонимания» [1, с. 43]. В какой-то степени сеть – это «не столько понятие, сколько продуктивная “зонтичная” метафора, объединяющая некий гештальт, ракурс рассмотрения социального мира» [3, с. 12].

С научно-техническим прогрессом процесс эволюции вступил в новую стадию. В этих обстоятельствах социальная структура общества стала расплывчатой и условной. Сферную составляющую современного социума представляет кластер институтов (с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и др.), которые связаны между собой на основе функционального назначения и близости элементов

в рамках определенной качественной целостности. Данный кластер отличается от других общественных форм объединения, участвующих в процессе системного воспроизводства социетального общества (страны-государства) [4, с. 90].

Таким образом, формирование виртуального кластера в современном обществе обуславливает усложнение его архитектуры. В процессе естественного изменения связей индивидов наблюдается переход к новой структуре современного социума. Ранее общественное пространство рассматривалось как социально-статусная стратификационная модель, построение которой основывалось на специфике культуры дифференцированных в социальном пространстве групп. Сегодня же происходит становление качественно новой среды жизнедеятельности человека. В рамках виртуального кластера образуются социальные сети и поля, которые могут не иметь четко выраженной связи с социально-стратификационным и культурным пространством. Виртуальный кластер формируется в потоке капиталов, информации, технологий, организационных взаимодействий, разнообразных символов и кодов. В основе указанных взаимодействий часто лежат межличностные отношения и сопряженные с ними обязательства. Исследования механизмов структурирования виртуальной среды, создания управленческих цифровых платформ, преодоления пространственного неравенства и трансформации стратегий самопрезентации сегодня являются актуальными направлениями научного изучения.

Проникновение виртуального сегмента во все сферы жизнедеятельности современного общества сопровождается усилением информационной асимметрии, которая приводит к неравенству возможностей индивидов, представляющих разные социальные институты. В данном контексте важное значение имеют специфика политической, экономической и культурной стратегии государства, особенности деятельности отдельных фирм, партий, а также индивидов.

Виртуальный сегмент современного общества существует с естественным материальным пространством, изменяя структуру имеющихся коммуникативных связей. Новые информационные технологии

обусловили появление капитализма платформ [5], предполагающего постоянное производство информации в ходе коммуникации между индивидами и их группами, а также последующую монетизацию полученных данных. Платформы стремятся стать главной средой экономического взаимодействия и извлечь максимум выгоды. Современные платформенные компании создали и развивают собственную идеологию, основой которой выступает якобы равноправное использование ресурсов в рамках сотрудничества, кооперации. Эти отношения декларируются как шеринговая экономика. В действительности же «платформенные компании способствуют усилению негативных тенденций на рынке труда во всем мире» [5, с. 44].

Создание цифровых платформ влияет на взаимодействие государства и общества, формирует новые элементы социальной структуры. Виртуальный сегмент общества создает совершенно новый социальный уклад постиндустриального цивилизационного развития. Он обладает множеством информационных потоков, ресурсов, технологий и средств и имеет самоорганизующуюся инфраструктуру для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей в информации, а также для совершенствования интеллектуального, социально-экономического, гуманитарного, психофизиологического и духовного состояния человека. Эта тема важна по той причине, что «вопрос о будущем человека и человеческого рода в самом деле совершенно реален и стоит сегодня гораздо острее, чем когда бы то ни было» [6, с. 269].

Изменения в отношениях людей, происходящие в ходе развития виртуального пространства, актуализируют проблему идентичности. Идентичность становится не только приоритетным объектом исследования, но и универсальной матрицей, трансформирующей традиционные и новые предметные области социально-гуманитарного знания. В аспекте идентичности «рассматриваются фундаментальные дилеммы и стратегические конфликты эволюции общества», проводятся анализ и прогнозирование не только «возможностей и перспектив, но также рисков и угроз, которые несут с собой глобальные мегатренды современного мира» [2, с. 488].

Виртуальная культура нового человека

Виртуальный сегмент пронизывает все социальное пространство современного общества, перестраивая коммуникационную среду, формируя ее как совокупность пересекающихся социальных сетей и полей. Основным условием развития виртуального сегмента выступает формирование новой виртуальной культуры, позволяющей человеку адаптироваться к новым условиям и ориентироваться в них, чтобы не выпасть из системы социального взаимодействия.

Виртуальная культура становится важным звеном селекции опыта. Она выбирает то, что достойно культурной трансляции, определяет категориальный строй сознания людей новой эпохи и активно участвует в создании целостного образа жизненного мира человека, выражающего его отношение к природе и обществу. В результате в социуме формируются мировоззренческие установки, которые обуславливают жизненные приоритеты его представителей, включенных в виртуальное простран-

ство. Виртуальная коммуникация меняет содержание матрицы ценностей, механизм их формирования, институты влияния, а также самого человека, в частности его поведенческие предпочтения, установки и информационную среду обитания.

Цифровые технологии не могут решить «...застаревшие проблемы социального неравенства, дифференциации населения, бедности. Демографические проблемы рождаемости, сокращения трудоспособного населения, миграции остаются острыми» [1, с. 239].

Изучение становления новой архитектуры социосферы вследствие виртуализации социального пространства выявляет нарастание социальной атомизации в современном обществе, а также погружение человека в пучину одиночества. Известный социолог Н. Е. Покровский отмечает, что «долгие годы и десятилетия без особых доказательств мы принимали тезис о том, что одиночество – этот неизменный спутник отчуждения – присуще только западному миру, тогда как у нас в силу гуманистического характера социалистического общества одиночества быть не может» [7, с. 5]. Однако сегодня этот тезис стал все больше расходиться с действительностью. И тому есть множество причин. Глобальные информационные сети изменили профиль коммуникации, образования и обслуживания, рынок труда наполнился новыми профессиями. В этих условиях горизонтальные связи между людьми стремительно разрушаются.

Несбалансированность рынка труда привела к нарастанию социальной атомизации: многие регионы столкнулись с небывалой безработицей и массовой миграцией. В обществе наблюдается высокий уровень разрозненности. С нарастанием социальной атомизации активизировалась деятельность землячеств, политических партий и неформальных объединений субкультурного характера. К тому же процесс глобализации начинался с расширения коммуникации посредством компьютеризации, распространения социальных сетей. Интернет дал лишь иллюзию демократизации, «за которой стояла хитрость алгоритма, заточенного на индивидуальность и ее потребительские желания»¹.

Глобальная нестабильность, новые конфликты и кризисы актуализируют проблему одиночества. Этот процесс напрямую связан с болезненной адаптацией современного человека к жизни в условиях виртуальной реальности. К настоящему времени виртуальное пространство уже существенно влияет на все стороны жизни людей. В области коммуникации людей происходят поистине революционные изменения, и человек выступает одновременно и инициатором, и заложником этих изменений. Сильные мира сего осуществляют свою власть «преимуще-

ственно путем конструирования смыслов в человеческом сознании в ходе коммуникационных процессов... в глобальных и локальных мультимедийных сетях массовой коммуникации, включая и массовую самокоммуникацию»². В новой виртуальной реальности конструируются и утверждаются новые смыслы, где виртуальное одиночество выступает естественным явлением, а не последствием социальной атомизации. В данных условиях спасением становится одиночество. Это добровольный уход из жестокого мира, где постоянно идет борьба за выживание, в искусственный мир грез.

Глобальные цифровые технологии и коммуникационные системы внедряются в повседневность, умножая возможности постижения нового, изменяя процесс восприятия мира. Происходит активное осовременивание жизни. В рамках системы образования формируется глобальный рынок. В скором времени так называемые образовательные услуги могут прийти на смену традиционным образовательным практикам и внедрить новые стандарты в обучение.

В конце XX – начале XXI в. развитые европейские страны столкнулись с таким феноменом, как НЕЕТ-молодежь (поколение молодых людей 15–24 лет, которые являются безработными или экономически неактивными, не учатся и не проходят профессиональную подготовку). Данное явление сегодня наблюдается и в постсоветских странах. В 2017 г. в Европе количество таких молодых людей составило 14,7 % от трудоспособного населения, а в России – 15,0 % от трудоспособного населения [8, с. 64]. Это могут быть «дети вполне благополучных родителей, которые предпочитают заниматься духовными практиками, хобби, отправляться в путешествие, годами думать о смысле жизни и своем предназначении» [10, с. 66]. Часто такие молодые люди злоупотребляют алкоголем, «подсаживаются» на наркотики, попадают сначала в вынужденную, а затем и в добровольную изоляцию от общества.

Одиночество часто связывают с «переживанием человеком его оторванности от сообщества людей, семьи, исторической реальности, гармоничного природного мироздания» [7, с. 8]. Сегодня одиночество является всеобъемлющим феноменом, «кризисное одиночество – главная проблема при решении общих задач психологического благополучия личности и ее социального здоровья» [7, с. 21–22]. В нынешних условиях цифровой доступности и коммуникационной агрессии человек сам стремится к одиночеству, чтобы побыть наедине с собой, разобраться в своих мыслях и действиях. В какой-то степени одиночество сегодня выступает желанным и практически невозможным состоянием.

¹Кирпиченко А. Одиночество большого мира // Культура. 2022. № 6. 30 июня. С. 6.

²Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевича ; под ред. А. И. Черных. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 453.

По словам В. В. Миронова, «именно процесс глобальной компьютеризации и превращения всего человечества в единую информационную систему может выступить мощным фактором творческих потенций личности, освободив человека, работающего в естественно-научной или гуманитарной области, в сфере искусства, в обычной жизни, от рутинного, в некоторых случаях формально-вспомогательного труда, на который во всех этих областях может уходить больше времени, чем на творчество как таковое» [9, с. 131].

Фактически на глазах формируется новое проблемное поле, стремительно меняющее образ современности. В науке возникло целое междисциплинарное направление по созданию интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять функции, близкие к мыслительным и творческим способностям человека. До сих пор ИИ в целом положительно влиял на многие сферы жизнедеятельности, поскольку был призван упростить и оптимизировать производственные процессы, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах и сократить уровень травматизма. Однако повсеместная роботизация и расширение сфер использования ИИ породили ряд проблем, создав угрозу системных сбоев, несанкционированного доступа к программному обеспечению и т. д.

В последние годы ученые активно работают над усовершенствованием ИИ. Человек-робот сможет выполнять абсолютно разные задачи: перенос своих

знаний из одной сферы в другую, критическое осмысление, коммуникация с людьми или другим ИИ и т. д. Облик цивилизации будет совершенно иным, и место человека в новой реальности будет определяться с учетом потенциала ИИ.

Основным препятствием на пути создания ИИ столь высокого уровня выступает неразгаданность функционирования человеческого мозга [10]. К тому же сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время научно-технические достижения, не сопровождается нравственным прогрессом. Учитывая, что сценарии будущего не заданы, наступление глобальной цифровизации ведет к кардинальной перестройке ценностной матрицы, которая без должного историко-социального отбора может создать иллюзию прогресса, направить человека по ложному пути и сформировать искаженную реальность. Именно поэтому цифровизация должна сопровождаться адекватным развитием национальной культуры, которая в естественном диалоге с мировой культурой будет способна формировать новые жизненные смыслы и ценности, являющиеся основой сохранения жизни человечества. В этих условиях необходимо не только обозначить ближайшие перспективы и адекватно оценить новые вызовы, но и охарактеризовать масштаб возможных последствий глобальной трансформации. Это позволит противостоять расчеловечиванию человека.

Заключение

Новые достижения и открытия сегодня сопровождаются кризисом техногенной цивилизации, разрушением и деградацией природы и среды обитания человека, что ведет мир к самоуничтожению. Спасти человечество можно лишь путем согласования социально-экономического развития с законами биосферы, а также посредством утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы. Будущее зависит от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления [11].

Уже сейчас очевидно, что виртуальный кластер рождает новые вызовы, поиск ответов на которые ломает старые представления о мире, обществе и жизнедеятельности человека, а также формирует иную цивилизацию. В этом мире человек будет все больше отрываться от реальности, противоречия в новой реальности параллельного функционирования двух миров будут только нарастать. Такая ситуация, безусловно, представляет опасность для человека, но в то же время несет и новые возможности, способные облегчить жизнь людей в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Васильев ВП, редактор. *Социальные изменения в условиях цифровой среды*. Москва: Макс Пресс; 2020. 240 с.
2. Курганская ВД, Дунаев ВЮ, Сагикызы А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022;38(4):487–499. DOI: 10.21638/spbu17. 2022.404.
3. Василькова ВВ. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012;15(5):11–24.
4. Шавель СА. *Социосферная стратегия развития общества*. Минск: Беларуская навука; 2022. 387 с.
5. Кетов АР. Капитализм платформ: вызовы для рынка труда в современной России. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;2:43–46.
6. Лекторский ВА. *Человек и культура*. Избранные статьи. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018. 640 с.
7. Покровский НЕ, редактор и составитель. *Лабиринты одиночества*. Москва: Прогресс; 1989. 624 с.

8. Буланова МБ, Артамонова ЕА. NEET-молодежь: европейский контекст и российские реалии. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020;20(1):64–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72.
9. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: РГ-Пресс; 2020. 488 с.
10. Бехтерева НП. *Магия мозга и лабиринты жизни*. Москва: АСТ; 2020. 384 с.
11. Водопьянов ПА. *На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего*. Минск: Беларуская навука; 2023. 469 с.

References

1. Vasil'ev VP, editor. *Sotsial'nye izmeneniya v usloviyakh tsifrovoi sredy* [Social changes in the digital environment]. Moscow: Max Press; 2020. 240 p. Russian.
2. Kurganskaya VD, Dunaev VYu, Sagikyzy A. The phenomenon of identity in the social construction of virtual reality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2022;38(4):487–499. Russian. DOI: 10.21638/spbu17.2022.404.
3. Vasil'kova VV. Networks in social cognition: from metaphor to metatheory. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012;15(5):11–24. Russian.
4. Shavel' SA. *Sotsiosfernaya strategiya razvitiya obshchestva* [Sociospheric strategy for the development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2022. 387 p. Russian.
5. Ketov AR. Platform capitalism: challenges for the labour market in modern Russia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;2:43–46. Russian.
6. Lektorskii VA. *Chelovek i kul'tura. Izbrannye stat'i* [Man and culture. Selected articles]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2018. 640 p. Russian.
7. Pokrovskii NE, editor and compiler. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress; 1989. 624 p. Russian.
8. Bulanova MB, Artamonova EA. The NEET youth: European context and Russian realities. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(1):64–72. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72.
9. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet: izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'y* [Metaphysics never dies: selected articles, speeches and interviews]. Moscow: RG-Press; 2020. 488 p. Russian.
10. Bekhtereva NP. *Magiya mozga i labirinty zhizni* [The magic of the brain and the labyrinths of life]. Moscow: AST; 2020. 384 p. Russian.
11. Vodopyanov PA. *Na perelome ehpokh: vybor strategii sozidaniya budushchego* [At the turn of the epoch: choosing a strategy for creating the future]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. 469 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.11.2023.
Received by editorial board 08.11.2023.

УДК 316:524.8

АСТРОСОЦИОЛОГИЯ ИЛИ СОЦИОКОСМОЛОГИЯ: КАК БУДЕТ НАЗЫВАТЬСЯ НАУКА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЕТАВСЕЛЕННОЙ?

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются выделяемые современной наукой различные типы вселенных: бесконечная вселенная, внутренняя нейронная вселенная, вселенная Гутенберга, вселенная из антивещества, вселенная Лотмана, метавселенная, мифологическая вселенная, мозгоцентрическая человеческая вселенная, мультивселенная, мыслевселенная, нелинейная вселенная, семантическая вселенная, физическая вселенная, человеческая метавселенная и др. Показывается, что различные типы вселенных изучаются в рамках формирующихся наук о космосе (анизотропной, античной, атомистической, европейской, инфляционной, ньютоновской, релятивистской, симметричной, теистической, физической, фридмановской, хаотической, эволюционной, мозгоцентрической, мультимировой, меонической космологии, социокосмологии, ноокосмологии, космологии власти, космологии возможной эволюции человека, космологии общества, космологии человеческой вселенной и др.). Обосновывается вывод о том, что человеческая метавселенная должна стать объектом изучения новых направлений современной науки, а именно астросоциологии (как науки, ориентированной на изучение социальных аспектов космонавтики и поиск контактов с внеземными цивилизациями) и социокосмологии (как науки, ориентированной на построение научной картины человеческой метавселенной, которая объединяет тысячи возможных миров, созданных усилиями разновременных человеческих цивилизаций и сформированных ими коллективных (социальных) интеллектов). Это обусловлено тем, что человеческая метавселенная, как совокупность различных миров (виртуального, материального, мифологического, политического, религиозного, социального, цифрового, экономического и др.), является продуктом коллективного интеллекта.

Ключевые слова: многообразие типов вселенных; разновидности космологической науки; человеческая метавселенная; возможные миры; астросоциология; социокосмология; коллективный (социальный) интеллект; космологическая реальность.

ASTROSOCIOLOGY OR SOCIOCOSMOLOGY: WHAT WILL THE SCIENCE ABOUT THE HUMAN METAUNIVERSE BE CALLED?

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article discusses the various types of universes identified by modern science: infinite universe, internal neural universe, Gutenberg universe, antimatter universe, Lotman universe, metaverse, mythological universe, brain-centric human universe, multiverse, thought-universe, non-linear universe, semantic universe, physical universe, human metaverse, etc. It is shown that different types of universes are being studied within the emerging space sciences (anisotropic, ancient,

Образец цитирования:

Щербин ВК. Астросоциология или социокосмология: как будет называться наука о человеческой метавселенной? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023;4:10–20.
EDN: BCAYRL

For citation:

Shcherbin VK. Astrosociology or sociocosmology: what will the science about the human metauniverse be called? Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2023;4:10–20. Russian.
EDN: BCAYRL

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher. shcherbin5353@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

atomistic, European, inflationary, Newtonian, relativistic, symmetric, theistic, physical, Friedmannian, chaotic, evolutionary, brain-centric, multiworld, meonic cosmology, sociocosmology, noocosmology, cosmology of power, cosmology of possible human evolution, cosmology of society, cosmology of the human universe, etc.). The conclusion is substantiated that the human metaverse identified today should become the object of study of new directions of modern science: astrosociology (as a science focused on studying the social aspects of astronautics and the search for contacts with extraterrestrial civilisations) and sociocosmology (as a science focused on building a scientific picture human metaverse, which unites many thousands of possible worlds created by the efforts of human civilisations of different times and the collective (social) intelligences formed by them), since the human metaverse as a set of different worlds (virtual, material, mythological, political, religious, social, digital, economic, etc.) is a product of collective intelligence.

Keywords: variety of types of universes; varieties of cosmological science; human metaverse; possible worlds; astrosociology; sociocosmology; collective (social) intelligence; cosmological reality.

Введение

Из специальной справочной литературы известно, что «весь существующий материальный мир, безграничный во времени и пространстве и бесконечно разнообразный по формам, которые принимает материя в процессе своего развития»¹, называется Вселенной, или космосом. Изучением Вселенной занимается наука о космосе (космология). На протяжении всей истории вопрос о структуре Вселенной находился в центре внимания человечества: «...человек уже на заре своей интеллектуальной деятельности не просто восхищенно наблюдал украшенный бесчисленными бриллиантами звезд небосвод, а по мере возможностей своих старался проникнуть лучом разума в пучины его сокровенных тайн, разобраться в устройстве и законах изменения

и развития космоса» [1, с. 5]. Как свидетельствует Л. В. Лесков, уже в основе античной культуры лежит целостное миропредставление, которое можно назвать внеличным космологизмом, а в недрах космоса действуют законы, определяющие ход всех событий. Поскольку эти законы вечны и неизменны, как и сам космос, «...их действие проявляется как абсолютная необходимость, как Мойра, судьба, за пределы которой выйти невозможно. Античная философия обожествила этот абсолютный космос. Античные боги – это не что иное, как воплощенные в нем идеи, как законы, управляющие миром природы. Но, подчиняясь этим законам, космос в то же время абсолютно свободен, так как зависит только от самого себя» [2, с. 34].

Многообразии выявленных типов вселенных

В результате активных космологических исследований в последние десятилетия появилось много новых сведений, меняющих прежние представления о структуре Вселенной, но неплохо укладывающихся в рамки концепции глобального эволюционизма. Последний считается «основой современной общенаучной картины мира и формой знания о глобальной эволюции, в которой самоорганизация материальных систем оказывается главным перманентным процессом прогрессивного развития в видимой Вселенной» [3, с. 4]. Авторы указанной концепции предполагают, что наша Вселенная не одинока, она уже не воспринимается как универсум, вмещающий в себя все сущее. Появились новые термины, например термин «сверхвселенная». В новейшей космологии то, что именовалось Вселенной, «...видится теперь в качестве одной из мини-вселенных, в совокупности составляющих супервселенную, или мультиленную, или, если использовать более распространенное название, мультиверс (куда, кроме совокупности мини-вселенных, входит и та материальная прасреда, из которой они появились). Там могут быть иные фун-

даментальные константы, глобальные характеристики и взаимодействия» [3, с. 120].

К выводу о неединственности Вселенной приходят и зарубежные исследователи. Как свидетельствует Б. Грин, «*параллельные миры, или параллельные вселенные, или множественные миры, или альтернативные вселенные, или метаверс, мегаверс либо мультиверс, мультивселенные* – все это синонимы в ряду тех слов, с помощью которых люди стремятся охватить не только нашу Вселенную, а весь спектр других вселенных, возможно, существующих за пределами известного» [4, с. 13]. Вопрос об именовании той или иной области реальности параллельной вселенной является исключительно лингвистическим. Б. Грин формулирует действительно важный вопрос: «...существуют ли такие области, которые бросают вызов устоявшимся взглядам и заставляют нас предположить, что то, что мы до сих пор считали *всей* Вселенной, – лишь составная часть значительно большей, гораздо более странной и по большей части скрытой от нас реальности?» [4, с. 13].

¹Вселенная // Естествознание : энцикл. словарь / сост. В. Д. Шолле. М. : Большая рос. энцикл., 2002. С. 69.

В работах зарубежных и российских космологов рассмотрены многие области скрытой реальности, которым можно присвоить статус своеобразных переменных базового концепта «Вселенная». В качестве примеров определения подобных концепт-переменных могут выступить следующие категории:

- бесконечная вселенная. А. Койре отмечает, что «...вселенная новой космологии, бесконечная и по деятельности, и по протяженности... унаследовала все онтологические атрибуты божественности. Но только эти – все остальные ушедший Бог забрал с собой» [5, с. 246];

- внутренняя нейронная вселенная. По мнению М. Николелиса, «все проявления артистизма являются побочным продуктом пытливого и беспокойного человеческого разума, жаждущего наложить на внешний мир образы из своей внутренней нейронной вселенной» [6, с. 28];

- вселенная Гутенберга. Ученые В. Л. Каганский и Ю. А. Шрейдер пишут, что процесс информатизации ведет общество из вселенной Гутенберга в визуализированный информационный космос. В новой «среде “квантом” информационного продукта может стать не линейный, не охватываемый восприятием, целостно вербальный текст, а именно карта (планшет), которая будет одним из универсальных информационных средств, создаваемых применительно к ситуации на основе протокарты» [7, с. 6];

- вселенная из антивещества, которую ученым принесла теория относительности [8, с. 172];

- вселенная Лотмана. По словам А. Ю. Овчаренко и К. С. Романовой, «вся лотмановская картина мира наполнена знаками: семиосфера Юрия Лотмана как вселенная, жизнь как текст и судьба как текст» [9, с. 129];

- замкнутая вселенная Фридмана. Вселенная «никогда не сколлапсирует, даже если она исходно представляла собой замкнутую вселенную Фридмана» [10, с. 57];

- кибервселенная. По мнению П. Колесникова, «идеальная кибервселенная – это цифровой аналог реальности, дополнять и улучшать которую можно при помощи реальных вещей» [11, с. 3];

- метавселенная – «гипотетическая совокупность большого числа вселенных» [12, с. 308]. М. Цукерберг «декларировал создание метавселенной... следующий шаг развития интернета, некий единый цифровой мир, который объединяет физическую, дополненную и виртуальную реальности» [13, с. 1]. П. Колесников подразумевает под метавселенной объединение реального и виртуального миров: «Это знакомый всем интернет, только в 3D, где вы не только потребляете, но и генерируете контент, находясь внутри него. Если вы играете в онлайн-игры с VR-очками на голове или используете функцию дополненной реальности в смартфоне, вы, по сути, уже прикоснулись к метавселенной. Пусть и ограниченной» [11, с. 2];

- мифологическая вселенная. По словам А. Турсунова, в облаченных в мифологическую форму космологических размышлениях древних народов Востока – египтян, вавилонян, индийцев, иранцев и китайцев – привлекает внимание скорее не чрезвычайная примитивность образов миропонимания этих людей, а настойчивость и дерзость, с которыми они выходят за пределы своего исторически ограниченного опыта [14, с. 13]. Можно ли рассматривать мир в качестве прообраза научной теории? А. Турсунов считает, что можно, по крайней мере в отношении «одной из его распространенных форм – космогонической мифологии, которая именно объясняет (разумеется, весьма специфичным образом) происхождение мира» [14, с. 21];

- мозгоцентрическая человеческая вселенная. М. Николелис утверждает, что нахождение человеческого мозга в центре человеческой вселенной оказывает огромное влияние на восприятие человеком собственной жизни и на выбор будущего, которое унаследуют его потомки [6, с. 28]. В электромагнитном органическом компьютере, а именно в человеческом мозге, примерно 100 тыс. лет назад сформировался истинный творец всего. Со временем «...он выработал основополагающий биологический механизм жизни, заключающийся в рассеивании избыточной энтропии для записи семантически богатой гёделевской информации. На основе этого рецепта предлагаемой космосом, истинный творец всего построил человеческую вселенную» [6, с. 459]. М. Николелис уверен в том, что «...человек никогда не сможет создать машину, способную превзойти самые глубокие способности истинного творца всего. А также удивительную мозгоцентрическую человеческую вселенную, которую он построил» [6, с. 461];

- мультивселенная (мультимир, мультиверс). Любая из мультивселенных «сама состоит из возможных вселенных, и поэтому будет являться частью этого мегаконгломерата... окончательной мультивселенной» [4, с. 308]. Для обозначения совокупности вселенных Дж. Эллис использует термин «мультимир»: «Идея о параллельных вселенных переключала со страниц фантастических романов в научные журналы в 1990-х гг. Многие ученые утверждают, что миллионы других вселенных, каждая со своими законами физики, лежат за пределами нашего горизонта. Все вместе они называются мультимиром» [15, с. 7]. По свидетельству А. Д. Панова, бесконечное количество вселенных вместе с породившей их прасредой называется мультиверсом: «В рамках космологической теории “хаотической инфляции” существует не одна Вселенная, а практически бесконечное количество (вместе все они плюс та прасреда, из которой они происходят, называются мультиверсом)» [16, с. 54];

- мыслевселенная. Как инженер является производителем механизмов, художник – производителем картин, а политик – производителем государ-

ственных реформ и законов, так философ выступает в качестве производителя мыслимых миров. В настоящей исторической точке «завершается методология философского сжатия мыслевселенной и начинается методология ее расширения»²;

- нелинейная вселенная. Л. В. Лесков отмечает, что в ней вполне возможны ситуации, когда самодвигающаяся система, начав развитие в соответствии с одним сценарием, затем продолжает эволюционировать согласно другому сценарию. Это дает основание «...говорить не об одномерной стреле времени, а о многомерном темпоральном пространстве. Важное отличительное свойство этого пространства – нелинейность процессов, которые развиваются на его поле» [2, с. 426]. Настоящее определяется не только прошлым, но и будущим, по этой причине «темпоральное пространство более всего напоминает некий виртуальный лабиринт, состоящий из сложного переплетения разнообразных ходов» [2, с. 427];

- семантическая вселенная. Л. В. Лесков формулирует гипотезу о ее существовании в виде трех постулатов, обладающих синергетической целостностью:

- топология семантической вселенной подобна одностороннему листу Мёбиуса, составленному из двух автономных слоев реальности (четырёхмерного мира Эйнштейна – Минковского и семантического топоса);

- физическим референтом семантического топоса, или пространства, является меон (лат. *maeon* – отсутствие бытия, ничто), т. е. квантовый вакуум;

- все объекты материального мира обладают свойством консиенции (лат. *conscientia* – сопутствующее знание), т. е. способностью информационного взаимодействия с семантическим потенциалом меона [2, с. 294]. Свойство консиенции является универсальным, однако сильнее всего проявляется у живых организмов. Следовательно, «меон, биологические системы в целом и мозг человека, его сознание в особенности, а также связывающие их информационные потоки образуют синергетическое триединство – меон-биоинформационную триаду» [2, с. 295];

- структурно неисчерпаемая вселенная. Сегодня даже строение и эволюция всей системы галактик становятся предметом изучения метагалактической астрономии (астрофизики) и космогонии. Лишь про-

исхождение и наиболее общие характеристики метагалактики «нельзя понять вне космологии, не рассматривая метагалактику как вполне определенную (закономерную) часть всеобъемлющей структурно неисчерпаемой Вселенной, которая представляет собой множество всех потенциально возможных миров» [17, с. 10];

- физическая вселенная. Н. А. Жук утверждает, что Вселенная представляет собой гигантскую лабораторию, в которой проверяются фундаментальные физические теории. Одним из ее инструментов выступает космология, а предметом исследования – теория относительности. Последняя является одной из двух теорий, на которых «...держится здание современной физики (вторая – это квантовая теория). В этом качестве, наверное, и заключается основная роль космологии в жизни человечества» [18, с. 435];

- хаотическая вселенная А. Д. Линде. По мнению А. Павленко, сценарий хаотической вселенной А. Д. Линде пока не имеет подтверждения предсказываемых им фактов (например, существования других вселенных), но именно он «считается как раз тем подходом в современной космологии, концептуальные основы которого созвучны идеям Бруно о бесконечной Вселенной и бесчисленном множестве миров» [19, с. 205];

- человеческая метавселенная. Под этим термином М. Николелис понимает гигантский набор знаний, восприятий, мифов, верований и религиозных представлений, научных и философских теорий, культурных, моральных и этических традиций, интеллектуальных и физических достижений, технологий, произведений искусства и всех других продуктов деятельности человеческого мозга. Иначе говоря, «это все плохое и хорошее, что определяет наше наследие как вида» [6, с. 26]. Автор статьи предлагает уточнить данное М. Николелисом определение и заменить его более точной формулировкой «человеческая метавселенная», поскольку это совокупность вселенных (или миров). Наряду с физическим миром в состав данной вселенной входят как многочисленные метаописания этого мира, так и метаописания других возможных миров (виртуального, воображаемого, инженерно-технологического, культурного, литературно-художественного, метафизического, политического, психологического, социального, экономического и др.).

Многообразие существующих космологических подходов к изучению Вселенной

Многообразию перечисленных типов вселенных (миров) соответствует многообразие используемых в настоящее время космологических подходов к их изучению. Даже в самих определениях современной

космологии чередуются отсылки к базовым наукам (астрономии, физике, биологии, философии и др.). В рамках этих наук космология рассматривается в следующих качествах:

²Эпштейн М. Н. Концептивизм // Проектив. филос. слов.: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетей, 2003. С. 176.

- как отрасль астрономии, «тесно связанная с общей теорией относительности Эйнштейна» [20, с. 4];
- как физическое учение о Вселенной, «включающее в себя теорию всего охваченного астрономическими наблюдениями мира» [21, с. 321];
- как комплекс физических и астрономических знаний [22, с. 9];
- как новое научное направление комплексного характера – ноокосмология, т. е. «наука о разумной жизни во Вселенной» [23, с. 54];
- как направление философии (философия современной космологии). Уместно назвать работы «Современная космология: философские горизонты» (2011), «Космология, физика, культура» (2011) и «Метавселенная, пространство, время» (2013), в которых «нашел отражение целый спектр концептуальных, мировоззренческих, методологических, эпистемологических, культурных и социальных проблем и аспектов современного космологического знания» [24, с. 3];
- как комплекс биологических и социальных знаний, связанных со структурой Вселенной, которые «пока весьма жестко ограничены рамками собственной планеты» [25, с. 350];
- как комплекс кибернетических, культурологических, семиотических, социологических, экологических, экономических и прочих знаний. Идея о множественности обитаемых миров породила различные естественно-научные и другие исследования в астрономии, космонавтике, биологии, кибернетике и т. д. Характерной чертой современных исследований проблемы множественности космических миров выступает появление специальных научных

работ, не укладывающихся в рамки академической науки. В ноосферной науке гораздо больше гипотез, чем в космологии, ведь космология изучает уже существующий объект – Вселенную, многие фрагменты которой пока еще мало исследованы. В работах по астросоциологии и исследованию внеземного разума рассуждения часто строятся по аналогии. Парадигма научного поиска внеземных цивилизаций имеет скрытый культурологический характер. Проблема их обнаружения является комплексной, междисциплинарной и общенаучной. Интенсивная работа «ведется главным образом в астрономическом, астронавтическом (межзвездные перелеты), биологическом, информационном, лингвистическом и социологическом аспектах». Ставится даже вопрос о том, «не сгруппировать ли упомянутый научный комплекс проблемы внеземных цивилизаций в одну науку» (назвав ее космофией, экзосоциологией, астросоциологией или др.) [3, с. 549]. Еще в начале прошлого века российский философ В. И. Танеев размышлял над аналогичной проблемой и пришел к выводу о необходимости выделить пять общих групп наук: «математические, космологические, биологические, социологические и философские», при этом «главенствующую роль в иерархии знания» специалист отводил философии³. Если придерживаться предложенной В. И. Танеевым классификации наук, то различные типы космологий, включая социокосмологию, целесообразно рассматривать в ряду космологических наук, а астросоциологию – в ряду социологических дисциплин и отраслевых социологических теорий.

Астросоциология среди сопредельных отраслевых социологий

Если учесть, что знакомство с социальной жизнью внеземных цивилизаций сильно ограничено рамками нашей планеты, то сопредельными с астросоциологией отраслевыми социологиями выступают следующие направления социологической мысли:

- социология научно-фантастической литературы (особенно такой жанр, как социальная фантастика). Вряд ли случайным является включение в структуру британского издания «Энциклопедия научной фантастики» (1993) таких статей, как «Жизнь в других мирах», «Общество», «Социология» и т. д. В указанной энциклопедии особо подчеркивается тот факт, что «социология и научная фантастика имеют общего предшественника в лице утопической философии, которая часто использует литературные формы, наиболее характерные для осуществления воображаемых космических полетов и для моделирования идеальных обществ»⁴. Авторы отмечают, что оценка таких моделей может высту-

пать рабочей формой тестирования гипотез: «Как и в философских утопиях, опирающихся на литературные техники, моделирование литературных персонажей и личных отношений между ними выступает средством оценки “качества жизни” в таких гипотетических обществах. <...> Отдельные сюжеты научно-фантастической литературы прямо соответствуют мысленным экспериментам в социологии»⁵. Тесные связи между формами науки (ее теориями, экспериментами, знаниями) и художественными образами, создаваемыми в научно-художественной литературе и искусстве (кино, живописи), Л. Г. Новикова объясняет следующим образом: «Влияние, оказываемое со стороны научного знания на тематическую направленность и проблемное поле НФ (научной фантастики. – В. Ш.), является составной частью фронтального воздействия науки и характерных для нее форм объяснения реальности на современную культуру, на все формы и уровни общественного

³Танеев Владимир Иванович // Справ. по истории философии: хронолог., персонифицир. / под ред. В. С. Ермакова. СПб. : Союз, 2003. С. 194.

⁴Sociology // The Encycl. of science fiction / ed. by J. Clute, P. Nicholls. L. : Orbit, 1993. P. 1129. Здесь и далее перевод наш. – В. Ш.

⁵Sociology. P. 1129.

сознания. В данном контексте научно-фантастическая литература осуществляет функции... культурного посредника подобного воздействия. Значимой при этом выступает ее способность не к строгому изложению идей и революционных результатов современного научного знания (в таком виде они, как правило, не воспринимаются массовым сознанием), а к созданию их художественных эквивалентов в системе эмоционально-чувственных образов» [26, с. 13];

- социология будущего. Поскольку космические полеты к иным звездным мирам и непосредственное знакомство с существующими там внеземными формами жизни еще только предстоит совершить, постольку астросоциология сближается с социологией будущего. Определенное представление об этом направлении социологической науки позволяет составить глава «Социология будущего» в монографии А. Н. Данилова «Власть и общество: поиск новой гармонии» (1998), а также монография Ю. Г. Волкова «Социология будущего: социологическое знание и социальный проект» (2023). По мнению А. Н. Данилова, социология будущего наиболее четко описана в одной из работ знатока человеческой судьбы А. Тойнби «Цивилизация перед судом истории» (1996). Автор высказывает мнение о том, что покончить с ужасающей отсталостью человеческого быта удастся только в том случае, если ученые-гуманитарии найдут среднее решение между свободным предпринимательством и социализмом [27, с. 541–543]. Во всяком случае, рассуждая о социальных перспективах развития человечества, наиболее объективные западные социологи ставят под сомнение неизбежность выбора между западным миром и социалистическими обществами в пользу первого: «...да, этот мир... лучший из возможных миров. Поскольку в том, что касается невозможных миров, удалось убедить господствующее мнение (с особо ценной помощью немислимого числа ренегатов революционных или коммунистических убеждений), что продолжать мечтать о них – преступно. <...> Если наш мир призван стать миром вообще, то о сверхсуществовании какого человечества он оповещает, если не человечества, которое бухгалтерские правила, неподконтрольные действию мысли распределяет по разнообразным гетто, в которых выбор предоставляется только между субстанциалистскими дрязгами племен и универсальностью денег?» [28, с. 287–288]. В результате монографического исследования Ю. Г. Волков приходит к выводу о том, что социология будущего становится наукой социального действия для того, чтобы, расставшись с заблуждениями о прошлом и настоящем, укрепить доверие к будущему, способность людей создать общество, в котором социальные проблемы будут решены благодаря диалогу с властью, конструктивному обмену идеями и, главное, самопознанию социума [29, с. 174];

- проективная социология. М. Н. Эпштейн полагает, что проективная дисциплина, например проективная философия или проективная лингвистика, конструирует возможные единицы языка, универсалии или миры, расширяя ментальный горизонт науки и формируя новый фрагмент ноосферы. В XX–XXI вв. проективное начало все больше доминирует, стирая грань между субъективным и объективным. Проектом становится даже то, что всегда считалось неизменной, природной данностью. М. Н. Эпштейн отмечает, что до недавнего времени ученые занимались исследованием только одной реальности (одной Вселенной, одной формы жизни, одной формы разума). Это не позволяло прийти к обобщениям о природе вещества или о природе жизни именно потому, что они были доступны для наблюдения только в единственном числе, тогда как процесс обобщения предполагает сравнение разных форм одного явления. Компьютерные симуляции естественных процессов значительно облегчили сопоставление альтернативных вселенных или форм жизни с наличной реальностью, а тем самым расширили диапазон возможных обобщений. Соотношение между мертвым знанием и живым мышлением стремительно меняется в пользу последнего. Меняется и соотношение между «прошлым трудом» (овеществленным в машинах, технических средствах и всем материальном богатстве) и живым интеллектуальным трудом, который использует эти резервы знания для производства нового. Рост мощи «объективного познания есть переходная ступень к безграничной мощи проективного мышления, способного выходить за пределы существующей Вселенной и знаний о ней»⁶;

- социология воображения. Данное направление социологической науки разрабатывалось в исследованиях Б. Андерсона [30], А. Г. Дугина [31], Ч. Р. Миллса [32], С. А. Шавеля [33] и других ученых. Феномен социологического воображения С. А. Шавель описывает следующим образом: «Социологическое воображение как оперирование чувственными и интеллектуальными представлениями отличают: 1) правильно организованная память, в том числе на теоретические знания; 2) широта комбинационного поля; 3) дисциплинированная фантазия, т. е. способность придумывать неожиданные сочетания представлений; 4) подвижность элементов в комбинационном поле воображения; 5) стремление придумывать новое – изобретать, перекомбинировать, творить» [33, с. 214].

Можно назвать ряд других направлений современной социологической науки, которые близки по ряду онтологических, методологических и семиотических характеристик к астросоциологии: интерпретативная социология, когнитивная социология, общий социальный анализ, социология творчества,

⁶Эпштейн М. Н. Проективность // Проектив. филос. слов.: новые термины и понятия. Вып. 2 / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетей, 2020. С. 305–307.

критический дискурс-анализ, социологическая концептология и др. Однако и ранее указанных научных направлений (социология научно-фантастической литературы, социология будущего, проективная социология, социология воображения) достаточно для того, чтобы определить отличия астросоциологии от сопредельных с ней отраслей социологического знания. Наиболее яркими характеристиками астро-

социологии выступают подчеркнутая ориентация на изучение социальных аспектов космонавтики (как «области науки и техники, ознаменовавшей собой выход человечества в ближайшие окрестности своей колыбели – Земли» [34, с. 59]) и стремление к поиску контактов с внеземными цивилизациями. В то же время социокосмология имеет совершенно иные цели и подходы к их достижению.

Социокосмология среди сопредельных космологических дисциплин

Толчком к появлению социокосмологии послужила очередная смена космологической модели в современной космологии: если раньше центром геоцентрической модели являлась планета Земля, а позднее им стало Солнце, то в современной мозгоцентрической модели центром становится человеческий мозг. В качестве ключевого элемента социоцентрической модели сегодня рассматривается социум, точнее коллективный (социальный) интеллект и его оцифрованные разновидности:

- коллективный разум (интеллект) – «системное свойство совокупности индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать общее мировоззрение, совершенствовать коллективную память и, может быть, в будущем вырабатывать и принимать коллективные решения» [35, с. 186];

- синтеллект – «коллективный разум, который образуется интеграцией индивидуальных сознаний через сеть нейронно-электронных коммуникаций, новая ступень в создании всечеловеческого мозга»⁷;

- сверхразум – «гипотетический всемогущий разум, продукт развития цивилизации в сверхцивилизацию, разум, неподвластный энтропии, который становится главной угрозой для гомеостаза системы»⁸;

- общество разума – «схема, в которой каждое сознание представляется состоящим из множества мелких процессов». Указанные процессы называются ментальными агентами. Каждый из них выполняет некое простое действие, для чего не требуется мышление. Тем не менее объединение указанных агентов в сообщества ведет к формированию подлинного интеллекта [36, с. 5];

- ноосферный интеллект – «целостное и футуризированное сознание как отдельной личности, так и всего объединенного человечества, существенно усиленное средствами информатики, опережающее и направляющее практику глобального процесса ноосферогенеза и способствующее его оптимальному развертыванию» [3, с. 597];

- синергонет – принципиально новая структура, созданная для «осуществления синергии в смысле

Улама – Забусского в целях построения коллективного интеллекта человечества, вступившего в эпоху ноосферы» [37, с. 15];

- мозговой континуум – «мозгосети», которые образуются благодаря наличию в человеческом мозге большой массы нейронов, соединенных специфическим образом, в рамках сложных электромагнитных полей. Среди функций таких аналоговых полей можно выделить обеспечение аналогового субстрата, посредством которого большое количество мозгов могут синхронизироваться [6, с. 267–268]).

Ученые уже мечтают о создании вселенского космического интеллекта (конструктора, космического субъекта). Именно ему некоторые исследователи приписывают функции третьего элемента космологической триады. Нельзя исключить, что этот конструктор сможет, в соответствии с принципом коэволюции природы и интеллекта, «управлять космическими процессами, быть может, вплоть до масштабов Вселенной» [2, с. 418].

По мнению автора статьи, основаниями для формирования социоцентрической космологической модели, ключевым элементом которой выступает коллективный интеллект, и направлений социокосмологии (космологии власти [38, с. 144–147], космологии возможной эволюции человека [39], космологии общества [40], космологии человеческой вселенной [6, с. 26], ноокосмологии [23, с. 54] и др.), послужили следующие обстоятельства:

- признание современными физиками и космологами того факта, что «уровень сложности социальных систем практически не имеет аналогов в привычном мире физико-химических моделей» [25, с. 8];

- формулирование космологами основной миссии своей науки: «Смысл всякой космологии, т. е. учения о космосе, Вселенной, состоит в том, чтобы свести многообразные знания о мире в единую, достаточно стройную картину, объемлющую наиболее важные факты и представления» [41, с. 6];

- осознание всеми представителями науки того факта, что все знания, накопленные современной на-

⁷Эпштейн М. Н. Синтеллект, соразум // Проектив. филос. слов.: новые термины и понятия. Вып. 2 / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2020. С. 344.

⁸Миры братьев Стругацких. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / сост. В. Борисов. М. : АСТ, 1999. С. 233.

укой, не может усвоить ни один ученый в мире, однако это по силам мировому научному сообществу;

- предчувствие современными гуманитариями неизбежности большого социоприродного взрыва как астросоциологической закономерности: «Появление социальной ступени эволюции оказывается как бы второй сингулярной точкой, поворотным пунктом, который круто изменяет параметры эволюционных процессов во Вселенной, наполняет их диалектикой социального и природного, способствуя социализации естественной эволюции космоса» [3, с. 524]. Эволюция материи выступает как процесс, происходящий не только в космической среде, но и во временном измерении. Он соединяет астрономическое прошлое Вселенной с потребным для человека космогоническим будущим. Этот процесс, который возвращает «уже начавшее деградировать человечество на супермагистраль глобальной эволюции», можно считать большим социальным или даже социоприродным взрывом. Данный взрыв, т. е. «быстрое по космогоническим масштабам времени (но не инфляционное) пространственно-темпоральное расширение социоприродной сферы, представляется примерно такой же астросоциологической закономерностью, каким сейчас видится процесс глобализации» [3, с. 524–525];

- все более частое использование теоретических наработок космологической науки в социологии. Сам факт того, что ключевым элементом новейшей космологической модели выступает коллективный интеллект, свидетельствует о том, что социология берет на себя космологические функции. У отдельных исследователей возникает вопрос о целесообразности такого подхода [38, с. 136]. Пытаясь найти ответ на поставленный вопрос, А. М. Положенцев пишет следующее: «Остается загадкой вопрос, почему именно космология призывается решить самые насущные (и самые дорогостоящие) вопросы человеческого бытия. Почему ключевые вопросы наук увязываются именно с ней? Конечно, наука в данной сфере выступает наследницей религий и космогоний мифологического прошлого. И в этом нет ничего плохого. Однако сам космос, который исследует наука, относится к разряду онтических трансценденций, а не к области бытия человека. Черные дыры, галактики, микромир трансцендентны человеческому бытию, конечно, не так, как трансцендентны Бог, смерть и сама власть, трансценденции онтологические. Онтические трансценденции “здесь”, в них нельзя существовать, но их можно познавать, ими можно овладеть. Онтологические трансценденции по ту сторону овладения и познания. <...> Космология, которую задает наша наука, открывает скорее не то, как устроен мир, а то, какой мир нас устраивает. Власть пока не готова открыто взять на себя ответственность за творение мира, то ли потому, что стесняется, то ли потому, что уже знает, чем

придется расплачиваться за такую ответственность» [38, с. 146–147];

- обоснование Д. Дойчем вывода о том, что перспектива метагалактической эволюции определена дальнейшим развитием коллективного интеллекта человечества. Для этого «...разум должен будет вовремя распространиться по всей Вселенной, чтобы сделать первые необходимые настройки. Это один из ряда контрольных сроков, которым, как показал Типлер, нам придется удовлетворить, и он также показал, что удовлетворить любому из них с точки зрения нашего настоящего знания физически возможно» [42, с. 587]. Первый срок, отмечает Д. Дойч, «...наступит примерно через пять миллиардов лет от сегодняшнего момента, когда Солнце, если оставить его на произвол судьбы, станет красной гигантской звездой и сотрет нас с лица земли. До этого момента мы должны научиться управлять Солнцем или покинуть Солнечную систему. Затем мы должны заселить нашу Галактику, потом – местное скопление галактик, а потом – и всю Вселенную. Мы должны делать все это достаточно быстро, чтобы удовлетворить соответствующему сроку, но мы не должны продвигаться вперед так быстро, что израсходуем все необходимые ресурсы прежде, чем создадим новый уровень технологии» [42, с. 587]. С указанным выводом Д. Дойча солидарны и белорусские ученые: «...неотъемлемое свойство жизни – экспансия. Ее основной движущей силой выступают носители пассионарной энергии. Космическая экспансия разума представляет собой цель и смысл развития человеческой цивилизации, так как является единственным средством продления его существования» [43, с. 220]. Л. В. Лесков идет еще дальше, утверждая, что разум является фундаментальным свойством Вселенной: «Это следует из того, что в процессе ее эволюции возникли существа, способные выстраивать ее ментальные модели» [44, с. 22]. По мнению же российского историка Н. Е. Копосова, «разум подобен замкнутой вселенной символов» [45, с. 307].

Таким образом, выделение указанного типа космологии в качестве отдельного научного направления является правомерным. С иными типами космологий (анизотропной, античной, атомистической, европейской, инфляционной, мозгоцентрической, мультимировой, меонической, ньютоновской, релятивистской, симметричной, теистической, физической, фридмановской, хаотической, эволюционной и др.) социокосмологию объединяет подчеркнутая мировоззренческая установка на построение научной картины мира. Специфику же социокосмологии составляет ее первоочередная ориентация на изучение возможных миров, созданных усилиями разновременных человеческих цивилизаций, и сформированных ими коллективных интеллектов.

Заключение

Анализ истории и теоретических оснований формирования астросоциологии и социокосмологии позволяет сделать следующие выводы:

- указанные научные направления изучают создаваемую на протяжении многотысячелетней истории человечества новую космологическую реальность – человеческую метавселенную;
- астросоциология специализируется на изучении социальных аспектов космонавтики и поиске контактов с внеземными цивилизациями, а социо-

космология направлена на изучение построения научной картины человеческой метавселенной, которая объединяет тысячи возможных миров (виртуальный, материальный, мифологический, политический, религиозный, социальный, экономический и др.);

- в совокупности астросоциология и социокосмология могут выступать в качестве основы формирования общепланетарного рационалистического мировоззрения XXI в.

Библиографические ссылки

1. Турсунов А. *Горизонты космологического знания (история и современность)*. Москва: Знание; 1969. 48 с.
2. Лесков ЛВ. *Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества*. Москва: Экономика; 2003. 446 с.
3. Ильин ИВ, Урсул АД, Урсул ТА. *Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы*. Москва: Издательство Московского университета; 2012. 616 с.
4. Грин Б. *Скрытая реальность: параллельные миры и глубинные законы космоса*. Малышенко ВО, переводчик. Москва: Книжный дом «Либроком»; 2013. 400 с.
5. Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной Вселенной*. Стрелков В, переводчик. Москва: Логос; 2001. 274 с.
6. Николелис М. *Истинный творец всего. Как человеческий мозг сформировал Вселенную в том виде, в котором мы ее воспринимаем*. Москва: АСТ; 2023. 496 с.
7. Каганский ВЛ, Шрейдер ЮА. Карта как общий способ представления знаний (география за пределами географии). *Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы*. 1992;5:1–6.
8. Каку М. *Космос Эйнштейна: как открытия Альберта Эйнштейна изменили наши представления о пространстве и времени*. Москва: Альпина нон-фикшн; 2016. 272 с.
9. Овчаренко АЮ, Романова КС. Вселенная Лотмана: текст как судьба. *Филологические науки*. 2023;3:129–131. DOI: 10.20339/PhS.3-23.129.
10. Линде АД. *Физика элементарных частиц и инфляционная космология*. Москва: Наука; 1990. 275 с.
11. Колесников П. *Метаразвод на реальные деньги. Метавселенные – цифровое будущее или очередная фикция?* [Интернет; процитировано 2 июня 2023 г.]. Доступно по: <https://hi-tech.mail.ru/review/58076-metarazvod-na-metababki-metavselennye-cifrovoye-budushee-ili-ocherednaya-fiksiya/>.
12. Рубин СГ. *Устройство нашей Вселенной*. Фрязино: Век 2; 2016. 320 с.
13. Гаврилина Е, Гуров О, Труфанова Е, Попова О, Черный Ю. *Metaverse и техносоциальная история: конец или новое начало? Круглый стол ИНИОН РАН*. Москва: ИНИОН РАН; 2021. 21 декабря 2021 г.
14. Турсунов А. *От мифа к науке: эволюция космологической картины*. Москва: Политиздат; 1973. 152 с.
15. Эллис Дж. Существует ли мультимир на самом деле? *В мире науки*. 2011;10:6–12.
16. Панов АД. Надо упорно искать проявления внеземного разума... *Историческая психология и социология истории*. 2008;2:49–58.
17. Идлис ГМ. *Революции в астрономии, физике и космологии*. Григорьян АТ, редактор. Москва: Наука; 1985. 232 с.
18. Жук НА. *Космология*. Харьков: ООО «Модель Вселенной»; 2000. 464 с.
19. Павленко А. *История как символ. Философские заметки*. Санкт-Петербург: Алетея; 2016. 348 с.
20. Шама ДВ. *Современная космология*. Согласнов ВА, переводчик; Кардашев НС, редактор. Москва: Мир; 1973. 254 с.
21. Зельманов А. *Космология*. В: Михайлов АА, составитель. *Развитие астрономии в СССР. 1917–1967*. Москва: Наука; 1967. с. 320–390.
22. Чаругин ВМ. *Космология: теория и наблюдения*. Москва: Знание; 1979. 62 с.
23. Зельдович ЯБ, Новиков ИД. *Строение и эволюция Вселенной*. Москва: Наука; 1975. 736 с.
24. Лесков ЛВ. *Космические цивилизации: проблемы эволюции*. Москва: Знание; 1985. 64 с.
25. Казютинский ВВ, редактор. *Метавселенная, пространство, время*. Москва: ИФРАН; 2013. 141 с.
26. Потупа АС. *Открытие Вселенной – прошлое, настоящее, будущее*. Минск: Юнацтва; 1991. 588 с.
27. Новикова ЛГ. *Социология как судьба: избранное. Воспоминания коллег*. Данилов АН, редактор. Минск: Беларуская навука; 2012. 448 с.
28. Данилов АН. *Власть и общество: поиск новой гармонии*. Минск: Універсітэцкае; 1998. 575 с.
29. Бадью А. *Тайная катастрофа. Конец государственной истины*. В: Бурдье П, Качанов ЮЛ, Шматко НА, редакторы. *Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук*. Москва: Праксис; 2005. с. 269–299.
30. Волков ЮГ. *Социология будущего: социологическое знание и социальный проект*. Москва: Кнорус; 2023. 178 с.
31. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Николаев ВГ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
32. Дугин АГ. *Социология воображения. Введение в структурную социологию*. Москва: Академический проект; 2010. 564 с.
33. Миллс ЧР. *Социологическое воображение*. Москва: Nota Bene; 2001. 264 с.
34. Шавель СА. *Философско-социологический анализ феномена воображения*. В: Данилов АН, редактор. *Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды*. Минск: БГУ; 2015. с. 190–214.

35. Моисеев НН. *Универсум. Информация. Общество*. Москва: Устойчивый мир; 2001. 200 с.
36. Минский М. *Сообщество разума*. Желнинов В, переводчик. Москва: АСТ; 2018. 592 с.
37. Басин МА, Шилович ИИ. *Синергетика и Internet (путь к Synergonet)*. Санкт-Петербург: Наука; 1999. 69 с.
38. Положенцев АМ. Власть и познание. *Мысль*. 2008;7:136–147.
39. Успенский ПД. *Психология возможной эволюции человека. Космология возможной эволюции человека*. Санкт-Петербург: Комплект; 1995. 160 с.
40. Богданов ВА. *Ясновидящая материя. Космология общества*. Санкт-Петербург: СПбГУ; 1995. 220 с.
41. Евсюков ВВ. *Мифы о Вселенной*. Новосибирск: Наука; 1988. 177 с.
42. Дойч Д. *Структура реальности: наука параллельных вселенных*. Москва: Альпина нон-фикшн; 2023. 614 с.
43. Колесников АВ. *Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума*. Минск: Беларуская навука; 2022. 315 с.
44. Лесков ЛВ. *Неизвестная Вселенная*. Москва: УРСС; 2011. 248 с.
45. Копосов НЕ. *Как думают историки*. Москва: Новое литературное обозрение; 2001. 326 с.

References

1. Tursunov A. *Gorizonty kosmologicheskogo znaniya (istoriya i sovremennost')* [Horizons of cosmological knowledge (history and modernity)]. Moscow: Znanie; 1969. 48 p. Russian.
2. Leskov LV. *Nelineinaya Vselennaya: novyi dom dlya chelovechestva* [Nonlinear Universe: a new home for humanity]. Moscow: Ehkonomika; 2003. 446 p. Russian.
3. Ilyin IV, Ursul AD, Ursul TA. *Global evolutionism: ideas, problems, hypotheses*. Moscow: Moscow University Press; 2012. 616 p. Russian.
4. Green B. *Skrytaya real'nost': parallel'nye miry i glubinnye zakony kosmosa* [Hidden reality: parallel worlds and deep laws of space]. Malysheko VO, translator. Moscow: Knizhnyi dom «LibrokoM»; 2013. 400 p. Russian.
5. Koire A. *Ot zamknutogo mira k beskonechnoi Vselennoi* [From a closed world to an infinite Universe]. Strelkov V, translator. Moscow: Logos; 2001. 274 p. Russian.
6. Nicolelis M. *Istinni tvorets vsego. Kak chelovecheskii mozg sformiroval Vseennuyu v tom vide, v kotorom my ee vosprinimaem* [The true creator of everything. How the human brain shaped the Universe as we perceive it]. Moscow: AST; 2023. 496 p. Russian.
7. Kaganskii VL, Shreider YuA. [Map as a general way of representing knowledge (geography beyond geography)]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy*. 1992;5:1–6. Russian.
8. Kaku M. *Kosmos Ehinshteina: kak otkrytiya Al'berta Ehinshteina izmenili nashi predstavleniya o prostranstve i vremeni* [Einstein's cosmos: how Albert Einstein's discoveries changed our ideas about space and time]. Moscow: Alpina non-fiction; 2016. 272 p. Russian.
9. Ovcharenko AYU, Romanova KS. Lotman's Universe: text as fate. *Philological Sciences*. 2023;3:129–131. Russian. DOI: 10.20339/PhS.3-23.129.
10. Linde AD. *Fizika ehlementarnykh chastits i inflyatsionnaya kosmologiya* [Particle physics and inflationary cosmology]. Moscow: Nauka; 1990. 275 p. Russian.
11. Kolesnikov P. *Metarazvod na real'nye den'gi. Metavselennye – tsifrovoe budushchee ili ocherednaya fiktsiya?* [Meta scam for real money. Metaverses – digital future or just another fiction?] [Internet; cited 2023 June 2]. Available from: <https://hi-tech.mail.ru/review/58076-metarazvod-na-metababki-metavselennye-tsifrovoe-budushchee-ili-ocherednaya-fiksiya/>. Russian.
12. Rubin SG. *Ustroystvo nashei Vselennoi* [The structure of our Universe]. Fryazino: Vek 2; 2016. 320 p. Russian.
13. Gavrilina E, Gurov O, Trufanova E, Popova O, Chernyi Yu. *Metaverse i tekhnosotsial'naya istoriya: konets ili novoe nachalo? Kruglyi stol INION RAN* [Metaverse and technosocial history: end or new beginning? Round table of INION RAS]. Moscow: INION RAS; 2021. 2021 December 21. Russian.
14. Tursunov A. *Ot mifa k nauke: ehvolyutsiya kosmologicheskoi kartiny* [From myth to science: evolution of the cosmological picture]. Moscow: Politizdat; 1973. 152 p. Russian.
15. Ellis J. [Does the multiworld really exist?]. *V mire nauki*. 2011;10:6–12. Russian.
16. Panov AD. We must persistently search for manifestations of extraterrestrial intelligence... *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2008;2:49–58. Russian.
17. Idlis GM. *Revolutsii v astronomii, fizike i kosmologii* [Revolutions in astronomy, physics and cosmology]. Grigor'yan AT, editor. Moscow: Nauka; 1985. 232 p. Russian.
18. Zhuk NA. *Kosmologiya* [Cosmology]. Kharkiv: OOO «Model' Vselennoi»; 2000. 464 p. Russian.
19. Pavlenko A. *Istoriya kak simvol. Filosofskie zametki* [History as a symbol. Philosophical notes]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. 348 p. Russian.
20. Shama DV. *Sovremennaya kosmologiya* [Modern cosmology]. Soglasnov VA, translator; Kardashev NS, editor. Moscow: Mir; 1973. 254 p. Russian.
21. Zel'manov A. [Cosmology]. In: Mikhailov AA, compiler. *Razvitie astronomii v SSSR. 1917–1967* [Development of astronomy in the USSR. 1917–1967]. Moscow: Nauka; 1967. p. 320–390. Russian.
22. Charugin VM. *Kosmologiya: teoriya i nablyudeniya* [Cosmology: theory and observations]. Moscow: Znanie; 1979. 62 p. Russian.
23. Zel'dovich YaB, Novikov ID. *Stroenie i ehvolyutsiya Vselennoi* [Structure and evolution of the Universe]. Moscow: Nauka; 1975. 736 p. Russian.
24. Leskov LV. *Kosmicheskie tsivilizatsii: problemy ehvolyutsii* [Space civilisations: problems of evolution]. Moscow: Znanie; 1985. 64 p. Russian.
25. Kazyutinskii VV, editor. *Metavselennaya, prostranstvo, vremya* [Metaverse, space, time]. Moscow: IFRAN; 2013. 141 p. Russian.
26. Potupa AS. *Otkrytie Vselennoi – proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Discovery of the Universe – past, present, future]. Minsk: Junactva; 1991. 588 p. Russian.

27. Novikova LG. *Sotsiologiya kak sud'ba: izbrannoe. Vospominaniya kolleg* [Sociology as destiny: selected ones. Memoirs of colleagues]. Danilov AN, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. 448 p. Russian.
28. Danilov AN. *Vlast' i obshchestvo: poisk novoi garmonii* [Power and society: the search for a new harmony]. Minsk: Universitjckae; 1998. 575 p. Russian.
29. Badiou A. [Secret catastrophe. The end of state truth]. In: Burd'e P, Kachanov YuL, Shmatko NA, editors. *Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskoi perspektive: al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* [Sociology is in question. Social sciences in a poststructuralist perspective: almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Praxis; 2005. p. 269–299. Russian.
30. Volkov YuG. *Sotsiologiya budushchego: sotsiologicheskoe znanie i sotsial'nyi proekt* [Sociology of the future: sociological knowledge and social project]. Moscow: Knorus; 2023. 178 p. Russian.
31. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Nikolaev VG, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p. Russian.
32. Dugin AG. *Sotsiologiya voobrazheniya. Vvedenie v strukturnuyu sotsiologiyu* [Sociology of imagination. Introduction to structural sociology]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2010. 564 p. Russian.
33. Mills ChW. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [Sociological imagination]. Moscow: Nota Bene; 2001. 264 p. Russian.
34. Shavel' SA. [Philosophical and sociological analysis of the phenomenon of imagination]. In: Danilov AN, editor. *Znat', chtoby predvidet'... Sotsiologicheskie ehtyudy* [To know in order to foresee... Sociological studies]. Minsk: BSU; 2015. p. 190–214. Russian.
35. Moiseev NN. *Universum. Informatsiya. Obshchestvo* [Universe. Information. Society]. Moscow: Ustoichivyi mir; 2001. 200 p. Russian.
36. Minskii M. *Soobshchestvo razuma* [Community of reason]. Zhel'nikov V, translator. Moscow: AST; 2018. 592 p. Russian.
37. Basin MA, Shilovich II. *Sinergetika i Internet (put' k Synergonet)* [Synergetics and the Internet (the path to Synergonet)]. Saint Petersburg: Nauka; 1999. 71 p. Russian.
38. Polozhentsev AM. [Power and knowledge]. *Mysl'*. 2008;7:136–147. Russian.
39. Uspenskii PD. *Psikhologiya vozmozhnoi ehvolyutsii cheloveka. Kosmologiya vozmozhnoi ehvolyutsii cheloveka* [Psychology of possible human evolution. Cosmology of possible human evolution]. Saint Petersburg: Komplekt; 1995. p. 78–153. Russian.
40. Bogdanov VA. *Yasnovidyashchaya materiya. Kosmologiya obshchestva* [Clairvoyant matter. Cosmology of society]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 1995. 220 p. Russian.
41. Evsyukov VV. *Mify o Vselennoi* [Myths about the Universe]. Novosibirsk: Nauka; 1988. 177 p. Russian.
42. Deutsch D. *Struktura real'nosti: nauka parallel'nykh vseennykh* [The structure of reality: the science of parallel universes]. Moscow: Alpina non-fiction; 2023. 614 p. Russian.
43. Kolesnikov AV. *Kiberkosmizm. Tsifrovaya filosofiya temporal'nogo universuma* [Cybercosmism. Digital philosophy of the temporal universe]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2022. 315 p. Russian.
44. Leskov LV. *Neizvestnaya Vselennaya* [Unknown Universe]. Moscow: URSS; 2011. 248 p. Russian.
45. Koposov NE. *Kak dumayut istoriki* [What do historians think?]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2001. 326 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.09.2023.
Received by editorial board 25.09.2023.

УДК 141.2

ИМПЕРИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, О. Ч. КИРВЕЛЬ²⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется российский имперский проект. Развивается концепция региональных новоимперий. Отмечается, что возрождение империи в новом варианте может быть оптимальным решением в поиске эффективного государственного устройства современной России. Раскрываются характерные черты и особенности традиционной Российской империи. К принципиальным отличиям Российской империи от западных империй колониального типа авторы причисляют гуманное отношение к входящим в ее состав народам и этносам, а также феномен сверхэксплуатации русского империеобразующего народа. Доказывается, что Россия, несмотря на территориальный размах, не являлась колониальной империей и, в отличие от западноевропейских стран, никогда не стремилась к уничтожению каких-либо народов. Высокая степень централизации традиционной Российской империи объясняется объективными условиями ее исторического бытия. Демонстрируется успешность российского имперского проекта в долгосрочной перспективе, показываются его достижения в советскую эпоху, способность к возрождению после немыслимо тяжелых катаклизмов, поражений и смут. Логика исторического развития России показывает, что единственной формой государственности, в которой страна может себя сохранить, выступает империя. Рождение новой Российской империи возможно в форме стержневого государства-цивилизации как центра притяжения для родственных в культурно-цивилизационном отношении союзных государств.

Ключевые слова: империи; колониальные морские империи; традиционные континентальные империи; Российская империя; государство-цивилизация; регионализация.

EMPIRE AS A FORM OF SOCIO-POLITICAL EXISTENCE OF RUSSIA

Ch. S. KIRVEL^a, O. Ch. KIRVEL^b

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azhjeshka Street, Grodna 230023, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. Ch. Kirvel (kirvel@bsu.by)

The article is devoted to the investigation of the Russian imperial project and develops the concept of regional new empires. The restore of the empire in a new version may be the optimal solution to the search for an effective government structure in modern Russia. The characteristic features and peculiarities of the traditional Russian Empire are disclosed. The fundamental

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Кирвель ОЧ. Империя как форма социально-политического бытия России. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:21–35. EDN: EDSNGW

For citation:

Kirvel ChS, Kirvel OCh. Empire as a form of socio-political existence of Russia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:21–35. Russian. EDN: EDSNGW

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Ольга Чеславовна Кирвель – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений.

Authors:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.

kaf_filosof@grsu.by

Olga Ch. Kirvel, PhD (economics), docent; associate professor at the department of international economic relations, faculty of international relations.

kirvel@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-6655-0908>

differences from Western empires of the colonial type include: a humane attitude towards the peoples and ethnic groups included in the Russian Empire, the phenomenon of over-exploitation of the Russian empire-forming people. It is proved that Russia, despite its territorial scope, was not a colonial empire and, unlike Western European countries, the Russians generally had no tradition of exterminating any peoples. The high degree of centralisation of the traditional Russian Empire is explained by the objective conditions of its historical existence. The success of the Russian imperial project in the long term is demonstrated, its achievements in the Soviet era, its ability to revive after unimaginably severe cataclysms, defeats and unrest are shown. It has been established that, following the logic of the historical development of Russia, it is necessary to restore the empire in full as the only form of statehood in which the country can save itself and survive. The restore of the new Russian Empire is possible in the form of a core state-civilisation as a center of gravity for allied states related in cultural and civilisational terms.

Keywords: empires; colonial maritime empires; traditional continental empires; Russian Empire; state-civilisation; regionalisation.

Российский имперский проект является наследником двух величайших государств – православной Византийской империи и степной Монгольской империи. В течение длительного периода множество рассуждений о Российской империи вращались вокруг проблем экспансионизма в соответствии с магистральными линиями развития исторического нарратива о судьбе «покоренных народов». Однако то, «о чем обычно забывают при изучении Российской империи, – это вопросы о том, каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав, и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы» [1, с. 25]. При этом из внимания исследователей часто выпадает тот факт, что Российская империя радикально отличалась не только от морских, заокеанских империй, но и от континентальных, территориальных империй.

Российский историк В. О. Ключевский весьма оригинально высказался по вопросу отличия российской империи от всех других: «История России есть история страны, которая колонизируется... <...> То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [2, с. 31].

В ходе своей истории Российская империя не только вобрала типичные, константные характеристики, присущие империям как таковым, но и выявила ряд особенностей, превращающих империю царской России в уникальный феномен. Сравнение империй позволяет утверждать, что политика Российской империи в отношении входящих в ее состав этнических общностей была менее репрессивной, чем политика других империй по отношению к входящим в них этносам. Так, согласно М. Уолцеру «существование огромной Российской империи, в которой не только подданные демонстрировали терпимость в большей части своих повседневных контактов и научились принимать различия, но сама власть во имя поддержания мира насаждала мирное

сосуществование, являло собой огромное достижение, достаточно редкое в истории человечества» [3, с. 14].

У империеобразующего русского народа отсутствовало чувство национального превосходства по отношению к другим народам в составе государства. Удивительная открытость русских к чужестранцам и неприятие ими ксенофобии составляют ментальный феномен русской судьбы. Описывая данную особенность имперской формы развития в России, Ф. Лонгворт отмечает, что готовность русских «...принимать в свои ряды иноплеменников всегда оставалась их типичным свойством. В данном отношении русский экспансионизм отличался от экспансионизма англичан, голландцев или французов, что давало России определенные преимущества в имперском строительстве»¹ [4, р. 25].

Утверждения многих западных и отечественных авторов о сверхжестокости российской имперской власти, особенно реакционного царя Николая I, не соответствуют действительности. Поражает неадекватностью распространившийся в Советском Союзе концепт, а точнее миф, об имперской России как о «тюрьме народов». В связи с этим Дж. Биллингтон пишет: «С точки зрения истории Россия по большей части не была ни “семьей народов”, ни “тюрьмой народов”. За все свое репрессивное и застойное 30-летнее царствование Николай I, как оказалось, казнил только пять человек» [5, с. 55].

На территориях, осваиваемых русскими, невозможно даже представить такую степень расизма, которая была характерна для морских европейских империй. По мнению Дж. Хоскинга, специфика действий Российской империи заключалась в том, что «...различий между метрополией и колониями обычно не существовало. Аннексированные территории становились полноправными частями империи, как только для этого складывались политические условия» [6, с. 55].

Другой автор, касаясь этого вопроса, утверждает, что ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими русскими империями, где метро-

¹Перевод наш. – Ч. К., О. К.

полю совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства (в одном случае – дворянство, в другом случае – коммунистическая партийная элита). Институт господства «был многонациональным, и, хотя в нем преобладали русские, он управлял в имперской манере» [7, с. 39–40]. Действительно, российская имперская власть стремилась к утверждению «удобных для державы и щадящих для присоединенных народов способов объединения» [8, с. 162]. Она сохраняла на новых территориях прежний уклад жизни и с уважением относилась к местным обычаям и традициям. Выстраивая отношения с народами, вошедшими в состав империи, российские власти предоставляли им полную самостоятельность. Кроме того, царская власть культивировала принцип веротерпимости по отношению ко всем инославным представителям. Государство узаконивало отдельные нормы «канонического, брачно-семейного и наследственного права, включало их в общественно-экономическую и правовую жизнь (например, причисление неправославного духовенства к привилегированному духовному сословию), признавало их религиозные традиции (многоженство, совершение хаджа и другие значимые элементы образа жизни мусульман и др.)» [9, с. 28].

Сказанное позволяет заключить, что Российская империя была уникальной мультикультурной и мультилингвистической державой. Разве не удивительно, что не во всех республиках империи русский язык имел статус государственного? Например, в Финляндии государственными языками были шведский и финский. Авторы статьи разделяют мнение российского исследователя В. А. Ачкасова о том, что «...никто из правителей России даже не пытался превратить многоконфессиональную империю в христианскую / православную теми методами, которые уже опробовали европейские правители. Скажем, в республиканской Франции только в 1951 г. разрешили факультативно преподавать в школах патуа, т. е. местные нефранцузские наречия, до этого они находились под строжайшим запретом. Ничего подобного в императорской России не было. Так, здесь в 1863 г., после польского восстания, когда прибалтийским народам заменили латиницу на кириллицу, запрещали не язык, а алфавит. Однако даже это вызвало широкое недовольство, и данная мера была отменена» [10, с. 46].

Системного перехода всех народов страны на русский язык не было, но это не означало, что «не происходила естественная русификация малых этнических групп, расселенных в русской среде, а также представителей национальных элит» [10, с. 47].

Самая удивительная особенность Российской империи заключалась в том, что нерусские подданные практически всегда обладали определенными преимуществами по сравнению с русскими. Так, многие

исследователи доказательно и справедливо пишут о сверхэксплуатации в Российской империи именно русского народа. С помощью налоговой системы российская власть «намеренно поддерживала такое положение в империи, чтобы материальный уровень нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских» [11, с. 33]. Так, уровень жизни населения Польши и Финляндии до Октябрьской революции, населения Прибалтики в советское время превосходил уровень жизни населения имперского центра. Многие народы Российской империи – «финны, киргизы, таджики, узбеки, буряты, каракалпаки, якуты, азербайджанцы, горцы Кавказа, калмыки, малые народы Сибири и Севера – были освобождены от обязательной военной службы и поступали в армию лишь добровольцами», для большинства северных народов «эта льгота сохранялась достаточно долго и была отменена только в 1939 г.» [12, с. 38–39].

Новейшие данные об исполнении воинской повинности в России показывают, что в самом конце XIX в. 90 % людей, призванных в российскую армию, были русскими (включая малороссов и белорусов), те же цифры характерны для периода Великой Отечественной войны. Таким образом, «в великих войнах нашего прошлого воевали русские, побеждали русские, и если терпели поражение, то тоже русские» [13, с. 186].

Уникальным для европейских держав образом Российская империя демонстрировала обратный имперский градиент [14]. На периферии люди жили в целом лучше, чем люди из центральных русских губерний. Империя расселяла на своих землях иностранцев (немцев, греков), наделяя их привилегиями. В Российской империи только на русских и восточных славян (украинцев и белорусов) распространялись «крепостное право и рекрутский набор» [10, с. 42–43]. И в самом деле, «подати в отношении русских в XIX веке были в 2–3 раза выше, чем в отношении большинства нерусских подданных. <...> Русские несли не просто большую часть тягот, а фактически определяли своей жертвенностью успех империи» [13, с. 186].

По словам А. Эткинды, «по мере того, как расширялось государство, Россия колонизировала не только вновь освоенные территории, но и саму себя» [14, с. 100]. В Российской империи сложилась парадоксальная и вместе с тем весьма уникальная ситуация: русские выступили одновременно и колонизаторами, и колонизируемыми. Внимание царей «...было приковано к проблемным зонам на периферии, а ядро российского населения они воспринимали как ограниченный и не всегда надежный, но данный Богом ресурс. <...> Закрепощение русских русскими было механизмом внутренней колонизации со многими ее характерными функциями... Не прибыль, а порядок был главной задачей

крепостной колонизации; не производство товаров, а воспроизводство населения и колонизация территорий были ее целью» [14, с. 15–16]. При этом А. Эткинд приходит к весьма своеобразному заключению: «В XIX в. Россия была колониальной империей, как Британия или Австрия, и одновременно колонизированной территорией, как Конго и Вест-Индия» [14, с. 383]. Быть русским, по мнению П. В. Верта, означало иметь дополнительные обязанности. Многие нерусские народы (например, башкиры) имели автономный статус и даже обладали привилегиями в отношении собственности, которой были лишены русские. После Пугачёвского восстания «государство применило менее суровые наказания к нерусским (чья готовность участвовать в бунте, по-видимому, считалась понятной), чем к русским, чье участие в бунте расценивалось скорее как предательство» [15, с. 61]. Русские могли компенсировать свое бесправие лишь «символической причастностью к блеску и могуществу империи» [10, с. 61]. Таким образом, политику Российской империи нельзя исследовать ни через призму «тюрьмы народов», ни через призму биполярной схемы *угнетение – сопротивление* [16, с. 8].

Царская Россия «являла собой пример империи, в которой едва ли можно обнаружить действительный выигрыш от имперской политики властного центра... истинным получателем выгод от царской империи были периферийные группы и национальные меньшинства, занимавшие в рамках имперского порядка высокие позиции, иначе бы им никогда не доставившиеся» [17, с. 54–55]. Анализ данной сюжетной линии логично будет завершить высказыванием известного философа М. К. Мамардашвили: «Россия существует не для русских, а посредством русских».

Понятно, что политика имперской элиты, предполагающая покровительственное отношение к периферийным народам в ущерб коренному населению империи, не могла не возмущать представителей низших сословий. Так, начальник политической полиции граф А. Бенкердорф в отчете императору в 1839 г. писал: «В народе толкуют беспрестанно, что все чужезычники в России: чухны, мордва, чуваша, самоеды, татары и т. п., – свободны, а одни русские, православные – невольники, вопреки Священному Писанию. <...> Что господа обманывают царя и клеветуют перед ним на православный народ» [18, с. 46–47].

История противоречива и часто безжалостна к людям, но следует признать, что «...методичное завоевание благосклонности верхушки населявших Россию этнических групп действительно было фундаментальной целью имперской национальной политики, причем решение этой задачи казалось гораздо более важным делом, нежели формирование у собственных крестьян правильных воззрений по этому поводу. Такая позиция приносила царской ад-

министрации ощутимые дивиденды, ибо только она могла гарантировать устойчивость имперского здания» [19, с. 117]. Приведенные аргументы позволяют утверждать, что в отличие от европейских морских империй Россия, несмотря на свой территориальный размах, не являлась колониальной страной.

Многие авторы с некоторым сожалением и критикой пишут о том, что русские, увлекшись империе-строительством, не занимались формированием собственной нации и не стремились развивать в себе националистические чувства. Это мнение наиболее емко выразил Дж. Хоскинг: «Строительство государства в России мешало строительству нации» [6, с. 11]. В данном контексте уместно привести мнение А. И. Фурсова о том, что как в царской России, так и в Советском Союзе права русских ущемлялись. Автор подчеркивает: «Помимо того, что они несли на себе военное и мирное державообразующее бремя, намного более тяжелое, чем в XIX веке, они не только не вознаграждались за это (тогда Сталина за русский народ, произнесенный в 1945 году, – слабое утешение), но, по сути, не имели даже возможности зафиксировать свою национальную идентичность как ценность» [20, с. 176]. Далее А. И. Фурсов пишет о том, что «ситуация, когда русские в реальности лишены возможности фиксировать свою национальную идентичность как ценность (в ответ следует обвинение как минимум в русском национализме, в то время как нерусские национализмы, в сущности, поощряются)», сохраняется и в современной России [20, с. 176].

Этот упрек в адрес Российской империи и Советского Союза справедлив, но в определенной степени. В реальности стремление задобрить другие народы и привязать их к себе через жертвенность, различные преференции, а порой через совершенно бескорыстную братскую помощь им было вызвано не только добротой и широтой русской природы, но и стремлением к минимальной конфликтности, примирению самых разных народов, проживающих на территории России. Именно это в наибольшей степени и обеспечило успех империе-строительства. Если бы Россия действовала по образцу, например, Британской империи, то уже давно бы утратила значительную часть своей территории.

Авторы, которые делают вывод о ненормальности и ущербности Российской империи, исходя из того, что и царская имперская власть, и советская власть ущемляли права коренного русского населения, заблуждаются. Следует учитывать, что не только Российская империя подвергала сверхэксплуатации свой империеобразующий русский народ. Подобное явление наблюдалось и в других сухопутных территориально протяженных многонациональных империях. Например, в Османской империи «само понятие “турок” в устах высших сословий было синонимом понятий “мужик”, “деревенщина» [13, с. 186],

чего нельзя сказать в отношении понятия «русский» в Российской империи. По многим характеристикам Советский Союз значительно отличался от царской империи. На мировой арене он стал уникальным образованием, авангардным проектом. Советская власть потребовала от русского народа еще большей жертвенности, чем царская власть. Такая политика объяснялась «издержками концепции интернационализма, концепции, которая, в сущности своей, не может быть признана имперской, а является авангардной, чем-то вроде противоядия, предложенного марксистами симметрично против транснационального космополитизма капиталистического мира» [13, с. 187].

Если в контексте исторической судьбы России рассматривать жертвенность, которую русский народ приносил на алтарь империестроительства, то она представляется вполне оправданной. Те исследователи, которые критикуют российскую власть и русский народ за излишнюю жертвенность, не учитывают, что она «...способствовала поддержанию постоянного, всеобъемлющего и не знающего дискриминации диалога имперского государства с проживающими на его территории национальными меньшинствами. Российское государство не было государством русских, а это значит, и национальных угнетателей в нем не было» [19, с. 115].

На испытания русского народа можно взглянуть и под другим углом: беспрецедентная стойкость, сила духа и бескорыстное служение русских людей возвысили державу, обусловили ее успехи и достижения, позволили ей в крайне неблагоприятных условиях не только создать государство-цивилизацию и заселить шестую часть суши планеты, но и к середине XX в. стать вторым полюсом мира, вторым центром силы. Главное достоинство российского империестроительства заключалось в том, что оно имело гуманистическую основу. К входившим в состав империи народам и этносам российская власть проявляла необычайную справедливость, терпимость и заботу. Конечно, эксцессы и конфликты случались, но в целом Российскую империю можно назвать самой гуманной империей в мире. В этом и заключается ее уникальность. Адекватным объяснением

сверхэксплуатации выступает «семейное» отношение к русским как к «старшим, наиболее цивилизованным и надежным» [13, с. 190]. Опора имперских властей на русский народ как на свой оплот вовсе не была контрпродуктивной, а напротив, принесла весьма позитивные результаты.

Кроме того, при более детальном изучении обнаруживается, что не такой уж тяжелой и беспросветной была жизнь российского крестьянства. Несмотря на крепостное право, в России активно пополнялся слой вольных государственных крестьян. Но даже у крепостных крестьян было не более 280 рабочих дней в году, они могли надолго уходить на промыслы по всей России, вели торговлю, держали заводы, трактиры, речные суда и даже сами нередко имели крепостных. Всем известно о «зверствах Солтычихи, но это было патологическое исключение; помещица-истязательница была приговорена к тюрьме» [21, с. 65]. Тем не менее «...совесть образованного российского сословия все больше тяготилась крепостным правом; разговоры о его отмене шли с начала XIX века. Поэтому и крестьяне считали свою зависимость временной, переносили ее с христианским терпением и достоинством, но не рабски» [21, с. 65].

В 1830-х гг. посетившему Россию англичанину задали вопрос о том, что его поразило в русском крестьянине больше всего. Тот ответил: «...опрятность, смысленность и свобода. <...> Взгляните на него: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» [22, с. 444]. А разве в других странах, в том числе в западноевропейских, крестьянам было намного легче? На германских землях, например, крепостное право было отменено только к 1848 г. В Англии же к крестьянам наблюдалось беспрецедентно бесчеловечное отношение, особенно в 1820-х гг., когда тысячи крестьянских семей изгонялись со своей земли.

Пересуды о невыносимо тяжелой жизни и трудной доле русского крестьянства можно опровергнуть данными демографии. Так, И. Л. Солоневич в работе «Народная монархия» показывает, что в России наблюдался более активный рост численности населения, чем в ведущих европейских государствах [23, с. 153] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения в России
и странах Западной Европы в 1480–1895 гг., млн чел.

Table 1

Population dynamics in Russia
and Western European countries in 1480–1895, mln people

Страна	Год					
	1480	1580	1680	1780	1880	1895
Россия	2,1	4,3	12,6	26,8	84,5	110,0
Австрия	9,5	6,5	14,0	20,2	37,8	44,8
Англия (без колоний)	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0	39,3
Франция (без колоний)	18,6	14,3	18,8	25,1	37,4	38,4

Окончание таблицы 1
Ending of the table 1

Страна	Год					
	1480	1580	1680	1780	1880	1895
Италия	9,2	10,4	11,5	12,2	28,9	31,2
Испания	8,8	8,2	9,2	10,0	16,3	19,0

Похожие сведения о демографической ситуации в России в XVII–XIX вв. дают и другие авторы. В частности, В. В. Аверьянов описывает динамику численности населения Российской империи следующим образом: 1678 г. – 10,5 млн человек, 1897 г. – 84,0 млн человек (в их числе 55,7 млн великороссов, 22,4 млн малороссов, 5,9 млн белорусов) [13, с. 189].

Следует обратить внимание еще на одну примечательную особенность российской политики: в отличие от западноевропейских лидеров власти России никогда не ставили перед собой цель уничтожить какие-либо народы. К тому историческому моменту, когда англичане, французы и немцы стали создавать свои государства, Западную Европу в силу ее уникальных благоприятных условий населяло великое множество исторических этносов – кельтских, иллирийских, балтийских, славянских и др. Где они сейчас? Ведь в Западной Европе их было не меньше (если не больше), чем на землях России. Сегодня все они либо истреблены, либо ассимилированы. Коренное население английских территорий несколько раз было почти полностью уничтожено и заменено другим. Сегодня уже почти никто не вспоминает, что территорию Европы «...эпохи Карла Великого и первых Каролингов (786–843 гг.)... почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой... через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю заселяли славянские племена: абодриты, лютичи, липоны, гавелы, гедарии, укры, поморяне, сорбы и многие другие. Где они все? Что от них осталось? Они подвергались завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа, эта аристократия вырезалась на месте, затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались» [24, с. 329].

Процесс уничтожения нетитульных народов и народностей в Западной Европе был таков, что они либо исчезали, либо превращались в некие этнические реликты (такие как шотландцы, валлийцы, бретонцы, госконцы, лужичане и т. д.). Сегодня только двум народам в Западной Европе – ирландцам (в британском Ольстере) и баскам (в Испании и Франции) – пока еще удается сохранять идентичность. Однако многолетние кровавые войны этих народов за элементар-

ную национальную автономию так и не увенчались успехом [25, с. 71].

Следует обратиться к судьбе народов, находящихся в составе России. Все они в «тюрьме народов» выжили, развили свою культуру, многие из них сегодня пытаются создать свою государственность, которой вообще никогда не было. Россия, в отличие от Англии, Франции, Германии и Испании, никогда не была «кладбищем народов». Историческая правда заключается в том, что нерусские народы, соединившие свою судьбу в пределах российской государственности, имели вполне достойные возможности для развития, а русский народ никогда не выступал по отношению к ним в качестве угнетателя. Сам факт наличия в России полиэтничного состава правящего класса (и правительства) с древнейших времен и до сих пор говорит о многом. В противном случае этнический состав нынешних правящих структур России наверняка был бы совсем другим, по крайней мере инациональный компонент не занимал бы такое место в политическом руководстве России, как сегодня.

В силу специфики российского исторического развития, широты пространства, климата и географического расположения у русского человека сформировались определенные архетипические качества, составляющие менталитет всего народа: открытость, всечеловечность, уникально терпимое и доброжелательное отношение к другим народам. Западные европейцы же демонстрируют агрессивное-экспансионистское, высокомерное и враждебное отношение к иным этносам. В подтверждение этого достаточно привести тот факт, что колониальная экспансия Запада погубила более 90 млн австралийских аборигенов и американских индейцев, а варварская торговля людьми унесла жизни более 20 млн африканцев [26, с. 183].

Можно рассмотреть и другой аспект проблемы. Многие исследователи с горькой неудовлетворенностью говорят об абсолютном доминировании в истории России государственного начала над индивидуальным, а также о чрезмерной централизованности, жестокости и вседозволенности государственной власти. В истории такой феномен действительно имел место, но в значительной степени он объясняется объективными условиями исторического бытия России. Наличие обширных территорий, почти не имеющих естественных рубежей, непрерывная

угроза нашествия воинственных соседей, нахождение на перекрестке Великого шелкового пути и пути «из варяг в греки» обусловили необходимость формирования сильного централизованного государства, обладающего мощными объединительными и защитными качествами. Если бы русский народ не смог проявить свою гениальность в государственном строительстве, а именно в создании мощной централизованной государственной и военной машины, восточнославянские и некоторые другие народы едва ли существовали сегодня на Земле и вряд ли где-либо слышали русскую речь. Таким образом, характер российской государственности нельзя оценивать однозначно негативно. К тому же следует отметить, что не такой уж беспредельной жестокостью отличалась русская государственная власть. Например, статистика казней в России со времен Ивана IV (Грозного) до XX в. характеризуется более низкими цифрами, чем в Европе в этот период [25, с. 26–35].

Несмотря на обилие публикаций, повествующих о сверхжестокости русских царей, особенно Ивана IV, факты говорят о другом. Большое количество казней при Иване IV объясняется отнюдь не русскостью, а тем, что царь правил в XVI в. В своей книге «Россия времен Ивана Грозного» современные историки А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич справедливо отмечают: «Иван IV был сыном... жестокого века. <...> Полубезумный шведский король Эрих XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломееву ночь 24 августа 1572 года, когда была уничтожена добрая половина родовитой французской знати. Испанский король Филипп II... с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальдолида» [27, с. 125]. Цена, которую уплатила Россия за ликвидацию политической раздробленности, не превосходила число жертв других народов, положенных на алтарь европейской централизации.

Известный исследователь русской истории XVI – начала XVII в. Р. Г. Скрынников доказал, что в период правления Ивана IV «было уничтожено около 3–4 тысяч человек» [28, с. 181]. Между тем давно установлено, что в Англии при Генрихе VIII были казнены 72 тыс. человек, при Елизавете I – свыше 89 тыс. человек, примерно столько же инакомыслящих было уничтожено испанскими королями Карлом V и Филиппом II.

Если на Руси при Иване IV были казнены 3 тыс. человек, то в ведущих странах Западной Европы (Испании, Франции, Англии и Нидерландах) в этот период было казнено не менее 300–400 тыс. человек [25, с. 27–28]. Таким образом, нельзя сказать, что Иван IV – это «уникальное русское чудовище» [25, с. 35]. Гораздо более важно другое. В отличие от

Англии, где высоко вознесены личности Генриха VIII и Елизаветы I, и Испании, благоговейно чтящей память Карла V, который отправил на казнь десятки тысяч человек, в России хвала в адрес Ивана IV всегда была сомнительной. Что интересно, сторонникам рассмотрения феномена большевизма как проявления русскости приходится обращаться к событиям трех- или даже четырехвековой давности, чтобы найти хоть каких-нибудь предшественников большевистских лидеров России. И это вполне закономерно, ведь в течение XVIII–XIX вв. Россия была поистине уникальной страной: за 175 лет в ней по политическим обвинениям были казнены лишь 56 человек (6 пугачёвцев, 5 декабристов, 31 террорист времени Александра II и 14 террористов времени Александра III). За этот же период в Западной Европе было совершено множество политических казней (так, всего за 3 дня июня 1848 г. в Париже были расстреляны 11 тыс. человек, а за несколько дней мая 1871 г. – более 30 тыс. человек) [25, с. 32–34].

В России подобных явлений не наблюдалось. В высшей степени примечательным может выступать следующий факт: по неопытности палачей во время казни с виселицы сорвались трое декабристов (К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский и С. И. Муравьев-Апостол). Между тем в это время в любом городе Западной Европы обязательно имелся квалифицированный профессиональный палач. Вплоть до XX в. в России казней было гораздо меньше, чем в Западной Европе.

Можно определенно утверждать, что накануне Первой мировой войны Россия стала весьма демократическим государством. К примеру, начиная с правления реакционного царя Николая I разоблачительную пьесу Н. В. Гоголя «Ревизор» беспрепятственно ставили на сценах российских театров, тогда как в Германии она была запрещена до 1918 г. По признанию американского исследователя Р. Пайпса, число российских чиновников в бюрократическом XIX в. было «пропорционально раз в три-четыре меньше, чем в странах Западной Европы» [29, с. 377].

Посетивший Лондон Д. И. Менделеев приводил такие данные за 1906 г.: в Лондоне число полицейских на душу населения в 10 раз больше, чем в Петербурге; во Франции на государственном бюджете было 500 тыс. чиновников (не считая выборных), тогда как в гораздо большей по территории России – только 340 тыс. (с выборными) [30, с. 67].

В работе [21] указывается, что «...накануне Первой мировой войны в России было в семь раз меньше полицейских на душу населения, чем в Англии, в пять раз меньше, чем во Франции. Впрочем, и преступность в России была значительно меньшей, чем в Западной Европе» [21, с. 86–87]. Эти данные в подробном виде представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество осужденных в России, США, Великобритании
в 1905–1906 гг. и в Германии в 1904 г.

Table 2

Number of convicts in Russia, USA, Great Britain
in 1905–1906 and in Germany in 1904

Страна	Количество осужденных, чел.	Количество осужденных в расчете на 100 тыс. населения, чел.
Россия	114 265	77
США	125 181	132
Великобритания	183 683	429
Германия	516 976	853

Английский профессор С. Смайльс, на протяжении пяти лет проживавший в России и изучавший новую русскую юриспруденцию, писал: «Во всем мире и во все времена не было такого гуманного, культурного и беспристрастного суда, как русский. Суд присяжных с его традиционными правами подсудимого, с его неслыханной, кристальной человечностью существует только в России» (цит. по [21, с. 88]).

Общинная жизнь существовала на Руси и до введения крепостного права. В ней всегда было очень много нравственно ценного: взаимоподдержка, неприятие эгоизма, справедливое решение споров. Все вопросы большинством голосов решал сельский сход во главе со старостой. Традиционные основы русской самобытной низовой демократии высоко ценились деятелями самых разных направлений. Например, либерал П. А. Сорокин говорил, что в России «под железной крышей самодержавной монархии жило сто тысяч крестьянских республик» (цит. по [21, с. 91]).

Благодаря политике Александра III с 1890-х гг. наблюдался небывалый подъем российской экономики: «Среднегодовые темпы роста российской экономики на протяжении целой четверти века превосходили темпы развития других развитых стран, составив 8 % в 1889–1899 гг. и 6,25 % в 1900–1913 гг. (снижение темпов объясняется войной с Японией и смутой 1905–1907 гг.). <...> С 1880 г. по 1917 г. было построено 58 251 км железных дорог» [21, с. 78]. Кроме того, «накануне войны в России действовало более 100 вузов со 150 000 студентов (во Франции тогда же было 40 000 студентов)» [21, с. 84]. Бурно развивались наука (Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, Н. И. Пирогов, Н. А. Попов), литература (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин), поэзия (А. А. Блок, И. Ф. Анненский, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт), музыка (П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов, А. Г. Гречанников, И. Ф. Стравинский), театральное

искусство (Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. П. Павлова, М. Ф. Кшесинская), живопись (М. В. Нестеров, В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев). Французский поэт П. Валери называл русскую культуру конца XIX – начала XX в. одним из чудес света.

В конце XIX – начале XX в. Россия стала центром развития мировой философии. Среди наиболее известных русских философов русского религиозно-философского ренессанса можно назвать Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, И. А. Ильина, П. А. Флоренского и др. Россия стала мировой «законодательницей мод» в области философской мысли.

Известный французский экономист Э. Тери прогнозировал: «Население России к 1948 году будет... выше, чем общее население пяти других больших европейских стран. Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1910 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» (цит. по [21, с. 84–85]). Перед революцией Россия, более 80 % населения которой были крестьянами, по потреблению алкоголя занимала одно из последних мест в мире. Русские потребляли алкоголь в шесть раз меньше, чем французы, в пять раз меньше, чем итальянцы, в три раза меньше, чем англичане, и в два раза меньше, чем немцы. Революционные катаклизмы в России были следствием прежде всего трансформации сознания, ценностно-мировоззренческих ориентаций и идеологизированных установок, а также завышенных ожиданий.

Динамика территориального расширения России в процессе ее империестроительства была уникальной. Только в период между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва ежегодно приобретала земли, равные по размеру современным Нидерландам. В результате «...к началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в.

Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы. К середине XVII в. Российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII в. территория России, по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III, увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши» [10, с. 52]. Но на этом имперская экспансия не закончилась.

Территориальная экспансия российского государства принципиально отличалась от направленности и характера экспансии других империй: сначала незанятые земли заселял простой народ (прежде всего вольные крестьяне, стремящиеся выйти из-под нарастающего контроля центральной власти), а затем власть присоединяла эти территории к государству. Такая экспансия не требовала каких-либо завоевательных действий: «...субъектом распространения русской цивилизации был вольный русский народ, первопроходцы, казаки, переселенцы, охотники и торговцы, добытчики пушнины и других благ, а уже во вторую очередь солдаты – и освобожденные каторжане» [13, с. 190].

Описывая территориальное расширение русского государства, И. Л. Солоневич пишет, что «на протяжении тысячи лет России удалось разгромить величайшее военное могущество монголов, Польши, Швеции, Франции, Германии, а также Турецкой империи» [23, с. 153]. В результате Россия, которая к началу княжения Ивана III, в 1464 г., охватывала территорию в 550,0 тыс. км², в год его смерти, в 1505 г., имела 2,225 тыс. км²; в 1584 г. (год смерти Ивана IV) – 4,2 тыс. км²; в 1598 г. (к концу царствования Федора) – 7,1 тыс. км²; в 1613 г. (воцарение Михаила) – 8,5 тыс. км²; в 1645 г. (год смерти Михаила) – 12,3 тыс. км²; в 1682 г. (к началу царствования Петра I) – 15,5 тыс. км²; к 1786 г. (год смерти Екатерины II) – 19,3 тыс. км² и в 1917 г. (к концу царствования Николая II) – 21,8 тыс. км² [23, с. 153]. Эти факты говорят о том, что в течение длительного времени (по крайней мере до последней четверти XX в.) русский народ демонстрировал себя на мировой арене в качестве народа-богатыря.

Рассуждая в данном русле, нельзя забывать о достижениях советской эпохи – вершины русского мира. В 1929–1955 гг. именно Советский Союз установил мировой рекорд по темпам среднегодового роста экономики. В книге «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду» опубликованы данные по странам мира, экономики которых росли в XX в. ускоренными темпами. Среднегодовой рост экономики России в 1929–1955 гг. составил 13,8 %, Тайваня в 1947–1973 гг. – 11,5 %, Китая в 1983–2007 гг. – 10,4 %, Южной Кореи в 1966–1988 гг. – 10,2 %, Японии в 1948–1970 гг. – 9,7 %, Сингапура в 1966–1989 гг. – 9,2 %. Таким образом, Россия продемонстрировала наиболее высокие темпы роста экономики [31].

При этом авторы книги подчеркивают, что «учет данного феномена при формировании модели будущего роста экономики России требует обратить самое пристальное внимание на собственный опыт рекордного в мире роста экономики» [31, с. 30]. В связи с этим они предлагают ответить на вопросы о том, какие решения привели к рекордному росту российской экономики, а какие – к утрате ее высокого роста, а также о том, как использовать этот опыт для обеспечения высокого и продолжительного роста экономики России.

Следует обратить внимание еще на один имеющий надличностный характер и глубинно-метафизический смысл феномен бытия Российской империи – ее способность после немислимо тяжелых потрясений вновь и вновь возрождаться, становясь при этом еще более могучей. Данный исторический феномен в значительной степени объясняется географическим расположением России на границе двух миров – Европы и Азии, Запада и Востока. Именно бытие между двумя цивилизационными полюсами мира предопределило особый драматизм российской судьбы и зигзаги ее истории. В силу ряда причин в восточнославянском регионе сложились более трудные условия для жизни людей, чем в западно-европейской части ойкумены. Русские и близкородственные им народы испытывали все тяготы и риски, обусловленные природной спецификой (суровым резко континентальным климатом) и геополитическими факторами (отсутствием естественных границ в условиях соседства с сильными и агрессивными геополитическими противниками). С учетом этих обстоятельств многовековая история русского народа почти постоянно протекала в рамках парадигмы «быть или не быть». Драматизм исторической судьбы России естественным образом формировал специфический дух ее народа с определенными архетипами сознания и ментальными структурами. Тяжелые испытания закалили русский народ, укрепили его силу, развили в нем феноменальную стойкость. Примеры возрождения России и ее движения через падение к новым достижениям общеизвестны.

Российский автор Р. Соколова в статье «Дух народа. Образ победы и русский характер» пишет о том, что в схожих повторяющихся исторических ситуациях в рамках дилеммы «быть или не быть» присутствует недоступный логическому пониманию дух народа, который оказывается ключевым аспектом в многослойной теме народа. Именно от него зависит судьба государств и всей цивилизации. Хотя образ-понятие «дух народа» и не лишен идеологического подтекста, он вовсе не является неким искусственным идеологическим конструктом, а выступает реальностью, недостаточно изученной и непостижимой в своей полноте. Тем не менее она существует, что подтверждается большим интересом

к ней со стороны представителей социогуманитарного знания².

Анализируя понятие «дух народа», Р. Соколова приходит к выводу, на который самое пристальное внимание следует обратить представителям общественности. Она, в частности, утверждает, что сложившаяся в познании формально-логическая система понятий и идей не способна уловить живую пульсацию жизни, связанную с духовным состоянием народа, а также с его глубоко переживаемым экзистенциальным опытом. Данный опыт не укладывается в жесткие схемы и требует для своего выражения особого языка и особой формы изложения. Без обращения к метафизическим основаниям реальности и сложной комбинации невидимых линий, пронизывающих ее, невозможно приблизиться к пониманию духа народа. В объяснении данных понятий ученым пока не хватает смелости «выйти из кокона материалистического рационализма, перешагнуть рамки принудительно навязанных либеральных идеологических постулатов, враждебных сфере духовного»³.

Объявленная в феврале 2022 г. президентом России В. В. Путиным специальная военная операция вовсе не является произвольным решением. По мнению авторов статьи, оно имеет надличностный характер и продиктовано метафизическими смыслами, проистекающими из духа русского народа, из его иррационально постигаемого глубинного самосознания и национального мировосприятия. Русскому народу невыносимо унижительным виделось дальнейшее существование его великой державы в статусе неокolonии коллективного Запада. Он жаждал изменений. Именно в этом заключается фундаментальная причина объявления специальной военной операции. Таким образом, и сегодня дух народа обнаруживает себя с той же силой, что и в прежние времена. Стало быть, Россия не будет побеждена.

По словам Р. Соколовой, «дух народа является своеобразным кодом российской цивилизации, который остается устойчивым во времени, обеспечивая преемственность российской истории, несмотря на все ее исторические разрывы»⁴. Его исследование дает возможность сфокусировать качественные характеристики российской цивилизации, глубже понять смысл ее истории, а также причины возникновения мощного российского государства. Дух народа «...определяет не только поведение отдельных людей, но и сущность государства. Обращение к духу

народа позволяет увидеть потенциальные возможности России, которые пронизаны свойственным ему неукротимым стремлением к победе»⁵.

Говоря об особенностях формирования духа русского народа, следует обратить внимание еще на один весьма примечательный момент. Если лидерам Западной Европы удалось навязать обществу свои ценности и привить свою «культуру», то в России этого не случилось. Угнетенные слои остались народом, а господствующие слои превратились в квазиэлиты со своими нормами поведения, структурами повседневности и т. д. Сформировались два противостоящих друг другу уклада, причем враждебных. Среди причин крайней жестокости Гражданской войны было то, «что в ней столкнулись не только эксплуататоры и эксплуатируемые, а два разных типа социогуманитарной организации, персонализаторы разных культурных миров, причем один из этих миров – русский – был народным, а тот, что можно назвать национальным, был не столько русским, сколько европейским или русско-европейским и уж точно не традиционным» [20, с. 176–177].

Еще в эпоху Московского царства сформировались такие осевые структуры русского национального характера, как стремление к выдвиганию мессианских идей, к идеалу и склонность к дискретной модели развития, к скачкам в «царство свободы», в стремлении к реализации которых необходимо стоять до конца, не щадя даже своей жизни. Корни этого черта национального характера со временем вошли в коллективное бессознательное русского народа и, как это ни удивительно, в значительной степени сохраняют свою значимость и силу. То, что после беспрерывной 30-летней информационной бомбардировки, деформирующей сознание и душу, простой русский человек, в отличие от значительной части политических, интеллектуальных и творческих элит, одержимых желанием войти в европейский дом, сохранил патристическое сознание, веру в историческую миссию своей страны, способность перенести всевозможные испытания и натиск враждебной ему идеологии, просто поражает [32, с. 92–99].

Часть российской интеллигенции оторвана от корней народной жизни. Многие представители элиты, движимые иррациональной любовью к культуре потребления, готовы к бесконечному и бездумному эпигонству. Причем они готовы это делать даже в том случае, если их кумир, Запад, не только ничего не дает своего, но и отнимает чужое. Причины этого феномена кроются, по-видимому, в особенностях

²Соколова Р. Дух народа. Образ победы и русский характер [Электронный ресурс] // Завтра. 2022. № 34 (1495). URL: <https://zavtra.ru/archive/2022/8/1495> (дата обращения: 12.09.2023).

³Соколова Р. Дух народа. Образ победы и русский характер [Электронный ресурс] // Завтра. 2022. № 34 (1495). URL: <https://zavtra.ru/archive/2022/8/1495> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴Там же.

⁵Там же.

образования русской интеллигенции как социального слоя. Исследование данного процесса демонстрирует решающую роль в нем фактора маргинальности интеллигенции. Последняя формировалась в Советском Союзе и России преимущественно из представителей социальных сословий и групп, порвавших со своим прошлым. Лишенные традиций и не имевшие устоявшегося образа жизни, они были чрезвычайно идейно подвижными и падкими на передовые учения. Маргинальность интеллигенции обусловила ее «безбытность», неприятие устойчивых форм жизни и враждебное отношение к представляющим их социальным структурам. В отличие от русской интеллигенции консервативного крыла с ее здоровым рассудочным критицизмом и осторожным проективным мышлением западное крыло интеллигенции характеризуется теоретическим радикализмом, лихорадочным отрицанием и некритической приверженностью к рискованному социальному экспериментаторству. Из западной мысли оно воспринимает лишь все упрощенно-отрицательные, нигилистические, бунтарские и разрушительные устремления (атеизм, материализм, социалистические и либеральные идеи в самых радикальных их формах, политический экстремизм и т. д.). Таким образом, по своим интеллектуальным и морально-психологическим качествам западная интеллигенция представляет собой наименее дальновидную и, к сожалению, наиболее коррумпированную и компрадорскую группу людей в восточнославянских странах.

Не следует забывать о том, что русский народ не только имеет склонность к выдвиганию новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии, максимальной мобилизации всех национальных и духовных ресурсов во имя достижения общенациональных целей в критические моменты истории, когда встает вопрос о судьбе страны. Последний выброс такой энергии продолжался с 1917 по середину 1950-х гг. [33, с. 43]. Наверное, неслучайно мировая история постоянно отрабатывает свои теории на России, время от времени превращая ее в гигантскую экспериментальную лабораторию. Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет осуществить очередной выброс энергии и открыть человечеству путь к новому мироустройству. Даже будучи униженной и разграбленной, она остается могучей и богатой. При этом глубинные нравственные устои и архетипы народного сознания русского человека сохраняют свою силу, хотя и намеренно извращаются определенными политическими силами и средствами массовой информации.

Выживаемость русского народа, заселившего и ассимилировавшего огромные (по преимуществу северные) территории и создавшего самую крупную

державу мира, поражает. Не зря многие авторы характеризуют русских как «особенный, очень могучий, неунывающий и жизнестойкий народ» [34, с. 188].

Каковы же перспективы имперского развития современного российского государства? Сегодня Россия официально позиционирует себя как федеративное государство. Однако, судя по всему, российский федерализм так и не может по-настоящему прижиться на русской почве и выступает лишь умозрительным построением. В статье «Империя и федерация» А. А. Захаров делает вывод о том, что ни в Советском Союзе, ни в Российской Федерации не удалось расшатать однонаправленную ось *центр – периферия*, составляющую структурную основу всякого имперского бытия. В итоге регион, как самостоятельный и активный политический субъект, в России отсутствует. Непопулярность федералистского проекта А. А. Захаров объясняет вполне очевидными причинами: «...если в минувшие полтора десятилетия федерализм рассматривался в качестве одного из важнейших инструментов реформирования империи в принципиально иную политическую сущность, то теперь, в условиях открывшегося у имперского проекта второго дыхания, данная функция сделалась неактуальной» [19, с. 122]. При этом исследователь отмечает, что имперская государственность в России не прекращала своего бытия, а просто переходила из явной формы в скрытую и наоборот. Даже в начале 1990-х гг., в период федерализации, диалог Москвы с регионами весьма походил на взаимоотношения ядра и периферии в классической империи [19, с. 122].

Действительно, российская политическая система всегда «последовательно отвергала целенаправленную децентрализацию власти» [19, с. 122]. По этой причине можно заключить, что современная Россия лишь отчасти имеет федеративный характер. В своей глубинной сущности она является империей. И даже создатели Советского Союза, делавшие все, чтобы похоронить Российскую империю, тем не менее были вынуждены сохранить ее. В реальности не прошло и десяти лет после Октябрьской революции, как древние механизмы снова заработали: И. В. Сталин с большим размахом стал строить уже новую коммунистическую империю. Заметим, что Советское государство превзошло по своему размаху все предшествующие империи. Российский исследователь М. Леонтьев отмечает, что «...русские – это... имперскообразующий народ. Это этнос, который не может существовать вне более широкой имперской общности. Вопрос достройки нации, более или менее подогнанный под западную политологическую терминологию, – это вопрос достройки империи» [35, с. 7].

И по сей день русскому народу присуща имперская ментальность. Логика исторического развития

России требует восстановления империи в ее полном объеме. Судьба России – быть империей.

Имперская государственность является самой органичной и эффективной для России. Это единственная форма государственности, в которой страна может себя сохранить. Она обречена нести на себе бремя империи. Без империи русские не смогут сохранить свою идентичность, потеряют государство и исчезнут как народ. Следует помнить, что самых больших успехов Россия достигала, будучи империей, в которой находилось место для каждого народа и человека.

Выдающийся российский общественный деятель, писатель А. А. Проханов выдвинул концепцию пяти империй, которые сменяли в России одна другую. По мнению мыслителя, в наше зарождается пятая империя. Сегодня, как пишет А. А. Проханов, «мы находимся в эпицентре какого-то вихревого образования, которое вопреки всем вульгарно-рационалистическим и банально-примитивистским взглядам уже совсем скоро породит новый цивилизационный кристалл – фундамент чаемой пятой империи» [36, с. 23]. Таким образом, возрождение новой Российской империи уже началось.

Будущее таит в себе много неизвестного. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных факторов (непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д.), однако важно помнить о том, что будущее в значительной степени зависит от того, каким мы его представляем сегодня. В силу действия механизма самоосуществляющихся пророчеств оно в немалой степени будет соответствовать тому, к чему мы стремимся и за что боремся. То, что люди думают об ожидаемом будущем, воздействует на их дела здесь и сейчас. Явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего определяют поведение людей сегодня. Стало быть, представление будущего – это один из способов воздействия на него, путь его формирования. Наши желания и представления в от-

ношении пятой империи, несомненно, повлияют на ее будущий облик. При этом будущее выступает также как продукт политической деятельности, борьбы и естественных процессов в жизнедеятельности общества. Какое же будущее Российской империи представляется желательным? Возрождение российского имперского проекта предполагает прежде всего окончательный слом той модели общественного устройства, которая была навязана России в 1990-х гг., в перестроечный период.

Как уже отмечалось, в наше время такие стержневые государства-цивилизации, как Индия, Китай, Россия и им подобные, становятся центрами притяжения для родственных в культурно-цивилизационном отношении союзных государств. В данных региональных объединениях возможно утверждение имперской формы правления и развития. В связи с этим перед стержневым российским государством встает необходимость расширения сферы цивилизационного влияния на окружающие ее народы, превращения в один из региональных полюсов мира. России необходимо стать страной с «собственной орбитой и силой притяжения», обрести собственное «гравитационное поле» [37, с. 8]. Для того чтобы сохранить себя как крупное, самостоятельное, суверенное государство, России придется сформировать и утвердить другую, отличную от западной систему ценностей. Иначе говоря, стране необходимо решить проблему формирования «русоцентричного мира» как современного этапа эволюции российского государства-цивилизации, «выработать собственный цивилизационный стандарт, стать самореферентной системой» [38, с. 87]. Следует признать, что Россия уже открыто заявила и практически приступила к утверждению собственного цивилизационного пути развития.

Судьба, образ, специфика и характер новой Российской империи зависят от решения указанных фундаментальных задач. Это дело непростое и нескорое. Однако в конечном счете эти задачи, несомненно, будут решены, ибо русский народ – это народ империи.

Библиографические ссылки

1. Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода. В: *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет*. Верт П, Кабытов ПС, Миллер АИ, составители. Москва: Новое издательство; 2005. с. 18–48.
2. Ключевский ВО. *Сочинения. Том 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. 425 с.
3. Уолцер М. *О терпимости: лекции по этике, политике, экономике*. Мюрнберг И, переводчик. Москва: Дом интеллектуальной книги; 2000. 160 с.
4. Longworth Ph. *Russia's empires. Their rise and fall from prehistory to Putin*. London: John Murray; 2006. 416 p.
5. Биллингтон Дж. *Россия в поисках себя*. Балашов НН, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2005. 224 с.
6. Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск: Русич; 2001. 512 с.

7. Суни РГ. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи. В: Тишков ВА, Шнирельман ВА, редакторы. *Национализм в мировой истории*. Москва: Наука; 2007. с. 36–82.
8. Волкова ИВ. Становление Российской империи: роль военных структур и военных действий. В: Рябинин АЛ, Лукьянов ГВ, редакторы. *Имперский вопрос и национальный ответ*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2009. с. 147–164.
9. Якунин ВИ, Сулакшин СС, Багдасарян ВЭ. *Правовое противодействие расовой, национальной, религиозной дискриминации*. Москва: Научный эксперт; 2009. 224 с.
10. Ачкасов ВА. *Российская дилемма: империя или нация-государство*. Москва: Юрайт; 2019. 373 с.
11. Миронов БН. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Том 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2003. 548 с.
12. Верещагин ИФ, Зайков КС, Тамицкий АМ, Трошина ТИ, Соколова ФХ, Харлампьева НК и др. *Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы*. Архангельск: САФУ; 2017. 325 с.
13. Аверьянов ВВ. Империя и воля. *Москва*. 2012;1:180–193.
14. Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Макаров В, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2013. 448 с.
15. Верт ПВ. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость. В: *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет*. Верт П, Кабытов ПС, Миллер АИ, составители. Москва: Новое издательство; 2005. с. 48–83.
16. Мацузато К. *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона*. Саппоро: Slavic Research Center; 2003. Предисловие; с. 7–14.
17. Мюнклер Г. *Империи. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США*. Ланник ЛВ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 400 с.
18. Пушкарев СГ. *Самоуправление и свобода в России*. Франкфурт-на-Майне: Посев; 1985. 174 с.
19. Захаров АА. Империя и федерация. *Свободная мысль*. 2006;5:111–125.
20. Сергеев С, Ремизов М, Соловей В, Цымбурский В, Куренной В, Межуев Б и др. Россия: национальное государство или империя? Круглый стол журнала «Москва». *Москва*. 2008;5:155–180.
21. Назаров МВ. *Вождь третьего Рима*. Москва: Русская идея; 2004. 992 с.
22. Алексеев МП. Пушкин и английские путешественники в России. Lib.ru [Интернет; процитировано 12 сентября 2023 г.]. Доступно по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0100.shtml.
23. Солоневич ИЛ. *Народная монархия*. Буэнос-Айрес: Наша страна; 1973. 494 с.
24. Ильин ИА. *Собрание сочинений. Том 2. Книга 1, Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.* Москва: Русская книга; 1993. Что сулит миру расчленение России?; с. 326–344.
25. Кожин ВВ. *История Руси и русского слова*. Москва: Алгоритм; 1999. 480 с.
26. Абазов РФ. Переосмысление прав человека. *Полис. Политические исследования*. 1995;2:183.
27. Зимин АА, Хорошкевич АЛ. *Россия времен Ивана Грозного*. Москва: Наука; 1982. 184 с.
28. Скрынников РГ. *Иван Грозный*. Москва: Наука; 1975. 248 с.
29. Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Козловский В, переводчик. Москва: Независимая газета; 1993. 453 с.
30. Менделеев ДИ. *К познанию России*. Мюнхен: Милавида; 1924. 157 с.
31. Галушка АС, Ниязметов АК, Окулов МО. *Кристалл роста. К русскому экономическому чуду*. Москва: Наше завтра; 2021. 360 с.
32. Кирвель ЧС. Дух народа как опора государства. *Беларуская думка* [Интернет]. 2014 [процитировано 12 сентября 2023 г.];5:92–99. Доступно по: https://beldumka.belta.by/ru/issues?art_id=1342.
33. Силин ПБ. Имперскость 2.0? Объективные ограничители российской внешней политики и как их преодолеть. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 сентября 2023 г.];17(2):73–84. Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>.
34. Аверьянов ВВ, Елисеев АВ, Калашников МА. *Всплывающая империя*. Москва: Наше завтра; 2022. 274 с.
35. Леонтьев М. Предисловие. В: Иванов ВВ, составитель. *Охранитель*. Москва: Европа; 2007. с. 5–7.
36. Проханов АА. Пятая империя. Страна накануне восстановления формы своего исторического бытия. *Политический класс: Журнал политической мысли России*. 2006;7:20–26.
37. Межуев БВ. «Цивилизационный реализм» как шанс на возвращение теории к реальной политике. *Философия. Реферативный журнал* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 сентября 2023 г.];4:6–26. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnyu-realizm-kak-shans-na-vozvrashchenie-teorii-k-realnoy-politik>.
38. Спиридонова ВИ. Цивилизационная самоидентификация как ответ на неолиберальный кризис. *Философские науки*. 2023;66(1):77–97. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97.

References

1. Khagen M. [The history of Russia as the history of the empire: prospects for a federalist approach]. In: *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednikh let* [The Russian Empire in foreign historiography: recent works]. Vert P, Kabytov PS, Miller AI, compilers. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2005. p. 18–48. Russian.
2. Klyuchevskii VO. *Sochineniya. Tom 1* [Essays. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. 425 p. Russian.

3. Walzer M. *O terpimosti: leksii po ehtike, politike, ehkonomike* [About tolerance: lectures on ethics, politics, economics]. Myurnberg I, translator. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2000. 160 p. Russian.
4. Longworth Ph. *Russia's empires. Their rise and fall from prehistory to Putin*. London: John Murray; 2006. 416 p.
5. Billington J. *Rossiya v poiskakh sebya* [Russia in search of itself]. Balashov NN, translator. Moscow: ROSSPEN; 2005. 224 p. Russian.
6. Hoskin G. *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: people and empire (1552–1917)]. Smolensk: Rusich; 2001. 512 p. Russian.
7. Suni RG. [The empire as it is: the imperial period in the history of Russia, «national» identity and the theory of empire]. In: Tishkov VA, Shnirel'man VA, editors. *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in world history]. Moscow: Nauka; 2007. p. 36–82. Russian.
8. Volkova IV. [The formation of the Russian Empire: the role of military structures and military operations]. In: Ryabinin AL, Luk'yanov GV, editors. *Imperskii vopros i natsional'nyi otvet* [The imperial question and the national answer]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2009. p. 147–164. Russian.
9. Yakunin VI, Sulakshin SS, Bagdasaryan VE. *Pravovoe protivodeistvie rasovoi, natsional'noi, religioznoi diskriminatsii* [Legal counteraction to racial, national, religious discrimination]. Moscow: Nauchnyi ehkspert; 2009. 224 p. Russian.
10. Achkasov VA. *Rossiiskaya dilemma: imperiya ili natsiya-gosudarstvo* [Russian dilemma: empire or nation-state]. Moscow: Yurait; 2019. 373 p. Russian.
11. Mironov BN. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Tom 1* [Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX century). Volume 1]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2003. 548 p. Russian.
12. Vereshchagin IF, Zaikov KS, Tamitskii AM, Troshina TI, Sokolova FKh, Kharlamp'eva NK, et al. *Ehtnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Arkhangel'sk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; 2017. 325 p. Russian.
13. Aver'yanov VV. [Empire and will]. *Moskva*. 2012;1:180–193. Russian.
14. Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonisation. The imperial experience of Russia]. Makarov V, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 448 p. Russian.
15. Vert PV. [From «resistance» to «subversion»: the power of the empire, the opposition of the local population and their interdependence]. In: *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednikh let* [The Russian Empire in foreign historiography: recent works]. Vert P, Kabytov PS, Miller AI, compilers. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2005. p. 48–83. Russian.
16. Matsuzato K. *Novaya volna v izuchenii ehtnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona* [A new wave in the study of the ethnopolitical history of the Volga-Ural region]. Sapporo: Slavic Research Center; 2003. [Preface]; p. 7–14. Russian.
17. Münkler H. *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten*. Berlin: Rowohlt; 2005. 332 s. Russian edition: Münkler H. *Imperii. Logika gosподства nad mirom. Ot Drevnego Rima do SShA*. Lannik LV, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 400 p.
18. Pushkarev SG. *Samoupravlenie i svoboda v Rossii* [Self-government and freedom in Russia]. Frankfurt am Main: Posev; 1985. 174 p. Russian.
19. Zakharov AA. [Empire and federation]. *Svobodnaya mysl'*. 2006;5:111–125. Russian.
20. Sergeev S, Remizov M, Solovei V, Tsymburskii V, Kurennoi V, Mezhev B, et al. [Russia: nation state or empire? Round table of the magazine «Moscow»]. *Moskva*. 2008;5:155–180. Russian.
21. Nazarov MV. *Vozhd' tret'ego Rima* [The leader of the third Rome]. Moscow: Russkaya ideya; 2004. 992 p. Russian.
22. Alekseev MP. [Pushkin and English travelers in Russia.]. Lib.ru [Internet; cited 2023 September 12]. Available from: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_0100.shtml. Russian.
23. Solonevich IL. *Narodnaya monarkhiya* [People's monarchy]. Buenos-Aires: Nasha strana; 1973. 494 p. Russian.
24. Il'in IA. *Sobranie sochinenii. Tom 2. Kniga 1, Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Collected works. Volume 2. Book 1, Our tasks. Articles 1948–1954]. Moscow: Russkaya kniga; 1993. [What does the dismemberment of Russia promise to the world?]; p. 326–344. Russian.
25. Kozhinov VV. *Istoriya Rusi i russkogo slova* [History of Rus' and the Russian word]. Moscow: Algoritm; 1999. 480 p. Russian.
26. Abazov RF. [Rethinking human rights]. *Polis. Political Studies*. 1995;2:183. Russian.
27. Zimin AA, Khoroshkevich AL. *Rossiya vremen Ivana Groznogo* [Russia during the time of Ivan Grozny]. Moscow: Nauka; 1982. 184 p. Russian.
28. Skrynnikov RG. *Ivan Groznyi*. Moscow: Nauka; 1975. 248 p. Russian.
29. Pipes R. *Russia under the old regime*. London: Weidenfeld and Nicolson; 1974. 361 p. Russian edition: Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime*. Kozlovskii V, translator. Moscow: Nezavisimaya gazeta; 1993. 453 p.
30. Mendeleev DI. *K poznaniyu Rossii* [Towards knowledge of Russia]. Munich: Milavida; 1924. 157 p. Russian.
31. Galushka AS, Niyazmetov AK, Okulov MO. *Kristall rosta. K russkomu ehkonomicheskomu chudu* [Crystal of growth. Towards the Russian economic miracle]. Moscow: Nashe zavtra; 2021. 360 p. Russian.
32. Kirvel' ChS. [The spirit of the people as the support of the state]. *Belaruskaja dumka* [Internet]. 2014 [cited 2023 September 12];5:92–99. Available from: https://beldumka.belta.by/ru/issues?art_id=1342. Russian.
33. Silin PB. [Imperial 2.0? Objective constraints of Russian foreign policy and how to overcome them]. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2019 [cited 2023 September 12];17(2):73–84. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>. Russian.
34. Aver'yanov VV, Eliseev AV, Kalashnikov MA. *Vsplyvayushchaya imperiya* [Surfacing empire]. Moscow: Nashe zavtra; 2022. 274 p. Russian.
35. Leont'ev M. [Preface]. In: Ivanov VV, compiler. *Okhranitel'* [The guardian]. Moscow: Evropa; 2007. p. 5–7. Russian.

36. Prokhanov AA. Fifth Empire. The country is on the eve of restoring the form of its historical existence. *Politicheskii klass: Zhurnal politicheskoi mysli Rossii*. 2006;7:20–26. Russian.

37. Mezhuev BV. [«Civilization realism» as a chance to return theory to real politics]. *Filosofiya. Referativnyi zhurnal* [Internet]. 2019 [cited 2023 September 12];4:6–26. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnyy-realizm-kak-shans-na-vozvrashchenie-teorii-k-realnoy-politik>. Russian.

38. Spiridonova VI. Civilizational self-identification as a response to the neoliberal crisis. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2023;66(1):77–97. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-1-77-97.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2023.
Received by editorial board 20.10.2023.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316(075.8)

МИРОВЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история создания и развития Международной социологической ассоциации. Описываются цели организации, ее состав и специфика деятельности. Отмечается важное значение международных социологических конгрессов, на которых представители разных стран могут поделиться с коллегами своими научными достижениями. Раскрывается роль советских и постсоветских ученых в функционировании Международной социологической ассоциации. Анализируется тематика XX Международного социологического конгресса (25 июня – 1 июля 2023 г.), который выдвинул идею диалогической социологии. Выявляется роль социологических конгрессов в сохранении теоретического и организационного доминирования социологии ведущих стран Запада. Делается вывод о том, что смена лидерства в Международной социологической ассоциации и переосмысление теоретических перспектив ее деятельности затрудняются глобальной неопределенностью и конфликтностью.

Ключевые слова: глобальная социология; Международная социологическая ассоциация; конгрессы; диалогическая социология; смена теоретических перспектив.

WORLD CONGRESSES OF SOCIOLOGY: HISTORY AND MODERNITY

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the problems of history of the development of the International Sociological Association. The goals of this organisation, its composition, and activities are revealed. The role of international sociological congresses, at which

---

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Мировые социологические конгрессы: история и современность. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:36–42.
EDN: FUWYEB

For citation:

Titarenko LG. World congresses of sociology: history and modernity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:36–42. Russian.
EDN: FUWYEB

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-2207-9894>

participants from different countries present their scientific achievements to their colleagues, is briefly outlined. The role of Soviet and post-Soviet sociologists in the functioning of the International Sociological Association and in congresses is revealed. The article analyses the topics of the XX International Sociological Congress (2023 June 25 – July 1), which put forward the idea of dialogic sociology. The objectives of the article are also to identify the connection between congresses and the preservation of the theoretical and organisational dominance of sociology of leading Western countries. It is concluded that the change in leadership and theoretical perspectives of the International Sociological Association goes slow and occurs in conditions of global uncertainty and conflict.

Keywords: global sociology; International Sociological Association; congresses; dialogical sociology; change of theoretical perspectives.

Введение

Очередной конгресс Международной социологической ассоциации (МСА) состоялся 25 июня – 1 июля 2023 г. Чтобы оценить значение конгрессов МСА и их влияние на развитие глобальной социологии, необходимо обратиться к истории организации.

Целью статьи является описание исторических целей создания и развития МСА, а также анализ тематики XX Международного социологического

конгресса. Соответственно, задачами статьи выступают описание эволюции МСА (изменение ее состава и мест проведения конгрессов), выявление значения советских и постсоветских социологов в работе конгрессов, установление новейших тенденций и серьезных сдвигов в развитии социологии, что отразилось в повестке последнего конгресса МСА.

История ассоциации

МСА была учреждена в 1948 г. по инициативе ЮНЕСКО в целях создания благоприятных условий для объединения национальных организаций социологов и координации их совместной деятельности. После Второй мировой войны страны-победители хотели предотвратить появление в той или иной стране идей, которые бы продуцировали фашизм, разъединяли нации и их профессиональные сообщества. Таким образом, изначальные цели создания МСА были не только научными и социокультурными, но и политическими. Одновременно были созданы международные профессиональные ассоциации политологов, социологов, юристов, историков и экономистов, объединенные в рамках ЮНЕСКО в Международный совет социальных наук. Ключевой целью деятельности МСА провозглашалось формирование основ социального знания для установления и поддержания нового глобального порядка [1, p. 282].

Объединить социологов мира было очень сложной задачей. К тому времени лишь в восьми странах существовали национальные социологические ассоциации, еще в четырех государствах социологи являлись членами других научных организаций, в десяти странах были созданы научные институты по изучению социологической дисциплины. В некоторых государствах социологии как науки не существовало, многие социологические ассоциации приостановили свою деятельность по причине сложных послевоенных условий.

Поскольку штаб-квартира ЮНЕСКО находилась в Париже, там в октябре 1948 г. и была организована первая международная встреча социологов, на которой обсуждался вопрос о создании глобально-

го профессионального сообщества. Немало известных ученых того времени приняли участие в судьбоносной встрече: Ж. Дави, Ж. Гурвич (Франция), Я. ден Холландер (Нидерланды), Р. Кёниг (Швейцария), П. Лазарсфельд и Л. Вирт (США). Учитывая условия послевоенного времени, встречу нельзя назвать в полной мере международной, на ней присутствовали представители преимущественно стран-победителей и стран Западной Европы. Советские социологи не участвовали в этой встрече по многим причинам, главными из которых были первоочередность задач экономического восстановления страны после войны и отсутствие наработок в области социологии. На встрече обсуждались вопросы продвижения социологической науки, развития международных исследований, установления профессиональных связей, обмена информацией между учеными разных стран (посредством создания центра социологической документации), организации переводов наиболее значимых работ по социологии и т. д.

На встрече было принято решение о проведении организационного конгресса, посвященного созданию профессиональной ассоциации социологов. Он состоялся в 1949 г. в Норвегии с участием представителей 21 страны (без СССР). Президентом МСА был избран американец Л. Вирт. Всемирный социологический конгресс впервые был проведен в 1950 г. в Швейцарии. Следует отметить, что за Л. Виртом был сохранен статус президента организации, а членами ее исполкома стали среди прочих представители Германии и Польши. Таким образом, МСА предоставила равные права социологам всех стран, не

участвовавших в преступной военной деятельности. Хотя ввиду финансовых и иных причин о равенстве членства всех социологов не было и речи: в вопросах руководства и функционирования МСА преобладало мнение представителей наиболее развитых государств, в теоретическом плане доминировали

концепции социологов Германии, Великобритании, Франции и США. Международный социологический журнал «Куррент социолоджи», созданный МСА в 1952 г., был англоязычным (допускались публикации и на французском языке), в состав его редакционной коллегии вошли англоязычные ученые.

Участие отечественных социологов в работе МСА

Изначально в МСА могли вступить только национальные ассоциации, поэтому страны стремились к созданию профессиональных социологических обществ. За первое десятилетие деятельности МСА количество ее членов увеличилось более чем в два раза. Сначала среди членов МСА было 45 % ученых из Западной Европы и 10 % ученых из США, к 1970 г. в МСА уже входило 15 % представителей стран Восточной Европы. Спустя 22 года после основания ассоциации, в 1970 г., было разрешено индивидуальное членство в организации, также в уставе МСА была закреплена деятельность специальных исследовательских комитетов, члены которых занимались разработкой конкретных социологических направлений и осуществляли совместные исследования вне конгрессов (например, в таких областях, как теория социологии, социология труда, социология молодежи и т. д.).

Советская социологическая ассоциация была учреждена только в 1958 г. Ее создание дало представителям Советского Союза возможность участвовать в международных социологических мероприятиях. Первые научные социологические структуры были открыты несколько позже, а преподавание дисциплины в университетах не велось еще долгие годы. Тем не менее это был шаг вперед, который легитимировал международное сотрудничество социологов СССР. Впервые делегация советских социологов заявила о себе на VI Международном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция) в 1966 г. (тогда же в конгрессе МСА впервые участвовали представители бывших колониальных стран). В состав советской делегации входили как ученые (И. С. Кон, И. В. Бестужев-Лада, Г. В. Осипов), так и представители партийного руководства в области науки, которые осуществляли идеологический контроль за социологами. Участие представителей отечественной социологии было признано успешным: они вошли в руководство двух исследовательских комитетов. Начиная с 1970-х гг. участие советских социологов в конгрессах МСА служило важным событием, которое имело не только профессиональное, но и политическое значение: советские власти стремились показать, что социологи СССР успешно развивают науку и не уступают западным специалистам. По тем же, политическим, причинам на конгрессах присутствовали представители всех советских республик. В советский период неоднократно участво-

вали в конгрессах известные белорусские социологи Г. П. Давидюк, Г. Н. Соколова и В. Н. Семеньков, в постсоветское время – ученые Ж. М. Грищенко, Л. Г. Титаренко и др. Как правило, участники должны были владеть одним из официальных языков конгресса, чтобы общаться с коллегами без переводчика.

По словам официального представителя руководства МСА тех лет Дж. Платта, в кулуарах организации часто происходили политические коллизии. Возникающие споры решались путем обсуждения вопросов с представителями Международного института социологии, оказания поддержки индивидуальным членам МСА, против которых применялись политические репрессии на родине, а также путем поиска баланса в представительстве государств в руководстве международных ассоциаций [2, р. 28].

На начальном этапе деятельности ассоциации английский и французский языки были признаны рабочими языками организации (немецкий и итальянский языки не рассматривались ввиду результатов Второй мировой войны). Однако на практике французским языком пользовались мало, в связи с чем в 1958 г. Ж. Гурвич учредил отдельную ассоциацию социологов франкоязычных стран (которая, правда, вскоре вошла в состав МСА). Решение о том, что страну может представлять только одна национальная ассоциация, вызвало определенные проблемы (которые сохраняются и сегодня). В связи с этим такие государства, как, например, Бельгия (где официально признано двуязычие), испытывали сложности. Кроме того, в некоторых странах в профессиональном сообществе социологов наблюдался внутренний раскол. По мере развития организации число спорных вопросов только увеличивалось, поэтому почти на каждом конгрессе руководство МСА было вынуждено вносить различные уточнения в устав организации, чтобы сохранить ее в функциональном состоянии. По данной причине к настоящему времени структура МСА является довольно сложной: она включает исполком, исследовательские комитеты, временные рабочие группы, куда входят как представители национальных организаций (коллективные члены МСА), так и социологи с индивидуальным членством. Все члены ассоциации обязаны платить взносы, размер которых зависит от гражданства представителей национальных социологических сообществ (богатые страны платят более высокие взносы), поэтому далеко не все социологи

могут вступить в МСА или участвовать в конгрессах (за это тоже необходимо платить). Членские взносы идут на содержание руководства МСА, издательские нужды и т. д.

В советское время российские ученые нередко становились членами исследовательских комитетов МСА. Среди них известные социологи И. С. Кон, И. В. Бестужев-Лада, А. Г. Здравомыслов и др.). В постсоветский период В. А. Ядов был избран членом исполкома МСА, а позже еще два социолога из России принимали участие в решении о конгрессах МСА – Н. Е. Покровский и Е. А. Здравомыслова. Представителей других постсоветских стран не избирали на должности такого уровня, да и само их участие было менее заметным, судя по числу докладов. В 1990–2010-х гг. на конгрессы приезжало большое

количество социологов из России. Но, как правило, самые многочисленные делегации на конгрессах были представлены американцами.

В 1990-х гг. по предложению ученого из США И. Валлерстайна статус рабочего языка на конгрессах (наравне с английским и французским) получил испанский язык. В конце прошлого века итальянец А. Мартинелли, на тот момент являвшийся президентом МСА, принял участие в работе I Всероссийского социологического конгресса в Санкт-Петербурге. В результате на очередном конгрессе МСА в 2002 г. был организован русский форум, заседания которого проходили на русском языке. Позднее в Россию на социологические конгрессы приезжали и последующие президенты МСА – американцы М. Буравой и М. Абрахам.

Место проведения конгрессов

За 75 лет деятельности МСА провела 20 конгрессов. Каждый из них посвящен конкретной теме, например борьбе с социальным неравенством, противостоянию новым вызовам, решению глобальных проблем. Безусловно, на конгрессе поднимаются такие вопросы, как наследие и будущее социологии, новые барьеры и оспариваемые границы, пути социального развития, производство социологического знания. В рамках встреч заслушиваются пленарные доклады, работают исследовательские комитеты и организуются выставки новых книг с их обсуждением. Главная функция конгрессов – дать возможность социологам разных стран общаться друг с другом, устанавливать новые контакты, находить партнеров для совместных проектов.

Чаще всего конгрессы МСА проходили в странах Западной Европы, несколько реже – в Канаде и США, при этом в Австралии и Азии мероприятие проводилось дважды, а в Латинской Америке и Африке – лишь по одному разу. На пост президента МСА чаще всего избирали американских социологов, самым известным из них был И. Валлерстайн. Что касается социологов из стран Западной Европы, титул президента МСА переходил к французам, итальянцам и англичанам, а также один раз к представителю Германии. Два раза главой ассоциации были избраны представители Польши – Я. Щепаньский (в период социализма) и П. Штомпка (в XXI в.). Первый и последний Международный социологический конгресс, проведенный в социалистической стране в 1970 г., имел наибольшее число участников из стран Восточной Европы (как минимум по той причине, что поездка в Болгарию обходилась дешевле, чем, например, в Монреаль или Вашингтон). Если говорить о конгрессах, проведенных в развивающихся странах (в Мексике в 1982 г. и в Индии в 1986 г.), то там было больше всего участников именно из стран третьего мира.

Организация конгресса с участием нескольких тысяч человек – непростая задача, поэтому далеко не все страны соглашаются предоставить площадку для проведения мероприятий такого масштаба, учитывая расходы и необходимость обеспечить синхронный перевод заседаний на три языка. В связи с этим в последние 30–40 лет МСА стала проводить также региональные конференции и семинары. Их тематика может быть самой разной (от академической до социально-политической) и зависит от специфики региона. Кроме того, представителей МСА часто приглашают на узкоспециализированные симпозиумы. Материалы конгрессов, региональных конференций, а также симпозиумов публикуются.

Самыми популярными направлениями для обсуждения на конгрессах выступают миграция, социальная стратификация, медицина, экология, демография, образование, труд, этнические конфликты, межкультурная коммуникация, развитие института семьи, роль женщин в обществе, молодежная проблематика и досуг [2, р. 39].

С 1986 г. стал выходить еще один журнал МСА – «Интернэшнл социолоджи», который широко открыт для представителей социологии стран третьего мира. В XXI в. М. Буравой инициировал учреждение журнала «Глобал социолоджи», где публикуются короткие статьи на самые важные темы. Этот журнал доступен на многих языках мира (его объем позволяет быстро организовать перевод материалов) и ориентирован больше на популяризацию социологической науки, чем на исследования в области социологии. Среди изданий МСА только этот журнал находится в свободном доступе: любой социолог может найти его в интернете, что свидетельствует о демократических изменениях в работе организации¹.

¹XX ISA World Congress of Sociology [Electronic resource] // International Sociological Association. URL: <https://www.isa-sociology.org/en/conferences/world-congress/melbourne-2023> (date of access: 15.09.2023).

Проблемы и противоречия глобальной социологии

В последние 10–15 лет в глобальной социологии наблюдаются важные, в некоторой степени даже радикальные тенденции. В бывших колониальных странах растет число социологов, которые не хотят следовать западным теоретическим канонам. Эта тенденция стимулировала кризисные явления в глобальной социологии. Кризис глобализма привел к разочарованию не только в социологии и ее возможностях научного предвидения будущего (так, социологи предсказывали повышение человеческого благосостояния за счет глобализации, в реальности же наблюдаются снижение уровня жизни и рост социального неравенства). Кризис привел многих авторов к заключению о том, что социальная жизнь непредсказуема, контингентна и что нет никаких объективных закономерностей, которые могла бы выявить социология.

Еще одной тенденцией развития глобальной социологии выступает фрагментация социологических сообществ и фрагментация тематики исследований. Современные социологи практически не интересу-

ются макроуровнем социологии, что было характерно для авторов классического и постклассического периодов развития социологической науки. Большинство специалистов занимаются исследованием частных проблем. Такая тематика представляется актуальной (например, влияние пандемии на ту или иную сферу жизни, последствия цифровизации и др.), но ее разработка не предполагает некоего когнитивного прорыва и получения востребованных знаний.

Тенденцией можно назвать и то, что в рамках МСА не снижается дифференциация в репрезентации стран. Например, количество польских представителей в МСА превышает число российских, несмотря на то что в России намного больше университетов и исследовательских институтов. Точно так же шведских социологов в МСА больше, чем испанских. Подавляющее число членов ассоциации являются гражданами США. Однако в последнее время степень американского интеллектуального доминирования постепенно снижается.

XX Международный социологический конгресс

Летом 2023 г. в Мельбурне состоялся очередной конгресс МСА. В нем принял участие 4701 человек (1500 из них участвовали дистанционно)². Было проведено 1022 тематических заседания. У Австралии, как у страны-организатора, было самое большое представительство на конгрессе – 790 человек. Далее по численности участников шли такие страны, как США (более 400 социологов), Индия (392 социолога) и Япония (277 социологов). Западноевропейские страны были представлены меньшим количеством ученых: из Германии приехал 241 социолог, число специалистов из других развитых стран Европы варьировалось от 100 до 200 человек. Канада и Бразилия были представлены примерно таким же числом социологов. Среди стран Центральной Европы и Восточной Европы отличилась Польша: из этой страны на конгресс приехали 97 специалистов (больше, чем из Китая, Южной Кореи и Южной Африки, не говоря уже о странах Северной Европы, Южной Европы и Латинской Америки). Благодаря зарубежному спонсированию на конгрессе присутствовали 12 участников из Украины. Остальные страны региона были представлены 1–6 социологами. Российские социологи (44 человека) участвовали в конгрессе как индивидуальные члены ассоциации (коллективное членство Российского общества социологов в МСА приостановлено с февраля 2022 г.).

Тема XX Международного социологического конгресса была сформулирована следующим образом:

«Возрождающийся авторитаризм: социология новых сложных взаимосвязей религии, политики и экономики». Проблематика допускала широкое обсуждение смежных для социологии проблем социального развития, но была несколько политизирована. Тематика заседаний включала множество аспектов, которые косвенно относились к заявленной теме и находились на стыке социологии с другими социальными дисциплинами³. Наибольшее число социологов из самых разных стран было задействовано в обсуждении тем «Либерализм, другой и религия», «В защиту минимального секуляризма», «Первые принципы: декларация независимости», «Религиозный национализм», «Страх как антидемократическая эмоция» и т. д. Докладов, прямо посвященных авторитаризму, было мало, поскольку эта тема не находится в центре интересов глобальной социологии (ее основное внимание устремлено на проблемы гендера, демократии, неравенства, бедности, миграции, экологии, молодежи и т. д.).

Особое значение участники конгресса придали теме влияния последствий пандемии COVID-19 на общество. Так, одна из пленарных сессий называлась «Создание справедливого мира после COVID-19». В рамках данной сессии обсуждалась глобальная неопределенность новой реальности. Указанная проблема стала предметом дискуссий и на секциях «Неусвоенные уроки пандемии», «Глобальная политизация и рост религиозности в эпоху пандемии –

²XX ISA World Congress of Sociology [Electronic resource] // International Sociological Association. URL: <https://www.isa-sociology.org/en/conferences/world-congress/melbourne-2023> (date of access: 15.09.2023).

³Ibid.

будущее прошлого или прошлое будущего?». С докладом «Социальные последствия COVID-19» выступил директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук М. Ф. Черныш. Доклады других участников из России были посвящены глобалистике, урбанистике, образованию, гендерной тематике, методике исследований и т. д.

Лейтмотивом многих докладов в рамках конгресса стала тематика, связанная с антиевропоцентризмом и новым периферийным поворотом в социологии (повышенное внимание к проблемам, изучаемым в странах периферии и полупериферии, в терминологии И. Валлерстайна⁴). Периферийный поворот был декларирован задолго до конгресса, его сразу признали не только представители собственно периферии, но и ряд западных социологов, открытых для перемен и поддерживающих идеи более равномерной представленности регионов (включая Африку, Азию и Австралию) в глобальной социологии [3]. Понятие периферии, как и колониализма, трактуется довольно широко. На конгрессе звучали идеи антиколониализма даже в отношении стран, входящих в Европейский союз, но менее развитых в сравнении с ведущими государствами коалиции [4, р. 87]. Социологи периферийного региона (М. Дхауади, Й. Панадиас), как и раньше, продвигали южную теорию [5, р. 584]. Были озвучены некоторые новые подходы. Так, Р. Коннелл предлагала рассматривать социологию стран третьего мира как основу создания нового мейнстрима для мировой социологии, т. е. вне привычного фрейма маргинальности [6, р. 158].

Идея диалогической социологии

Несмотря на то что ведущей темой конгресса было заявлено рассмотрение авторитаризма в разных регионах мира, уже в первом докладе президента МСА С. Ханафи прозвучал призыв к укреплению диалога между социологами всех стран, регионов и континентов. Докладчик обозначил свое видение перспектив современной социологии в русле развития диалогической социологии. По его мнению, последнее десятилетие ясно продемонстрировало упадок либерализма и демократии (чем, в частности, и обусловлено широкое распространение авторитаризма). Одновременно с ним обозначился и кризис глобализма, поэтому в настоящее время мировое сообщество развивается по пути суверенизации стран, что ведет к росту межгосударственных конфликтов. В сфере социологии эта тенденция проявляется как процесс отказа от следования мейнстриму. Его демонстрируют социологи постколониальных стран, которые развивают собственные социологические подходы и новые теории, более адекватные для соци-

Активное участие в работе многих секций принимал Китай. Среди китайских докладчиков выделился ведущий социолог Ли Пейлин [7, р. 581] с докладом «Постзападная цивилизация как путь понимания различных цивилизаций». Данная проблематика противостояла западному мейнстриму и была близка к тем вопросам цивилизационного развития, которые разрабатываются в современной социологии на базе мультимодерна [8].

Руководство МСА приложило все усилия для того, чтобы выступили социологи из постколониальных периферийных стран, чтобы была возможность обсудить их предложения и включить знания, полученные на географической и политической периферии нынешнего глобального мира, в переформатированный канон социологической эпистемологии. Такая реконструкция могла бы постепенно сделать социологическую науку подлинно глобальной. Однако успехов в этом направлении пока достичь не удалось. Выступления против западного мейнстрима остались в меньшинстве, так как большинство социологов проявляли интерес к узкопрофессиональным вопросам. Учитывая мировой экономический кризис, последствия пандемии, неконтролируемую миграцию и высокую военную конфликтность, говорить о том, что постколониальная и постпериферийная повестка вызовут интерес социологов и мотивируют их на более демократическую переструктуризацию МСА, затруднительно.

Также на конгрессе были организованы авторские презентации новых книг по актуальной тематике (деколониализм, жизнь в арабских странах, беженство, космополитизм, потребительство).

ально-исторических условий их стран и отвечающие интересам их народов, долгие десятилетия лишенных права голоса, который был бы равен праву голоса народов экономически развитых стран Глобального Севера (если не юридически, то практически).

По мнению С. Ханафи, противостояние Глобального Севера и Глобального Юга обостряется. Для того чтобы не допустить организационного раскола в глобальной социологии, необходимо создать условия для равноправного диалога между социологами [9]. С. Ханафи заявил о том, что социологи из так называемых авторитарных стран должны иметь те же возможности донесения своей позиции до мирового сообщества, что и социологи из развитых западных стран, признаваемых лидерами демократии. Иначе говоря, он выступил против культуры отмены. Более того, ранее он высказывал мнение о том, что гражданское население Ближнего Востока заслуживает не меньшего внимания и международной поддержки в случае вооруженных конфликтов,

⁴Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Унив. кн., 2001. 416 с.

чем население других регионов мира. Сегодня, в условиях нового военного противостояния в секторе Газа, это звучит актуально.

Следует отметить, что идеи представителей национальных социологических сообществ диалога были изначально заложены ЮНЕСКО в основу создания МСА, поэтому в новых условиях С. Ханафи лишь придал им новое звучание и подчеркнул их актуальность. Диалогическая социология включает в себя те новые повороты, о которых говорилось

ранее (постколониальный, периферийный), так как гарантирует всем участникам равные права. По этой причине ее поддержали представители незападных стран, а их доклады во многом развивали сходные идеи. Однако к настоящему времени призывы к интеграции социологов разных регионов и налаживанию диалога между ними не принесли значимых практических результатов. Социология не вышла из кризиса, да и вряд ли это возможно в нынешних глобальных условиях.

Заключение

За 75 лет деятельности МСА ее значимость в социологическом сообществе снизилась. Социологи отдельных регионов создали свои организации, членство в которых становится для них более важным, чем членство в МСА. Последняя сохраняет свою роль как социальный институт, созданный после Второй мировой войны для объединения социологов всего мира.

Западный мейнстрим потерял былое значение. Страны Глобального Юга и других незападных регио-

нов не хотят больше признавать доминирование западных стран в социологии и стремятся развивать национальные социологические теории.

В постсоветский период белорусские социологи редко участвовали в международных конгрессах и конференциях. Среди причин можно выделить финансовую и содержательную (как правило, повестки конгрессов далеки от актуальных проблем белорусского общества). Тем не менее конгрессы МСА и сегодня сохраняют свое символическое значение.

Библиографические ссылки/References

1. Angel RC. UNESCO and social science research. *American Sociological Review*. 1950;15:282–287. DOI: 10.2307/2086792.
2. Platt J. *A brief history of the ISA: 1948–1997*. Madrid: The International Sociological Association; 1998. 76 p.
3. Pleyers G. Global sociology as a renewed global dialogue. *Global Dialogue*. 2023;13(1):13–15.
4. Boatca M. Creolizing the modern: Transylvania as periphery across empires. *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology* [Internet]. 2003 [cited 2023 September 15]. Available from: <https://www.isa-sociology.org/1579-isa-wcs-2023-book-of-abstracts>.
5. Panadies Y. Indigenous perspectives on decolonial societies. *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology* [Internet]. 2003 [cited 2023 September 15]. Available from: <https://www.isa-sociology.org/1579-isa-wcs-2023-book-of-abstracts>.
6. Connell R. Beyond marginality: how we can build a new mainstream world sociology and what it might look like. *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology* [Internet]. 2003 [cited 2023 September 15]. Available from: <https://www.isa-sociology.org/1579-isa-wcs-2023-book-of-abstracts>.
7. Lee Palin. Post-Western civilization as a way of understanding different civilization. *Book of Abstracts. XX ISA World Congress of Sociology* [Internet]. 2003 [cited 2023 September 15]. Available from: <https://www.isa-sociology.org/1579-isa-wcs-2023-book-of-abstracts>.
8. Arnason JP. *The labyrinth of modernity: horizons, pathways and mutations*. London: Rowman and Littlefield; 2020. 230 p.
9. Hanafi S. Pushing public sociology towards dialogical sociology. *Global Dialogue*. 2022;12(3):11–12.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023.
Received by editorial board 16.10.2023.

ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ КАК СТРАТЕГИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Е. КУЧКО¹⁾, М. В. ВИШНЯКОВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Рассматривается специфика использования стратегии обоснованной теории в процессе качественного исследования. Отражается особенность указанного метода – цикличность проведения исследования. Перечисляются этапы реализации стратегии: сбор первичных данных, их обработка и предварительный анализ, сбор дополнительных данных. Обосновывается применение в качественном исследовании теоретической выборки, объем которой определяется содержательным насыщением категорий. Представляется своеобразие многоэтапной обработки полученных данных, показывается последовательность работы социолога при открытом, осевом и избирательном кодировании. Репрезентируются инструменты, позволяющие структурировать материалы исследования и визуализировать складывающуюся теорию (аналитические памятки и диаграммы). Описываются виды аналитических памяток (кодированные, теоретические и операциональные записи). Приводятся правила подготовки аналитических памяток и диаграмм, которые дают возможность репрезентировать логику аналитического мышления исследователя и логику формирования теории на основе полученных данных. Указываются ограничения реализации стратегии обоснованной теории.

Ключевые слова: аналитические памятки; качественные методы; кодирование; метод обоснованной теории; теоретическая выборка; теоретическое насыщение.

GROUNDING THEORY AS A QUALITATIVE RESEARCH STRATEGY

E. E. KUCHKO^a, M. V. VISHNIAKOVA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Corresponding author: E. E. Kuchko (avesol@yandex.ru)

The specifics of using a sound theory strategy in the process of qualitative research are considered. The peculiarity of this method is reflected – the cyclical nature of the study. The stages of the strategy implementation are listed: collection of primary data, processing and preliminary analysis, data collection. The use of theoretical sampling in qualitative research

Образец цитирования:

Кучко ЕЕ, Вишнякова МВ. Обоснованная теория как стратегия качественного исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:43–48. EDN: KLIQNH

For citation:

Kuchko EE, Vishniakova MV. Grounded theory as a qualitative research strategy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:43–48. Russian. EDN: KLIQNH

Авторы:

Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Маргарита Владимировна Вишнякова – кандидат социологических наук; доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Института социально-гуманитарного образования.

Authors:

Elena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

avesol@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2376-4639>

Marharyta V. Vishniakova, PhD (sociology); associate professor at the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, Institute of Social Science and Humanities Education.

margarita_vishny@bk.ru

is justified, the volume of which is determined by the saturation of the categories. The uniqueness of multi-stage processing of the obtained data is presented, the sequence of work of a sociologist during open, axial and selective coding is revealed. Tools are presented that allow you to structure research materials and visualise the emerging theory (analytical memos and diagrams). The types of analytical memos (coded, theoretical and operational notes) are presented. Rules for preparing analytical memos and diagrams are given that allow one to represent the logic of the researcher's analytical thinking and the logic of theory formation based on the data obtained. Limitations of implementing a grounded theory strategy are indicated.

Keywords: analytical memos; qualitative methods; coding; grounded theory method; theoretical sampling; theoretical saturation.

Введение

Активное использование качественных методов в социологической практике требует от исследователей постоянного мониторинга и переосмысления применяемых методик, тщательного анализа полученных результатов, а также выявления их потенциала. Дискуссия о применении в ходе качественных исследований соответствующих методов и стратегий для изучения некоторых аспектов социальной практики включает обоснование определенного алгоритма. В этом ключе весьма важны анализ опыта качественных исследований и осмысление роли социолога в них. Критика, которой подвергаются качественные исследования, как правило, связана с их методологической гибкостью (отсутствием жестко структурированных методов сбора информации, их многообразием, содержательной достаточностью из-

учения небольшого количества случаев, отсутствием формализованного подхода к обработке и анализу данных). Не вступая в полемику по поводу значимости отдельного методологического направления, понимая и признавая их объективные различия, авторы статьи фокусируют внимание на логике исследовательского поиска, принципах организации и особенностях обработки и анализа данных в рамках стратегии обоснованной теории согласно подходу А. Страусса и Дж. Корбин. Под качественным исследованием авторы понимают комплексный и многоуровневый процесс познавательной деятельности.

Цель статьи – репрезентация этапов, особенностей и основных правил работы с качественными данными в рамках стратегии обоснованной теории Страусса – Корбин.

Основная часть

История появления стратегии обоснованной теории уходит корнями в 1960-е гг. Создание метода связано с представителями американской социологии Б. Глейзером и А. Страуссом [1]. В 1990-х гг. произошел творческий разрыв исследователей, что обусловило появление двух научно-исследовательских подходов к выстраиванию стратегии обоснованной теории. К классикам указанного метода стоит причислить и Дж. Корбин. В соавторстве с А. Страуссом она подготовила работу «Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники», которая обрела особую популярность в русскоязычном пространстве благодаря переводу Т. С. Васильевой [2].

Стоит обратить внимание на то, что не все исследователи согласны переводить термин *grounded theory* выражением «обоснованная теория». Т. С. Васильева выделяет несколько вариантов перевода, предложенных российскими методологами. Например, В. А. Ядов использует термин «выращенная теория» (в коммуникации), Т. Шанин – понятие «приземленная теория», В. В. Семенова – определение «восхождение к теории» [3, с. 255]. В одной из своих последних работ В. В. Семенова применяет для обозначения метода его аббревиатуру GT или первичную транскрипцию *grounded theory* [4]. Российский социолог И. В. Забаев считает уместным использо-

вание термина «укорененная теория» [5]. Не отрицая подход, которым руководствовались указанные исследователи, авторы материала склоняются к тому, чтобы обозначать метод в той формулировке, в которой он был представлен в русскоязычном пространстве впервые.

Особенность стратегии обоснованной теории в качественном социологическом исследовании заключается в тесной взаимосвязи всех его этапов, формирующих своеобразную спираль познания, в которой каждый новый виток (этап) зависит от осмысления проблемы и аналитических построений на предыдущем уровне. Так, специфической чертой стратегии обоснованной теории выступает спиралевидная цикличность исследования. Этап сбора данных тесно связан с этапом анализа. Каждый последующий этап сбора данных при использовании настоящей стратегии зависит от результатов осмысления информации, полученной на предыдущем этапе, и выдвинутых гипотез. Главными методами реализации стратегии обоснованной теории выступают свободное (глубинное) интервью и неструктурированное наблюдение. Отправной точкой в применении стратегии является информационная база, полученная с помощью указанных методов. Анализ данных начинается уже на этапе проведения интервью или наблюдений. Первое свободное интервью или неструктурированное

наблюдение, последующая подготовка текстовой расшифровки (транскрипции) или описания позволяют исследователю концептуализировать первичные данные. Далее социолог формирует теоретическую выборку. Основой при отборе информантов или объектов наблюдения в первом исследовательском цикле выступают цели и задачи работы. Далее социолог отбирает новый случай «в соответствии с первичным концептуальным видением проблемы и исходя из стратегии сравнения случаев по аналитическим свойствам основных категорий, выявленных при изучении первичного кейса» [4, с. 180]. Все случаи выбираются целенаправленно. Они ориентированы на концептуальное расширение или проверку полученной базы данных. Отбор случаев осуществляется до тех пор, пока не произойдет теоретическое насыщение используемых исследователем категорий, т. е. пока новый случай не перестанет приносить изменения в складывающуюся систему категорий. Следовательно, определить заранее количество исследуемых случаев не представляется возможным. Каждый новый случай дает ученому импульс к поиску дополнительных данных в рамках изучаемой темы. Спиралевидная цикличность проведения исследования позволяет многократно верифицировать интерпретации, основанные на раскрытии смысла высказываний информантов, постоянно соотнося их с новыми данными.

Изначально стратегия обоснованной теории имела сугубо индуктивную логику. Предполагалось, что теория не определяется теоретической рамкой, а строится исключительно на полученных в ходе качественного исследования данных. Версия А. Страусса и Дж. Корбина сочетает в себе как индуктивный, так и дедуктивный подход [2, с. 93]. В процессе исследования социолог опирается на использование естественного языка информантов и выдвигает некоторые объяснительные гипотезы, проверить которые можно только во время дальнейшей работы с результатами других кейсов. Анализ кейсов будет продолжаться до тех пор, пока не завершится создание обоснованной теории. Последняя позволяет выявить взаимосвязи качественных данных и концептуализировать их путем систематического анализа. Для обоснования теории исследователю необходимо освоить такие процедуры, как кодирование и подготовка аналитических памяток и диаграмм.

Первичная информация в качественных исследованиях представлена в виде неструктурированных текстов (мнений, рассказов о жизни, мемуаров), которые подлежат изучению. Начальный этап анализа текстовой информации заключается в ознакомлении с текстом и выборе единиц анализа – отдельных слов, предложений или смысловых абзацев. Выбор единиц анализа определяется темой, целями и задачами исследования и может быть хронологическим, тематическим и перспективным с точки зрения по-

следствий. Начальный этап анализа качественных данных заключается в переводе текста из его первичного вида в единицы анализа, а также в присвоении им названий, или кодов. Кодирование – важнейший этап в анализе материалов качественного исследования. Тщательно изучая полученную информацию, исследователь определяет значимые смысловые единицы для дальнейшей оценки. Затем они систематизируются, сопоставляются, анализируются, в результате чего формируются темы и категории. Так, при использовании стратегии обоснованной теории сбор данных и кодирование происходят одновременно. По мнению В. В. Семенович, кодирование представляет собой процесс генерализации полученной из интервью неструктурированной информации, который служит для обозначения и систематизации идей. В ходе данного процесса исследователь обнаруживает в тексте потенциально релевантные для изучаемого феномена события, характеристики и фразы и наделяет их определенными кодами для того, чтобы в дальнейшем представить их в виде более абстрактного набора категорий и выявить их возможные взаимосвязи [4, с. 108]. Далее социолог разбивает единицы анализа на категории. Результатом такого описания является набор эпизодов, связанных одной темой и «плотно» описанных.

По мнению А. Страусса и Дж. Корбина, стратегия обоснованной теории в качественном социологическом исследовании предполагает использование открытого, осевого и избирательного кодирования [2, с. 50].

Многоступенчатая процедура обработки полученных данных начинается с открытого кодирования и предполагает скрупулезную работу с транскриптом интервью по принципу «шаг за шагом» (построчное кодирование, кодирование по предложениям, параграфам или по всему документу) в целях обнаружения концептов, ключевых фраз и идей, а также присвоение им определенного названия. Осуществление при этом постоянного сравнительного анализа позволяет выделить значимые для исследования концептуальные компоненты. На этом этапе обработки данных появляется достаточно большое количество новых категорий, которые возникают как реакция информанта на исследовательские вопросы. Формулировка категории должна быть логически связанной с обнаруженным понятием и «более абстрактной, чем то понятие, которое она обозначает» [2, с. 57]. На этом этапе социолог должен учитывать возможную трансформацию категорий в условиях поступления новой информации. Следовательно, при дальнейшей работе с материалами исследования категории могут быть переформулированы, уточнены или вовсе исключены из анализа ввиду того, что они выходят за рамки исследовательских задач. Главная задача социолога состоит не только в поиске категорий, но и в определении их свойств.

На этапе осевого кодирования осуществляется предварительная группировка выделенных исследователем категорий, устанавливаются связи между ними и обеспечивается возможность их дальнейшего уточнения. Осевое кодирование – это ряд процедур, с помощью которых данные после открытого кодирования соединяются заново. А. Страусс и Дж. Корбин предлагают связывать категории через «модель парадигмы», которая включает в себя учет причинно-следственных условий возникновения исследуемого феномена, его свойств, определяющих контекст, промежуточных условий, влияющих на взаимодействие с феноменом, а также стратегий и результатов этого взаимодействия [2, с. 81–82]. На данном этапе исследователь дает точное определение категории с точки зрения детерминант и контекста ее существования, стратегий управления.

Осуществляя исследовательскую концептуализацию, анализируя множество категорий второго уровня, социолог устанавливает ключевую категорию. Вокруг нее он располагает категории второго уровня так, чтобы проиллюстрировать логику развития центральной темы и возможных подтем уже в рамках избирательного кодирования. Таким образом, после того как исследователь обнаружил ключевую смысловую категорию, объясняющую поведение и эмоции участников при решении основной проблемы, проводится избирательное кодирование. Ключевая смысловая категория задает вектор дальнейшего кодирования, а именно направление отбора новых данных, относящихся только к ней. Избирательное кодирование ограничивает объем исследования.

Нередко описание и анализ категорий становятся поводом для нового исследовательского цикла по сбору материала. Кодирование – ответственный, но в то же время интересный процесс. Он предполагает творческий подход на основе использования исследовательского опыта, знаний и научной интуиции. Д. А. Хорошилов и Д. С. Машков отмечают, что при кодировании данных исследователь может допустить следующие ошибки: игнорирование факта трансформации кодов в процессе качественного анализа, отсутствие творческого подхода и описательное формулирование кодов, сводящее на нет возможность их дальнейшей интерпретации и обобщения [6, с. 25].

Во время работы над исследовательским проектом изложение аналитических записей социолога осуществляется с помощью памяток и диаграмм. Памятка – зафиксированный в письменном виде комментарий, в котором изложены гипотезы и идеи исследователя в отношении кодирования данных и представлены первичные связи между категориями. По сути, это фиксация идей социолога по поводу содержательных характеристик кодов и их взаимосвязей. Памятки могут принимать форму коди-

рованных записей (фиксируют обнаруженные в речевом потоке информанта категории и их первичные свойства), теоретических записей (способствуют повышению теоретической чувствительности исследователя, позволяют ему обратить внимание на другие потенциально релевантные категории) и операциональных записей (содержат данные о том, как будет осуществляться поиск и уточнение потенциально релевантных категорий, а также комментарии относительно выборки) [2, с. 161]. Памятки являются важнейшим методическим документом, позволяющим воссоздать последовательность анализа собранного материала, проследить развитие исследовательских идей, логику сравнений и, безусловно, сохранить идеи и полученные данные. Кроме того, использование памяток позволяет специалисту ориентироваться в большом количестве эмпирического материала, придерживаться четкой логики теоретического насыщения данных, имеющих отношение к выделенным ранее категориям. Обращаясь к памяткам вновь и вновь, социолог рефлексивен над полученным материалом и корректирует ход исследования.

С каждым этапом процесс анализа усложняется, растет объем материалов для обработки. В связи с этим видоизменяются памятки, которые использует исследователь. В грамотной подготовке памяток социологу помогут следующие рекомендации: фиксировать даты создания и редактирования памяток; фиксировать номер интервью или страницу стенограммы, из которых они взяты; указывать в заголовках категории, к которым относятся памятки; использовать короткие цитаты, позволяющие оперативно обратиться к данным, которые вызвали появление конкретной идеи; указывать форму памятки (кодировочная, теоретическая или операциональная запись), а также маркировать верифицированные и предварительные данные; вести памятки на протяжении всего цикла исследования; делать перерывы в кодировке и записи данных, чтобы оценить качество собранной информации; пересматривать и сопоставлять памятки по их исходным кодам; использовать несколько копий заметок и т. д. [2, с. 166–168].

Вместе с тем использования одних лишь памяток для структурирования данных недостаточно. Для визуализации формирующейся теории следует обратиться к графической форме представления взаимосвязи ключевых категорий, а именно к диаграммам (рисункам, схемам). Диаграммы позволят репрезентировать логические взаимосвязи между используемыми категориями, представить логику аналитического мышления исследователя в объяснении каузальных связей поведенческих практик. В процессе анализа данных диаграммы становятся более «плотными», так как отражают связи большого количества категорий. Интегративная диаграмма

выступает не только результатом исследовательского поиска, но и удачным инструментом для презентации полученной теории.

Памятки и диаграммы могут содержать информацию о возможностях новых исследований, а также дополнительные идеи, касающиеся текущего исследова-

ния. В связи с этим памятки и диаграммы создаются уже на начальном этапе исследования (с момента формулировки первого ключевого понятия). Их фиксация продолжается в процессе анализа и построения теории, ведь они содержат обширный материал для разработки новых концепций.

Заключение

Таким образом, использование стратегии обоснованной теории в социологии демонстрирует методологическую гибкость качественных исследований. При этом исследовательский процесс с применением данной стратегии предполагает соблюдение определенных правил. Так, необходимо придерживаться строгих принципов обработки данных и построения теоретической выборки. Кроме того, следует учитывать специфику нелинейного цикла исследования.

Безусловно, анализ данных качественного исследования с помощью стратегии обоснованной теории представляет собой трудоемкий и длительный процесс. На разных этапах рефлексии текста у исследователя может возникнуть ряд сложностей. При открытом кодировании они могут быть связаны с особенностями детального анализа стенограммы интервью. На этапах осевого и избирательного кодирования трудности могут появиться в процессе упорядочивания категорий, выделения центральной категории и интерпретации результатов. Кроме того, это может произойти и на этапе подготовки памяток и диаграмм. Научиться преодолевать указанные трудности возможно путем расширения исследовательского опыта, участия в тренингах по кодированию данных, применения техник по повышению теоретической чувствительности и т. д.

Опыт российских социологов демонстрирует специфику развертывания стратегии обоснованной тео-

рии при анализе данных. Так, с помощью указанного метода И. В. Забаев описывает методические приемы кодирования текстовой информации при изучении мотивации репродуктивного поведения в России [5]. А. С. Рафикова применяет стратегию обоснованной теории для определения и объяснения факторов, влияющих на процесс и результаты коллаборативного обучения [7]. В своей работе она описывает как логику сбора данных, так и ее анализ, представляя диаграмму, иллюстрирующую парадигму кодирования. Используя метод обоснованной теории для анализа полуструктурированных интервью с экспертами и волонтерами, действующими в чрезвычайных ситуациях, Н. С. Воронина поэтапно репрезентирует феномен волонтерства (волонтерская деятельность трактуется социологом как помощь), причинные условия (понимание необходимости в экстренной помощи), контекст (мотивы волонтерской деятельности), промежуточные условия (факторы способствующие или препятствующие оказанию помощи), стратегии (способы оказания помощи) и результаты действия (чувство удовлетворенности) [8]. Исследование Д. Р. Лебедевой на тему проблем формирования экологической культуры выполнено также с применением стратегии обоснованной теории [9]. Эвристический потенциал метода позволил ему выйти за рамки социологического знания, что подтверждается работами в области психологии [6], медицины [10] и других наук.

Библиографические ссылки

1. Glaser BG, Strauss A. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research* [Internet]. 1967 [cited 2023 June 4]. Available from: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Glaser_1967.pdf.
2. Страусс А, Корбин Дж. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. Васильева ТС, переводчик. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 256 с.
3. Васильева ТС. Обоснованная теория в поле качественного исследования. В: Страусс А, Корбин Дж. *Основы качественного исследования: обоснованная теория: процедуры и техники*. Васильева ТС, переводчик. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. с. 225–250.
4. Семенова ВВ. ИНТЕР-энциклопедия: grounded theory. Устная история. *Интеракция. Интервью. Интерпретация* [Интернет]. 2021 [процитировано 5 июля 2023 г.];13(1):106–119. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/inter-entsiklopediya-grounded-theory-ustnaya-istoriya/viewer>.
5. Забаев ИВ. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера. *Социология: методология, методы, математическое моделирование* [Интернет]. 2011 [процитировано 5 июля 2023 г.];32:124–142. Доступно по: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/3691/3473>.
6. Хорошилов ДА, Машков ДС. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология* [Интернет]. 2020 [процитировано 5 июля 2023 г.];10(1):18–32. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-obosnovannoy-teorii-kak-instrument-psihologicheskogo-kartografirovaniya-sotsialnyh-situatsiy/viewer>.
7. Рафикова АС. Использование метода обоснованной теории для исследования коллаборативного обучения. *Эпоха науки* [Интернет]. 2023 [процитировано 22 октября 2023 г.];35:157–161. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-obosnovannoy-teorii-dlya-issledovaniya-kollaborativnogo-obucheniya/viewer>.

8. Воронина НС. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций. *Вестник института социологии* [Интернет]. 2021 [процитировано 22 октября 2023 г.];12(4):87–107. Доступно по: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2021_39/Voronina_87-107.pdf.

9. Лебедева ДР. Человек экологический: повседневные практики и заботы об окружающей среде как атрибут современного субъекта в представлениях молодых москвичей. *Журнал социологии и социальной антропологии* [Интернет]. 2021 [процитировано 22 октября 2023 г.];24(2):110–143. Доступно по: https://jourssa.ru/files/volumes/2021_2.pdf.

10. Харькова ОА, Кузнецов ВН, Холматова КК, Гржибовский АМ. Обоснованная теория как качественный метод исследования в медицине. *Морская медицина* [Интернет]. 2022 [процитировано 5 июля 2023 г.];8(4):104–111. Доступно по: <https://seamed.bmoc-spb.ru/jour/article/view/604/549>.

References

1. Glaser BG, Strauss A. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research* [Internet]. 1967 [cited 2023 June 4]. Available from: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Glaser_1967.pdf.

2. Strauss A, Corbin J. *Basics of qualitative research: grounded theory procedures and techniques*. California: Sage Publications; 1990. 270 p.

Russian edition: Strauss A, Corbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki*. Vasil'eva TS, translator. Moscow: Editorial URSS; 2001. 256 p.

3. Vasil'eva TS. [Grounded theory in the field of qualitative research]. In: Strauss A, Corbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki*. Vasil'eva TS, translator. Moscow: Editorial URSS; 2001. p. 225–250. Russian.

4. Semenova VV. INTER-encyclopedia: grounded theory. Oral history. *Interaction. Interview. Interpretation* [Internet]. 2021 [cited 2023 July 5];13(1):106–119. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/inter-entsiklopediya-grounded-theory-ustnaya-istoriya/viewer>. Russian.

5. Zabaev IV. [Logic of data analysis in grounded theory: version by B. Glezer]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Internet]. 2011 [cited 2023 July 5];32:124–142. Available from: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/3691/3473>. Russian.

6. Khoroshilov DA, Mashkov DS. «Grounded theory» as a method of psychological mapping of social situations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2023 July 5];10(1):18–32. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-obosnovannoy-teorii-kak-instrument-psihologicheskogo-kartografirovaniya-sotsialnyh-situatsiy/viewer>. Russian.

7. Rafikova AS. Using the ground theory method to analyze the process and results of collaborating learning. *Ehpokha nauki* [Internet]. 2023 [cited 2023 October 22];35:157–161. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-obosnovannoy-teorii-dlya-issledovaniya-kollaborativnogo-obucheniya/viewer>. Russian.

8. Voronina NS. Motivations for volunteers in emergencies. *Vestnik instituta sotsiologii* [Internet]. 2021 [cited 2023 October 22];12(4):87–107. Available from: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2021_39/Voronina_87-107.pdf. Russian.

9. Lebedeva DR. Homo ecologicus: daily pro-environmental practices as an attribute of the modern subject in the understanding of young Muscovites. *Journal of Sociology and Social Anthropology* [Internet]. 2021 [cited 2023 October 22];24(2):110–143. Available from: https://jourssa.ru/files/volumes/2021_2.pdf. Russian.

10. Kharkova OA, Kuznetsov VN, Kholmatova KK, Grzhibovsky AM. Grounded theory as a qualitative research method in medicine. *Marine Medicine* [Internet]. 2022 [cited 2023 July 5];8(4):104–111. Available from: <https://seamed.bmoc-spb.ru/jour/article/view/604/549>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.11.2023.
Received by editorial board 17.11.2023.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.334.2

КУЛЬТУРА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: ПОВОРОТ К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

О. Н. ГАВРИЛИК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Проводится аналитический обзор современных подходов к изучению влияния культурных факторов на экономическое развитие общества. Раскрываются причины актуализации исследований в данном направлении: активизация глобализационных процессов, необходимость продвижения товаров и услуг компаний на международных рынках, сложности построения рыночной экономики в незападных странах, изменение представлений о векторах модернизации, а также поворот к изучению культурных факторов общественного развития в социально-гуманитарных науках. Подчеркивается мысль о том, что экономика является не автономной областью, а подсистемой общества, связанной с другими подсистемами (в том числе с социальной и культурной). Выделяются ключевые вопросы научной дискуссии на указанную тему, в частности вопросы о том, какие неэкономические факторы оказывают наибольшее влияние на экономические процессы; насколько культурные факторы поддаются количественному измерению и какие методы при этом целесообразно использовать; является ли культура ресурсом для инноваций, катализатором реформ, препятствием для современных преобразований; возможно ли оказать преобразующее воздействие на культуру в целях повышения экономической эффективности субъектов хозяйствования. Обосновывается важность и приоритетность социологического подхода к изучению механизмов взаимодействия культуры и экономики.

Ключевые слова: культура; культурные факторы; неэкономические факторы; сфера общества; экономика; экономическая культура.

Образец цитирования:

Гаврилик ОН. Культура имеет значение: поворот к исследованию культурных факторов экономического развития в социально-гуманитарном знании. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:49–56. EDN: VGWOZA

For citation:

Haurlyk AN. Culture matters: turn to the study of cultural factors of economic development in socio-humanitarian knowledge. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:49–56. Russian. EDN: VGWOZA

Автор:

Оксана Николаевна Гаврилик – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Aksana N. Haurlyk, PhD (sociology), docent; head of the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism. gavrilik_on@grsu.by

---

CULTURE MATTERS: TURN TO THE STUDY OF CULTURAL FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

A. N. HAURYLIK^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azhjeshka Street, Grodno 230023, Belarus*

The article provides an analytical review of modern approaches to the study of the influence of cultural factors on the economic development of society. The reasons for the actualisation of research in this direction are revealed, including activation of globalisation processes, promotion of goods and services of companies in international markets, problems of building a market economy in non-Western countries, changing ideas about the vectors of modernisation, as well as the turn to the study of cultural factors of social development in socio-humanitarian sciences. It becomes obvious that the economy is not an autonomous area, but a part of the whole – a subsystem of society, connected with other subsystems, including social and cultural ones. The key questions on which the scientific discussion is unfolding are highlighted: what non-economic factors have the greatest impact on economic processes; how cultural factors are amenable to quantitative measurement procedures, what methods should be used; whether culture is a resource for innovation, a catalyst for reforms or an obstacle to modern transformations; whether it is possible to have a transformative impact on culture in order to improve the economic efficiency of economic entities. The article substantiates the priority of the sociological approach to the study of the mechanisms of interaction between culture and economy.

Keywords: culture; cultural factors; non-economic factors; sphere of society; economy; economic culture.

Введение

Как известно, культура пронизывает все сферы общества и преломляется в социально-экономических отношениях. Изучение влияния духовных явлений на хозяйственную деятельность имеет в социологии давнюю традицию (М. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, С. Н. Булгаков). Сегодня данная проблематика обретает особую популярность. Современная наука сделала существенный шаг вперед в раскрытии механизмов взаимодействия культуры и экономики. Возрождение интереса к этой теме связано с активизацией процессов глобализации, необходимостью продвижения товаров и услуг компаний на международных рынках, сложностями построения рыночной экономики в незападных странах, а также с изменением представлений о векторах модернизации. Так, существует немало примеров успешной реализации национальных проектов модернизации, где прогрессивные инновации адаптированы к культурным традициям народа. Среди причин актуализации данной проблематики следует отметить и такую тенденцию, как поворот к изучению культурных факторов общественного развития в социально-гуманитарных науках. Становится очевидным, что экономика является не автономной областью, а подсистемой общества, связанной с другими подсистемами (в том числе с социальной и культурной). Соответственно, глубокое понимание экономиче-

ского поведения населения невозможно без учета социокультурных факторов его регуляции.

В результате парадигматических поворотов происходит «усложнение создаваемой теоретической картины исследуемого объекта» [1, с. 154]. В работах современных ученых наблюдается поворот от жесткого детерминизма экономических факторов к учету влияния социокультурной среды, в которой осуществляется хозяйственная деятельность субъектов. Можно говорить о так называемом культурном повороте, который в социологии связан с именем Дж. Александера. Культурсоциология Дж. Александера базируется на утверждении автономности культуры, т. е. на рассмотрении ее как независимой переменной, оказывающей не менее значимое влияние на социальную жизнь, чем другие факторы [2, с. 59]. Однако было бы ошибочным рассматривать культуру как главную и тем более как единственную детерминанту социального прогресса. Речь идет скорее о смещении исследовательского интереса ученых, занимающихся экономической проблематикой, в сторону изучения неэкономических факторов развития общества. По словам Д. Е. Раскова, для экономической науки «новый фронтир – культура – стал новой загадочной областью, требующей дополнительных усилий по изучению, а пока представляющей собой terra incognita» [3, с. 189].

Основная часть

Такие социокультурные явления, как традиции, ценности, убеждения, стереотипы и доверие, оказывают не всегда очевидное влияние на потребительское поведение, трудовую деятельность, денежные

отношения и иное взаимодействие деловых партнеров. Проведенное американским антропологом К. Гирцем исследование отношений продавцов и покупателей в Марокко [4] стало классическим приме-

ром, демонстрирующим укорененность культурных норм и обычаев в хозяйственной деятельности населения в условиях экономической глобализации. Журналист-международник В. Цветов в книге «Пятнадцатый камень сада Рёандзи. Мафия по-японски» приводит историю о японском работнике, который выиграл в лотерею большую сумму денег, а спустя некоторое время публично сжег лотерейный билет [5, с. 59]. А все потому, что данный индивидуальный успех был прямо противоположен так высоко ценимому в Японии коллективному успеху и совместным достижениям. Это заставило других работников отвернуться от своего товарища, который оказался в ситуации социальной изоляции, невыносимой для человека, разделяющего коллективистские ценности. Данный случай подтверждает, что не всегда экономическая выгода является доминантой поведения. Чувство долга по отношению к членам своей группы, ответное чувство расположения, поддержки и социальной солидарности продолжают оставаться важными составляющими жизнедеятельности людей в современных обществах. Именно такие латентные свойства социокультурных факторов, оказывающих воздействие на экономическую жизнь людей и на общественное развитие в целом, должны быть в центре научных интересов социологов.

Данное положение находит обоснование в работах М. Грановеттера, В. Зелизер, Д. Норта, Ш. Зукин и П. Димаджио. Убедительные доказательства укорененности экономической деятельности в социально ориентированных институтах представил М. Грановеттер [6]. Исследования В. Зелизер посвящены выявлению социокультурных особенностей монетарных отношений и раскрытию смыслового многообразия коммуникативных практик в экономической сфере [7]. Лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт сформулировал положения теории новой институциональной экономики, согласно которым экономическое развитие во многом определяется существующими институтами – формальными и неформальными правилами и ограничениями, структурирующими взаимодействия людей [8]. Помимо структурной укорененности экономических действий, Ш. Зукин и П. Димаджио выделили также политическую, когнитивную и культурную укорененность. В работе [9] ученые продемонстрировали, как культура влияет на хозяйство через идеологию, верования и убеждения.

Взаимодействие экономической и культурной сфер все чаще становится объектом внимания экономистов и социологов. В исследовании [10] Л. Гизо, П. Сапиенца и Л. Зингалес показали, как культурные предпочтения, ценности, религиозная и этническая принадлежность, а также уровень доверия в сообществе оказывают влияние на экономические практики населения. Теория модернизации, предложенная Р. Инглхартом и К. Вельцелем, обосновывает связь

культурных ценностей, социально-экономического развития и процесса демократизации [11]. Популяризации данной тематики способствовала публикация сборника статей «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу». Редактор сборника Л. Харрисон делает вывод о приоритетности не сохранения культурных традиций как таковых, а стремления общества к развитию [12, с. 295–296]. Нередко различные сферы культуры и культурный потенциал рассматриваются в качестве экономического ресурса. Так, Д. Тросби в книге «Экономика и культура» концептуализирует понятие культурного капитала, большое внимание уделяя исследованию экономической оценки культурных объектов, рассмотрению культуры как экономического запаса капитальных активов, обеспечивающего поток капитальных услуг [13]. Однако значительно реже в научных работах экономика изучается как культурный феномен.

Исследуя причины несоответствия темпов экономического роста в разных странах, экономисты Д. Аджемоглу и Д. А. Робинсон использовали институциональный подход. Авторы книги «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» защищают тезис о том, что «институты влияют на поведение и стимулы людей, от них зависит успех или крах страны» [14, с. 64]. Используя концепцию экстрактивных и инклюзивных институтов, ученые пытаются объяснить, почему трудно сделать бедные страны богатыми, как стимулы, которые экономические и политические институты создают для граждан, политиков и бизнесменов, влияют на уровень благосостояния государства [14, с. 64]. По мнению экономистов, процветание общества возможно только при наличии инклюзивных экономических институтов, которые стимулируют большие группы населения проявлять экономическую активность, предоставляют им равные возможности и защиту прав частной собственности, а также обеспечивают функционирование беспристрастной системы правосудия, свободный вход на рынок для новых компаний, свободный выбор карьеры, профессий, потребительской модели для всех граждан [14, с. 105]. В то же время всесторонний анализ условий экономического развития государства должен охватывать исторический контекст, геополитическую ситуацию, специфику распределения ценных ресурсов в регионе, а также его социокультурные особенности.

Широкое обсуждение вызвала публикация книги Ш. Бёгельсдейка и Р. Маселанда «Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности» [15], в которой представлен подробнейший экономический анализ имеющихся подходов к изучению культурных факторов. Возвращение интереса к культуре и функционированию

неформальных институтов стало важным шагом в развитии экономической науки. Сегодня существуют различные методики, позволяющие измерить влияние культурных переменных на экономическую деятельность, например методика Хофстеде, методика Шварца, методика GLOBE и др. Помогают в этом и многочисленные социологические опросы (в том числе международные), которые позволяют проводить сравнительный анализ социокультурных характеристик населения. Среди них исследования, проводимые в рамках Всемирного обзора ценностей (*World Values Survey*), Европейского обзора ценностей (*European Values Study*), Азиатского барометра (*Asian Barometer*) и Глобального опроса предпочтений (*Global Preferences Survey*). Однако, как отмечает В. С. Автономов, «...результаты квантификации культурных переменных не очень убеждают. Можно найти десятки эконометрических уравнений, которые говорят, что культурные переменные работают, и десятки, согласно которым они не работают» [3, с. 182]. Стремление перевести культурные смыслы в количественные показатели ограничивает экономический подход и вместе с тем заставляет искать новые способы научного познания многогранной социальной действительности.

Вопросы воздействия социокультурных факторов на экономическое развитие находятся в центре внимания и российских исследователей. Публикации по социокультурной экономике известны А. А. Аузан. В его работе¹, написанной в соавторстве с Е. Н. Никишиной, представлен подробный анализ факторов, влияющих на культуру (и, соответственно, на экономику), эффекта колеи, возможностей его преодоления и перехода на иную траекторию экономического развития. По мнению специалистов, государство способно оказывать целенаправленное воздействие на такие социокультурные факторы экономического развития, как законодательство, механизмы социализации и образование². Однако преодоление эффекта колеи возможно только путем одновременных преобразований в культурной, экономической и политической сферах³. Различные аспекты взаимодействия культуры и экономики отражены в публикациях таких ученых, как А. И. Бахтигараева, В. А. Брызгалин, А. В. Золотов, Е. Н. Никишина, К. Н. Панфёров, Н. А. Припузова, В. В. Радаев, Д. Е. Расков, А. А. Ставинская, Е. Г. Ясин и др. Результаты отдельных исследований по данной проблематике можно найти в издании «Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ».

Среди трудов отечественных ученых особое место занимают работы С. А. Шавеля, в которых со-

держится глубокий анализ неэкономических факторов социальных изменений: доверия, солидарности, консенсуса, социальных ожиданий, мотивации, архетипов и др. В регуляции экономического поведения населения большое значение имеют социальный капитал, образование и психологические факторы [16, с. 31–53]. Центральным звеном в системе сферного взаимодействия выступает человек: «...влияние неэкономических факторов на экономику осуществляется через человека путем изменения его стиля жизнедеятельности (этоса), мышления и ценностного сознания (ментальности)» [17, с. 14]. Отдельные представители научного сообщества обращают внимание на недостаточную разработанность именно социологического подхода к исследованию неэкономических факторов общественного развития и отсутствие целостной концепции, которая смогла бы объяснить механизмы обмена ресурсами между экономикой и другими сферами.

В работах О. В. Кобяка, Р. В. Рывкиной, Г. Н. Соколовой, Т. И. Заславской, Н. Н. Зарубиной, В. И. Верховина и других российских и белорусских социологов обосновано предметное поле экономической социологии, разработаны категориальный аппарат и методологическая база социально-экономических исследований. Вместе с тем некоторые специфические категории экономической социологии становятся объектом научного интереса представителей других областей знания. Например, в понятии «экономическая культура» наиболее явно отражается взаимодействие двух сфер – экономической и социокультурной. Вопросам изучения экономической культуры посвящено немало социологических работ, однако диссертационные исследования по данной тематике можно встретить также у философов (К. Н. Панферов, С. З. Шадрина, В. Л. Лютов, Г. Б. Наследникова, В. А. Кузнецов, Н. А. Шорохова, Е. И. Филонова, И. В. Войтов), экономистов (Л. Н. Ивашенко, А. А. Московская, А. Е. Кенжибаев, О. Ю. Янбулатова, И. В. Бернацкий, А. В. Нор, В. А. Тропникова), культурологов (Ю. А. Помпеев, А. З. Ерицпохова) и педагогов (Т. В. Филипповская, Н. К. Бушкова, Е. В. Шаманская).

Большинство экономических теорий рассматривают экономику как автономную и базисную сферу жизнедеятельности, а все остальные отношения в политической, социальной и культурной сферах как ее производные⁴. Однако подобное видение не отражает объективной реальности, в которой наблюдается переплетение многочисленных факторов общественного развития – от географических и климатических условий жизни людей, способа производства, политической организации и исто-

¹Аузан А. А., Никишина Е. Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М. : Эконом. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 200 с.

²Там же. С. 97.

³Там же. С. 141.

⁴Smelser N., Swedberg R. The handbook of economic sociology / ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princet. : Princet. Univ. Press, 2005. P. 5–6.

рического прошлого до психологических особенностей, ценностных ориентиров, социальных интересов и ожиданий. Именно социологический подход позволяет изучать сферы общественной жизни в их взаимосвязи, выявлять обусловленность экономических процессов неэкономическими факторами. Как отмечено С. А. Шавелем, «сферы не субординированы, а когерентны (сцеплены, взаимосвязаны и зависимы) друг с другом, а значит, все сферы нуждаются в ресурсном обмене для того, чтобы каждая из них успешно функционировала и развивалась, чтобы существовало все общество как целостная, устойчивая и готовая прогрессировать система» [16, с. 9]. Наукой предложено немало детерминистских концепций, которые акцентируют внимание на определяющем значении какого-либо одного фактора – географического, экономического, политического, антропологического, технологического или культурного. Вместе с тем наиболее перспективным видится многофакторный подход, который учитывает большое количество связанных и взаимодействующих причин, принципы которого последовательно развиты еще в работах российского социолога М. М. Ковалевского.

Влияние культурных факторов на социально-экономическую жизнь является постоянным и устойчивым. Они оказывают длительный эффект и изменяются в зависимости от объективных обстоятельств или через воздействие на убеждения, установки, ценностные ориентации и систему потребностей общества. Трансформация духовных оснований отражается на всех сферах жизнедеятельности человека, поэтому смена или переформатирование схем восприятия реальности имеют колоссальное значение. П. Бурдьё полагал, что по сравнению с преобразованиями институциональных структур наиболее значимыми в исторической перспективе являются изменения в габитусах.

Область смыслов воздействует на социальную жизнь не меньше других факторов, конструируя ее структуру и задавая ее нормативный порядок. Этим объясняется разграничение двух сфер – рыночной, в которой блага подлежат стоимостной оценке и обмену, и нерыночной, в которой денежный обмен считается недопустимым. Здесь может быть уместна аналогия с предложенными Э. Дюркгеймом категориями профанного и сакрального. Существует культурная граница, смещение которой сопровождается неприятием, противостоянием и социальным напряжением. Так, вовлечение в рыночные отношения объектов из других сфер, а также коммерциализация благ, связанных с человеческой жизнью, телом, чувствами и доверием, приводит к изменению социальных отношений [18, с. 57].

Современные ученые указывают на рассогласованность между сложившимися социокультурными императивами некоторых регионов и капиталистическим способом хозяйствования. А. Г. Пудов отмечает, что «в посткапиталистическую эпоху остро

актуализировалось фундаментальное противоречие, вырастающее из онтологии социокультурных и мировоззренческих особенностей государства и его регионов с принятой парадигмой социально-экономического развития» [19, с. 27]. Сегодня важны исследования связей ментальных характеристик населения со сложившимися способами хозяйствования. Например, такие отличительные черты жителей Русского Севера, как независимость, смелость и предприимчивость, объясняются отсутствием в истории этих земель крепостного права, а также масштабных разрушительных войн [20, с. 160]. Менталитет народа определяют социально-экономические обстоятельства и природные условия жизни. Традиции сохраняются, передаются из поколения в поколение и тем самым оказывают воздействие на экономическое поведение населения. Как отмечает А. И. Левко, развитие индивидуальности не приветствовалось среди жителей Белорусского Полесья в силу сложившегося образа жизни. Это отразилось на менталитете местной молодежи, которая сегодня нередко сталкивается с трудностями самоопределения и отсутствием инициативы в принятии самостоятельных решений. Противоположная ситуация выявлена в результате опроса молодых людей, проживающих на Гродненщине с ее традициями автономного (хуторского) образа жизни: самостоятельность выступает основной чертой характера населения данного региона [21, с. 15].

Чтобы избежать односторонних и категоричных заявлений, при исследовании влияния культуры на экономику очень важно сохранять разумный баланс. Некоторые авторы указывают на наличие культур, враждебных прогрессу и воспроизводящих бедность народов [22, с. 272–273], которые не способны воспринимать новое и более совершенное, поэтому обречены на отставание в развитии. Конечно, уровень жизни в странах может сильно отличаться, но всегда ли в этом виновата культура? Сложившиеся традиции хозяйственной деятельности социальной общности направлены на адаптацию к внутренним потребностям и внешним условиям, кроме того, они выполняют и иные социальные функции. Достижения в производстве, технологиях, науке, образовании, медицине и других направлениях требуют актуальных преобразований, нацеленных на обеспечение достойного качества жизни населения. В некоторых регионах введение новшеств затруднительно, однако это не является основанием для того, чтобы выделять «правильные» и «неправильные» культуры.

Важнейшим неэкономическим фактором, способным оказывать существенное влияние на транзакционные издержки, финансовое поведение акторов и взаимодействие индивидов, их групп, а также институтов, является доверие. По мнению С. А. Шавеля, доверие – это фундамент согласованности социальных ожиданий [16, с. 50]. Исследования показывают, что

особое значение для инновационного развития, успешного внедрения и позитивного восприятия новых технологий имеет институциональное доверие⁵. Формирование культуры доверия как фактора экономического развития также должно быть в центре внимания социологических исследований.

В научных публикациях отмечается, что налаживанию деловых контактов между представителями разных стран препятствуют их культурные различия. Это мнение подтверждается наличием транзакционных издержек, возникающих в том числе из-за невозможности наладить межкультурную коммуникацию. Именно поэтому одними из первых, кто обратился к изучению влияния культуры на предпринимательскую деятельность, были менеджеры, заинтересованные в интернационализации бизнес-сотрудничества. Однако наличие у стран культур-

ных особенностей не свидетельствует о несовместимости их интересов. Логика экономического развития современных обществ требует налаживания партнерских отношений и хозяйственных связей даже между теми странами, которые имеют разный культурный базис, разный исторический опыт и разную институциональную структуру. В условиях высокой конкуренции за потребителей и профессиональных сотрудников компании рассматривают межкультурную компетенцию как экономический ресурс [23, с. 39], позволяющий реализовать потенциал представителей разных культурных регионов, создать инновационный продукт, генерировать новые решения производственных задач, разработать эффективные маркетинговые стратегии в конкретных странах и успешно проводить деловые переговоры.

Заключение

При активном проведении прикладных исследований в области менеджмента, межкультурной коммуникации и организационной культуры недостаточное внимание уделяется разработке фундаментальных проблем влияния социокультурных факторов на экономическое развитие общества. Современные глобализационные процессы сопровождаются экспансией нетрадиционных экономических институтов, разрушением культурной самобытности, углублением социального неравенства, копированием чуждых элементов культуры без учета специфики исторического развития государств, что негативно сказывается на эффективности институциональных преобразований. Кроме того, экономическое поведение индивидов становится все более иррациональным, новые информационно-коммуникационные технологии, способные оказывать серьезное влияние на общественное мнение, искусственно формируют социальные потребности и установки населения. В концепциях экономического развития происходит культурный поворот, определяющий расширение научных изысканий по вопро-

сам экономической культуры, институционального доверия, культурного капитала, экономики счастья и этической экономики. Основное внимание исследователей, изучающих социокультурные императивы общественного развития, сконцентрировано на ключевых вопросах о том, какие неэкономические факторы оказывают наибольшее влияние на экономические процессы; насколько культурные факторы поддаются процедурам количественного измерения и какие методы при этом целесообразно использовать; является ли культура ресурсом для инноваций, катализатором реформ, препятствием для современных преобразований; возможно ли оказать преобразующее воздействие на культуру в целях повышения экономической эффективности субъектов хозяйствования. В связи с этим необходимо пересмотреть теорию и методологию исследования неэкономических факторов экономического развития общества с позиции социологического подхода, который позволит лучше понять социокультурные основания модернизационных процессов и выявить культурные стимулы и детерминанты социального прогресса.

Библиографические ссылки

1. Титаренко ЛГ. *Парадигмы и повороты современной социологии*. Минск: БГУ; 2018. 239 с.
2. Александер Дж. *Смыслы социальной жизни. Культуросоциология*. Ольховиков ГК, переводчик; Куракин ДЮ, редактор. Москва: Праксис; 2013. 640 с.
3. Автономов ВС, Воробьев АС, Кононенко ПБ, Расков ДЕ, Тульчинский ГВ. Культура как новый фронт в экономической науке. *Экономическая политика*. 2017;12(5):178–193. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-09.
4. Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004;7(3):153–160.
5. Цветов В. *Пятнадцатый камень сада Рёандзи. Мафия по-японски*. Минск: Беларусь; 1989. 384 с.
6. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004;7(1):76–89.
7. Зелизер В. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. Смирнов АВ, Добрякова МС, переводчики; Радаев ВВ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2004. 283 с.

⁵Аузан А. А., Никишина Е. Н. Социокультурная экономика ... С. 157.

8. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Нестеренко АН, переводчик; Мильнер БЗ, редактор. Москва: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.
9. Zukin S, DiMaggio P, editors. *Structures of capital: the social organization of the economy*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 449 p.
10. Guiso L, Sapienza P, Zingales L. Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Perspectives*. 2006;20(2): 23–48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23.
11. Инглхарт Р, Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития*. Коробочкин Н, переводчик; Кузнецов Ю, редактор. Москва: Новое издательство; 2011. 464 с.
12. Харрисон Л. Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре. В: Харрисон Л, Хантингтон С, редакторы. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу*. Москва: Московская школа политических исследований; 2002. с. 290–305.
13. Тросби Д. *Экономика и культура*. Кушнарева И, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2013. 256 с.
14. Аджемоглу Д, Робинсон ДА. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Литвинов Д, Миронов П, Санович С, переводчики. Москва: АСТ; 2016. 693 с.
15. Бёгельсдейк Ш, Маселанд Р. *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. Автономова НВ, переводчик; Автономов ВС, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2016. 464 с.
16. Шавель СА, редактор. *Неэкономические факторы устойчивого развития общества*. Минск: Беларуская навука; 2020. 362 с.
17. Шавель СА. Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:4–16.
18. Гаврилик ОН. *Деньги в системе социальных отношений*. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы; 2019. 140 с.
19. Пудов АГ. Философия северного хозяйствования: к постановке проблемы. *Философия хозяйства*. 2022;2:25–44.
20. Пермиловская АБ. Русский Север – специфический код культурной памяти. *Культура и искусство*. 2016;2: 155–163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345.
21. Левко АИ, редактор. *Беларусь в современном социально-культурном пространстве: проблемы, вызовы, перспективы*. Минск: Беларуская навука; 2023. 523 с.
22. Ивашковский СН. Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017;3:268–290. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290.
23. Безуглова НП. Культура как экономический феномен (зачем экономике нужна культура?). *Культура и образование*. 2015;2:33–44.

References

1. Titarenko LG. *Paradigmy i povoroty sovremennoi sotsiologii* [Paradigms and turns of contemporary sociology]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 239 p. Russian.
2. Aleksander J. *Smysly sotsial'noi zhizni. Kul'tursotsiologiya* [The meanings of social life. Cultural sociology]. Ol'khovikov GK, translator; Kurakin DYu, editor. Moscow: Praksis; 2013. 640 p. Russian.
3. Avtonomov VS, Vorobyev AS, Kononenko PB, Raskov DE, Tulchinskii GV. Culture as a new frontier of economics. *Ekonomicheskaja politika*. 2017;12(5):178–193. Russian. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-09.
4. Girts K. [The bazaar economy: information and search in peasant marketing]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004;7(3):153–160. Russian.
5. Tsvetov V. *Pyatnadsatyi kamen' sada Reandzi. Mafiya po-yaponski* [The fifteenth stone of Ryoanji Garden. Japanese mafia]. Minsk: Belarus'; 1989. 384 p. Russian.
6. Granovetter M. [Economic institutions as social constructs: a framework for analysis]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004;7(1):76–89. Russian.
7. Zelizer V. *Sotsial'noe znachenie deneg: den'gi na bulavki, cheki, posobiya po bednosti i drugie denezhnye edinitsy* [The social meaning of money. Pin money, paychecks, poor relief, and other currencies]. Smirnov AV, Dobryakova MS, translators; Radaev VV, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2004. 283 p. Russian.
8. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ehkonomiki* [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. Nesterenko AN, translator; Mil'ner BZ, editor. Moscow: Fond ehkonomicheskoi knigi «Nachala»; 1997. 180 p. Russian.
9. Zukin S, DiMaggio P, editors. *Structures of capital: the social organization of the economy*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 449 p.
10. Guiso L, Sapienza P, Zingales L. Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Perspectives*. 2006;20(2): 23–48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23.
11. Inglehart R, Welzel Ch. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence*. New York: Cambridge University Press; 2005. 333 p.
Russian edition: Inglehart R, Welzel Ch. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. Korobochkin N, translator; Kuznetsov Yu, editor. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. 464 p.
12. Harrison L. [Contributing to progressive cultural transformations]. In: Harrison L, Hantington S, editors. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut progressu* [Culture matters. How values contribute to progress]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy; 2002. p. 290–305. Russian.
13. Trosbi D. *Economy and culture*. New York: Cambridge University Press; 2001. 208 p.
Russian edition: Trosbi D. *Ehkonomika i kul'tura*. Kushnareva I, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2013. 256 p.

14. Adzhemoglu D, Robinson DA. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why some countries are rich and others poor. The origins of power, prosperity and poverty]. Litvinov D, Mironov P, Sanovich S, translators. Moscow: AST; 2016. 693 p. Russian.

15. Begel'sdeik Sh, Maseland R. *Kul'tura v ehkonomicheskoi nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in economic science: history, methodological considerations and areas of practical application in modern times]. Avtonomova NV, translator; Avtonomov VS, editor. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2016. 464 p. Russian.

16. Shavel' SA, editor. *Neekonomicheskie faktory ustoichivogo razvitiya obshchestva* [Non-economic factors of sustainable development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. 362 p. Russian.

17. Shavel' SA. Methodological grounds for researching the role of non-economic factors in the systemic development of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:4–16. Russian.

18. Gavrilik ON. *Den'gi v sisteme sotsial'nykh otnoshenii* [Money in the system of social relations]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2019. 140 p. Russian.

19. Pudov AG. [Philosophy of northern economic management: toward a problem statement]. *Filosofiya khozyaistva*. 2022; 2:25–44. Russian.

20. Permilovskaya AB. [The Russian North – a specific code of cultural memory]. *Kul'tura i iskusstvo*. 2016;2:155–163. Russian. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345.

21. Levko AI, editor. *Belarus in the modern socio-cultural space: problems, challenges, prospects*. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. 523 p. Russian.

22. Ivashkovskii SN. Economics as a cultural phenomenon: theoretical and methodological analysis. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017;3:268–290. Russian. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290.

23. Bezuglova NP. Culture as an economic phenomenon (why does the economy need culture?). *Kul'tura i obrazovanie*. 2015;2:33–44. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.09.2023.
Received by editorial board 26.09.2023.

УДК 316.7(476)

СОЦИАЛЬНОСТЬ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

И. П. САЛТАНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Технологии всегда способствовали глубоким изменениям в научной, общественной и других сферах жизни. Последняя технологическая революция, цифровая, не является исключением. Социокультурные отношения в цифровом пространстве включают в себя совокупность разнонаправленных тенденций, отраженных в социальности, что свидетельствует о нелинейности общественного развития. Для оценки влияния цифровой трансформации на общество анализируются социокультурные изменения. Процессы цифровизации и цифровизация процессов раскрывают эффективность воздействия технологических коммуникационных сред на социальные отношения. Поднимаются проблемы цифровой трансформации современного социального ландшафта онлайн. Роль человека в цифровой трансформации раскрывается сквозь призму культуроцентричности социальности. Технологические ресурсы, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, предлагается рассматривать не как пассивные инструменты, а как интерактивные системы.

Ключевые слова: социальность; цифровая трансформация; культура; онлайн; информационные и коммуникационные технологии.

SOCIALITY OF DIGITAL TRANSFORMATION PROCESSES

I. P. SALTANOVICH^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

Technology has always been the agent of profound change in science, society and every other sphere of life. The latest technological revolution, the digital revolution, is noexception. Sociocultural relations in digital include a set of multidirectional trends reflected in sociality, testifying to the non-linearity of social development. In the article, the analysis of sociocultural changes is used to assess the impact of digital transformation. The processes of digitalisation and digitalisation processes reveal the effectiveness of the impact of technological and communicative environments on the social relations. The question of digital transformation and changes in the modern social landscape of online. The understanding of a person in digital transformation is revealed in the culturocentricity sociality. Technological resources, changing the rules of the game, related to information and communication technologies, in sociality it is proposed to be considered not as passive tools, but as interactive systems.

Keywords: sociality; digital transformation; culture; online; information and communication technologies.

Образец цитирования:

Салтанович И.П. Социальность процессов цифровой трансформации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:57–66.
EDN: VPUHKS

For citation:

Saltanovich IP. Sociality of digital transformation processes. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023; 4:57–66. Russian.
EDN: VPUHKS

Автор:

Ирина Петровна Салтанович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры истории и социальных наук.

Author:

Iryna P. Saltanovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of history and social sciences.
saltan@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-1664-9635>

Введение

Различные технологические трансформации затрагивают все сферы человеческой деятельности. В то же время общество продуцирует социально-технологические структурные изменения. Этот двухвекторный процесс особенно важно исследовать, поскольку нынешние социальные, экономические, политические, технологические и культурные перемены порождают не только возможности, но и проблемы.

Культурные трансформации – постоянное явление в истории человечества. Сегодня использование цифровых инструментов, процессы цифровизации и цифровизация процессов способствуют ускорению культурных преобразований. По мнению М. К. Горшкова, С. Н. Комиссарова и О. И. Карпухина, за последние 50–70 лет «преимущественно стихийный по характеру своего становления, многовековой, если не многотысячелетний, процесс обновления культуры обрел вид массового символического производства на основе новых информационных технологий, которые создали беспрецедентные возможности для развития культуры» [1, с. 233].

Цивилизация приближается к культуре алгоритмов, влияющих на повседневную жизнь, поведение, обычаи, суждения и ценности человека. Несомненно, возникают вопросы о влиянии таких перемен на развитие культуры. Следует выяснить то, насколько радикальными являются эти процессы, а также то, как влияют различные культурные традиции на технологические метаморфозы.

Растущий интерес к тому, как цифровая среда трансформирует человеческую культуру, обуславливает цели статьи – понять аспекты социокультурных изменений, вызванных цифровой трансформацией, и сквозь призму социальности установить эффективность воздействия технологических коммуникационных сред на социальные отношения.

В статье используется подход (социологический, но междисциплинарный из-за общего с философией, культурологией и психологией объекта изучения), направленный на усложнение теории Флориды, представленной в работе [2]. Данный подход позволил обобщить публикации о цифровой трансформации современного социального ландшафта, включающего межличностное взаимодействие.

Развитие общей модели прогресса в инфокоммуникациях и когнитивных технологиях ведет к формированию цифровой культуры, воздействующей на различные социальные аспекты виртуального пространства и реальную сферу жизни. При этом цифровизация порождает не только позитивные, но и отрицательные эффекты, отраженные в социальности, которая обуславливает способность человека к общению и формированию социальных связей с другими людьми.

В рамках современных исследований изучаются многоуровневые отношения между природой и технологиями, а именно способы, с помощью которых природа преобразуется в коммуникационные системы, а также гибридный, почти киборгический образ жизни в больших городах. При этом специалисты отмечают, что людям приходится мыслить бинарно, и это проявляется как на физическом, так и на цифровом уровне.

Цифровые трансформации оказывают существенное влияние на социокультурный аспект жизни. С одной стороны, они создают новые возможности для коммуникации и обмена информацией, расширяют доступ к знаниям и культурному наследию, упрощают выполнение рутинных задач и повышают эффективность работы. С другой стороны, они могут приводить к изоляции и отчуждению людей (что может проявляться, например, в игровой зависимости), а также к распространению негативных явлений, таких как кибербуллинг, онлайн-экстремизм и дискриминация.

Цифровое пространство изменяет культурные ценности и образ жизни под влиянием формирующейся цифровой культуры [3], модифицирует представления о работе, отдыхе и социальных связях. Исследователи отмечают, что «распространение информационно-коммуникационных технологий расшатывает устоявшиеся рамки, стирает различия между реальностью и виртуальностью, между человеком, машиной и природой, между дефицитом информации и ее изобилием»¹ [2, р. 7]. В целом цифровые трансформации оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на социокультурную динамику.

Сегодня важно ответить на вопросы, которые связаны с процессом генерации новых моделей поведения в рамках цифровой культуры, обусловленных особенностями сетевого общества и отраженных в социальности. В отличие от других технологий (например, нанотехнологий, генной инженерии) киберпространство актуально для всех людей. Оно оказывает прямое воздействие на жизнь человека, порождает новую реальность: «...формируется новая, цифровая культура, которая играет все более значимую роль в жизни людей посредством изменения их онтологического статуса и способствует развитию у них сетевого сознания» [4, р. 18].

Концепт «социальность» используется для выявления технологически обусловленных социокультурных процессов в цифровом обществе, сопряженных с перестройкой ценностной базы техногенной культуры и техногенного типа развития общества. Понятие «социальность» охватывает такие стороны общественной жизни, как стремление людей развивать социальные связи и жить в сообществах,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. С.

качество социального общения², связь социальности и культуры. В словаре В. И. Даля термин «социальность» трактуется как общежительность, гражданственность, взаимные отношения³. Соответственно,

исследование понятия «социальность» основывается на необходимости выяснения его новых смыслов через рассмотрение изменений, вызванных цифровой трансформацией.

Технологии как информация: новые вызовы и возможности

Классифицировать цивилизации посредством конкретизации технологий и их объектов предложила Г. Арендт [5]. Л. Мамфорд полагал, что тенденция соотносить эпохи с конкретными артефактами основывается на знаниях археологии и антропологии и связывается с попыткой изучить общество через инструменты, используемые в то или иное время [6].

По мнению специалистов, «...в онлайн-мире артефакты перестали быть машинами, действующими по инструкции. Они могут менять свое состояние автономными способами, анализировать экспоненциально растущий объем данных, которые становятся все более доступными и поддающимися обработке благодаря быстро развивающимся и распространяющимся информационно-коммуникационным технологиям» [2, р. 10]. Следовательно, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) действительно влекут за собой радикальные изменения. И, пожалуй, самая существенная трансформация касается способа передачи и обработки информации.

Концептуально по используемым коммуникационным технологиям различаются и культурные эпохи. В устной культуре передача информации происходила только при прямом общении. В письменной культуре сохранялись определенные виды знаний или память о конкретном человеке, а фиксированные сообщения передавались через пространство и сохранялись для будущих поколений. Развитие средств массовой информации позволило упростить донесение новых сведений до людей.

Реконструируя эволюцию ИКТ, Л. Флорида выделяет три макропериода: предысторию, историю и гиперисторию [7]. Информационный цикл (создание информации, ее передача, обработка, управление данными и их использование) претерпел важные изменения с течением времени: в эпоху предыстории ИКТ информацию невозможно было фиксировать, с появлением письменности такая возможность возникла. Сегодня, с распространением цифровых технологий, человечество переходит на стадию гиперистории. По мнению Л. Флориды, она отличается новым подходом к пониманию современного мира

с предвидением тенденций его развития, связанного с внедрением цифровых инноваций. Креативный класс становится ключевым ресурсом экономического процветания. Общество получает новый опыт гиперсвязанной реальности.

Разница между историей и гиперисторией заключается не только в количестве и скорости транслируемой информации, но и в способах ее передачи и обработки. Так, П. Леви говорит о том, что сегодня коллективный разум формируется в процессе социального существования субъектов и имеет способность постоянно изменяться [8]. Следовательно, важнейшей особенностью современного этапа развития общества является то, что впервые в истории главенствующую роль играет внедрение когнитивных технологий в повседневность.

В настоящее время цифровая трансформация сосредоточена в основном на разработке мобильных устройств и создании сети широкодоступных персонализированных услуг. В мире насчитываются 13 млрд устройств, подключенных к интернету вещей. Их количество уже превысило численность людей на Земле⁴. Разница между этими показателями будет стремительно увеличиваться. По прогнозам, к 2030 г. количество устройств, подключенных к интернету вещей, возрастет до 29 млрд ед.⁵ Скорость распространения ИКТ в белорусском обществе также подтверждает эту тенденцию⁶.

Оценивая ИКТ с технической и инструментальной точек зрения (как процесс передачи данных), не следует забывать о том, что в качественном отношении они представляют собой социальные явления. Некоторые авторы описывают содержание ИКТ как набор информационных и культурных продуктов, рассматривая концепцию коммуникации в более широком смысле. Коммуникация относится к процессам обмена информацией, создания сообщества [9, р. 155] или поддержания единства социума на основе общих убеждений [10]. Согласно точке зрения А. Паскуали термины «коммуникация» и «информация» связаны непосредственно с взаимодействием людей, т. е. они отражают процессы социальности [9, р. 198].

²Sociality // Collins : cite URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/sociality> (date of access: 08.10.2023).

³Социальность // Википедия : сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 08.10.2023).

⁴К 2024 г. доля подключений интеллектуальных систем учета ресурсов увеличится до 37–40 % // IT-world : сайт. URL: <https://www.it-world.ru/it-news/reviews/181719.html> (дата обращения: 18.09.2023).

⁵Устройств в интернете больше, чем людей, а ИИ начал писать софт. Что будет дальше? // Хабр : сайт. URL: <https://habr.com/ru/companies/globalsign/articles/706108/> (дата обращения: 11.08.2023).

⁶Удельный вес населения, использующего интернет // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь : сайт. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=226247> (дата обращения: 04.10.2023).

Изучение феномена цифровой реальности требует переосмысления основных трансформаций человеческой жизни в цифровую эпоху. Эти преобразования впервые были сформулированы Л. Флоридой в работе [2]. В его манифесте предвидятся и рассматриваются основные изменения цифрового общества, а также вводится понятие «информационный объект». По мнению ученого, информационный объект отличается от физического объекта способами интерпретации и использования. Информационные

объекты могут быть созданы, переданы и обработаны с помощью ИКТ, что позволяет им существовать в цифровой среде, открывая новые возможности для обмена информацией и взаимодействия людей. Насколько новыми являются технологические процессы, формирующие современную динамику, по сравнению с прошлыми достижениями человечества? Какие новые черты выражаются в социальности как совокупности приобретенных человеком свойств, обеспечивающих его способность существовать в социуме?

Между культурой и технологиями

Знания всегда сохранялись и, следовательно, передавались культурными коммуникационными структурами. Доступные технологии, несомненно, были важным элементом, облегчающим процессы создания культурной памяти и обмена ей. По мнению М. Листера, без записывающих технологий (табличек, бумаги, воска, средств аналоговой, цифровой печати и т. д.) не существовало бы культур, в которых общество развивается [11].

Коммуникационные технологии могут оказать серьезное воздействие на культурные и коммуникативные модели. По этой причине технологии, связанные с ИКТ, нужно рассматривать не как пассивные инструменты, а как интерактивные системы, радикально изменяющие когнитивные способы передачи информации [12].

В определенном смысле социальность выступает формой существования культуры. Из этого следует, что общежительность, гражданственность, взаимодействие людей определяются культурными нормами, ценностями и ожиданиями. А значит, источник программирования человеческого поведения следует искать не в социальности (как форме межличностного бытия), а в культуре (как системе смыслополагания) [13, с. 247]. Примером служит культуросцентричность белорусской идентификационной модели, ядром которой является менталитет⁷.

В рамках культуры создана принципиально новая и удивительно разнообразная по своим возможностям модель информационного процесса, в котором кодировка знаний происходит не посредством генов, а с помощью знаковых систем. Эти системы становятся социальной информацией, носителем которой является не отдельный человек, а социум. В отличие от биологической информации социальная знаковая информация не исчезает со смертью человека, а образует внутри культуры специфический внегенетический механизм – социальную наследственность [14]. С этой точки зрения социальность можно рассматривать как самопрограм-

мирующуюся систему, которая направляется и обслуживается исторической культурой. Анализируя то, как люди относятся к глобальному цифровому развитию, можно понять, что в определенном смысле культура, выступающая как вторая природа человека, вышла на новый уровень и образовала интерактивное виртуальное пространство. Именно поэтому некоторые ученые склонны рассматривать культуру цифрового общества как новую грань социальности.

Понятия «цифровая культура», «интернет», «партиципативная природа интернета», «конвергенция», «искусственный интеллект» сегодня все больше актуализируются. Идея о том, что технологии влияют на различные аспекты культуры, может показаться чрезмерно упрощенной и в высшей степени детерминированной, но в ней есть рациональное зерно. Технологии не влияют на общество линейным образом, в сочетании со многими другими элементами они обеспечивают условия для создания возможного будущего [15].

В этом контексте возникает множество вопросов, которые связаны не столько с последствиями перехода к цифровому обществу, сколько с продолжением этих перемен «...и, что еще важнее, с их беспрецедентной быстротой, обусловленной радикально возросшей скоростью изменения технологической и, как следствие, социальной среды. Последний фактор чрезвычайно сужает горизонт предвидения и делает представление даже о среднесрочном будущем настолько многовариантным, что оно становится почти неопределенным»⁸.

В работе И. Г. Шестаковой отмечается, что «за чрезвычайно короткий отрезок времени (в историческом масштабе практически одномоментно) современное человечество вступило в эпоху, когда коренные изменения технологической и, как следствие, социально-экономической инфраструктуры происходят за время одной человеческой жизни многократно»⁹. Автор полагает, что способность к накоплению, анализу и передаче информации

⁷ Аналитический доклад БИСИ «Ценностный портрет современного белорусского общества» презентован в Минске // Пикабу.ру : портал. URL: https://pikabu.ru/story/analiticheskiy_doklad_bisi_tsennostnyi_portret_sovremennogo_belorussskogo_obshchestva_prezentovan_v_minske_8560194 (дата обращения: 04.10.2023).

⁸ Шестакова И. Г. Человек и социум в темпоральности цифрового мира : автореф. дис. ... д-ра фил. наук : 09.00.11. Воронеж, 2020. С. 3.

⁹ Там же. С. 12.

составляет основу человеческой природы и представляет ее наиболее чувствительную и деликатную сферу. Содержание современного этапа развития технологий «в сочетании с небывалым его темпом и создает чрезвычайное своеобразие наступившей реальности»¹⁰.

Еще Ч. Гир предполагал, что степень присутствия цифровых технологий в жизни человека указывает на существование цифровой культуры. Он говорил о том, что оцифровку можно считать маркером культуры, поскольку она включает в себя артефакты

и системы смысла и коммуникации, которые четко разграничивают аспекты современного образа жизни¹¹.

Все более сложные технологические среды начинают взаимодействовать с субъектами культурного производства. Комплекс технологий, используемых сегодня, следует рассматривать не как инструменты для преодоления определенных ограничений, а как всеобъемлющий набор программ надбиологического существования человека, которые объединяют социальность, культуру и цифровое пространство.

Новая этика: оставаться человеком

Цифровая визуализация, машинное обучение, робототехника и искусственный интеллект – инновации, развитие и внедрение которых происходит сегодня ускоренными темпами. Несомненно, в контексте новой эстетики социальности актуален вопрос о возможностях взаимодействия культурных, этических и футуристических описаний мира в рамках процессов цифровизации. Исследователей интересует прежде всего степень вмешательства технологий в изменение воображения.

Одновременно с созданием новых форм общения, выражения эмоций и творчества, получения знаний и распространения информации цифровая трансформация поднимает вопросы о ценностях, идентичностях, индивидуализме, общественном интересе, солидарности, участии, социальной справедливости и инклюзивности, что, несомненно, отражается на содержании социальности.

В работе Т. Ф. Кузнецовой [16] анализируется вопрос о ценностной составляющей в цифровизации. Цифровизация способна повысить скорость обработки и трансляции культурного наследия [16]. При этом инструменты цифровизации не являются некой константой, которая не способна к изменениям. Об этом свидетельствует тезис Н. Негропонта о том, что «информационная супермагистраль... порождает совершенно новую глобальную социальную структуру» [17, р. 183]. По мнению Т. Ф. Кузнецовой, «...цифровизацию необходимо связывать с ценностной ее составляющей не линейно, без драматизации применения цифровых технологий в будущем, но и с пониманием того, что цифровая экономика не может развиваться в пространстве, лишенном ценностей человеческой жизни, в обществе без культуры объединяемых им народов. Культурные коды, являясь важнейшим ресурсом, основой человеческого капитала, способны быть и тормозом, если новые технологии внедряются сверху и не учитывается фактор культуры» [16, с. 8].

Возникает закономерный вопрос о том, не ведет ли цифровая трансформация к изменению кода культуры. Попытки исследовать матрицу трансформации культуры обусловлены появлением новых форм зависимости (эмоциональной, социальной и моральной) человека от цифровых технологий, которые являются и драйвером изменений, и средством их реализации, что отражается в формировании культураноцентричности социальности. Определение места человека в пространстве цифровых трансформаций – один из самых главных вопросов в данной сфере.

Интерес представляют результаты исследования, проведенного организациями *Pew Research Center* и *Imagining the Internet Center*. В ходе этого исследования выяснились плюсы и минусы цифровой жизни, которая образует новое социальное пространство (табл. 1). Многие эксперты отметили ряд эффективных способов улучшения способности человека к общению и формированию социальных связей в цифровой реальности¹².

Несмотря на множество положительных аспектов цифрового развития общества, следует отметить и некоторые негативные тенденции в этой области, такие как онлайн-изоляция (зависимость от социальных сетей и других платформ, которая может привести к изоляции от реального мира и отказу от личных взаимодействий), цифровое неравенство (неодинаковый доступ к социальным возможностям и информации), онлайн-жестокость (проявление агрессии в интернет-общении, что обусловлено анонимностью онлайн-взаимодействия), потеря приватности (цифровой след), зависимость от социальных медиа.

Указанные обстоятельства вызывают ряд сложностей, связанных с вопросами ответственности, доверия и прозрачности интернет-общения, разработкой правовых и этических стандартов, определением степени свободы и творчества и т. д. В данном

¹⁰Шестакова И. Г. Человек и социум ... С. 12.

¹¹Гир Ч. Цифровая контркультура [Электронный ресурс]. URL: http://docplayer.ru/29837976-Cifrovaya-kontrkultura-charli-gir-perevod-d-galkina.html#show_full_text (дата обращения: 05.08.2021).

¹²The future of well-being in a tech-saturated world // Pew Research Center : cite. URL: www.pewresearch.org/internet/2018/04/17/the-future-of-well-being-in-a-tech-saturated-world/ (date of access: 12.08.2023).

контексте социальность представляется в качестве доминирующего формата взаимосвязи, солидарности людей, специфики «формирования и функционирования социальных структур» [18, с. 97].

В связи с этим несомненный интерес вызывают предполагаемые изменения в цифровой жизни, которые будут формировать новую социальность (табл. 2).

Таблица 1

Плюсы и минусы цифровой жизни

Table 1

Pros and cons of digital life

Плюсы	Минусы
Возможность оперативно поддерживать связь с семьей, друзьями, коллегами, получение знаний, свободный доступ к развлечениям	Развитие стресса, беспокойства, бессонницы, потеря времени, отстраненность от реальной жизни
Организация жизни с помощью цифровых инструментов, получение всеобъемлющей информации, карьерный рост	Риск привыкания к продукту, эмоционального выгорания. Опасения вызывают вопросы безопасности, наблюдения и конфиденциальности
Доступ к медицинским и иным важным ресурсам, возможность делиться этой информацией	Самореклама, нарциссизм, кликбейт, троллинг, пропаганда, принуждение к подчинению, как следствие, утрата уверенности в себе и чувства собственного достоинства
Революционизация логистики жизни и бизнес-опыта, доступ к онлайн-образованию, поиск товаров и т. д.	Поверхностное взаимодействие с информацией, необходимость участвовать во множестве информационных потоков, отсутствие условий для анализа поступающих сведений

Таблица 2

Возможные изменения в социальности в процессе цифровой трансформации

Table 2

Possible changes in sociality in the process of digital transformation

Область изменений	Содержание изменений
Цифровые системы и инструменты	Интеграция цифровых и физических систем в структуру всех видов организаций, появление персональных цифровых помощников, которые облегчат повседневную жизнь
Права человека	Повышение доступности правовых ресурсов, более эффективное общение и обучение, улучшение качества жизни благодаря цифровым инструментам
Цифровая культура	Использование инноваций при создании бизнес-моделей, местных, национальных и глобальных стандартов и правил, а также социальных норм, улучшение цифровой грамотности, возрождение и повышение авторитета надежных источников информации
Здоровье и благополучие человека	Равное внимание к потребностям всех людей, приоритет в обеспечении их здоровья, индивидуальной активности и безопасности
Социальное управление	Появление новых цифровых стандартов и правил, способствующих просоциальной цифровой деятельности и минимизирующих антиобщественную деятельность, разработка новых норм цифровой жизни

Дискуссия об обществе будущего остается открытой. Ответить на вопрос о том, будет ли это демократическое плюралистическое и инклюзивное общество знаний или коммерческое информационное общество, где вся информация является товаром, пока невозможно. Главным арбитром в таком споре, несомненно, выступают знания и культура, а также сеть социокультурных ресурсов. По утверждению

А. Н. Данилова, «преобразование базисных смыслов универсалий культуры и, соответственно, изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [19, с. 67].

Цифровизация и социальные отношения

Цифровые технологии коренным образом меняют реальность, их использование становится нормой и в положительном, и в отрицательном смысле.

Опыт работы с цифровыми технологиями смещается с виртуального плана на материальный. Это приводит к тому, что виртуальность приобретает

значение неявного аспекта материального существования.

Возможно, самая большая трансформация, вызванная цифровой революцией, – это создание гибридного измерения между онлайн- и офлайн-пространством. Цифровые технологии реонтологизировали реальность, создали гибридное онтоло-

гическое онлайн-измерение [2]. П. Леви предвосхитил появление концепции онлайн-пространства. Он отмечал, что жизнь – это не только реальность, но и возможность, действительность и виртуальность [8], которые обуславливают формирование новых граней понятия «социальность». В онлайн-обществе социальность приобретает новые формы (табл. 3).

Таблица 3

Новые формы социальности

Table 3

New forms of sociality

Форма социальности	Характеристика
Создание виртуальных сообществ	Создание онлайн-сообществ, где можно общаться, делиться информацией и поддерживать друг друга
Онлайн-активизм	Организация в интернете различных акций и кампаний, направленных на изменение общественного мнения или решение социальных проблем
Онлайн-образование	Получение образования в онлайн-формате, создание новых форм социальной активности в этой сфере
Виртуальное волонтерство	Участие в добровольческой деятельности через интернет
Онлайн-мероприятия	Появление онлайн-платформ, предназначенных для проведения различных мероприятий (конференций, фестивалей, концертов и других событий)
Виртуальная терапия и консультирование	Получение консультаций психологов и иных специалистов

Осмысление критически важных перемен в жизни общества обуславливает потребность в адекватном выражении их темпа и регулировании его в соответствии с биологической природой человека.

Способность поддерживать отношения с миром на основе определенных этических норм является одним из отличительных свойств человека. Следовательно, у него нет привилегированного места в инфосфере (из-за его способности обрабатывать информацию). Но и в онлайн-пространстве человек по-прежнему занимает центральное место, ведь он несет ответственность, которую не может никому делегировать.

Развитие ИКТ, онлайн-пространства актуализирует вопросы этики, связанные с использованием цифровых технологий: последние всегда обусловлены сферой действия и принятия решений. Г. Раддер объяснил, почему технологические артефакты по своей сути являются политическими и этическими [20]. В современной истории есть много примеров того, как цифровые технологии влияют на социальные отношения, каким образом они используются в политике и становятся объектом манипуляций.

После множества научных исследований и философских размышлений можно с полной уверенностью утверждать, что человечество овладело офлайн-миром. Но онлайн-мир – это не просто измерение, добавленное к развитию цифровых технологий, которое нужно изучать так же, как и офлайн-мир. Такие вопросы, как защита личных данных в интернете, явно порождены цифровыми технологиями.

Основой для размышлений о цифровой трансформации служат теоретические разработки о первых шагах по внедрению цифровых технологий в повседневность человека. Энтузиасты восхваляют потенциал инноваций и прогнозируют ускорение социального прогресса, в то время как скептики опасаются потери важнейших человеческих качеств из-за технологизации. Сегодня исследователи подробно изучают то, как цифровая трансформация меняет социальную жизнь, формирует гендерные различия, баланс между работой и личной жизнью, количеством и качеством времени, проводимого с семьей и друзьями, влияет на общение между представителями разных поколений, создает или устраняет социальное неравенство, воздействует на восприятие человеком времени и пространства.

По утверждению В. С. Стёпина, «...в техногенной цивилизации возникает особый тип автономии личности: человек может менять свои корпоративные связи, он жестко к ним не привязан, может и способен очень гибко строить свои отношения с людьми, включаться в разные социальные общности, а часто и в разные культурные традиции. Вся культура техногенных обществ, ориентированная на инновации и трансформацию традиций, формирует и поддерживает идеал творческой индивидуальности. Обучение, воспитание и социализация индивида в новой культурной традиции способствует формированию у него значительно более гибкого и динамичного мышления, чем у человека традиционных обществ» [21, с. 13].

Меняющиеся отношения между технологиями и обществом потенциально трансформируют социальные, политические, правовые, экономические и психологические условия жизни и поднимают вопросы о роли технологических инноваций в общественном прогрессе. Сегодня важно получить ответ на вопросы о том, позволяют ли технологические инновации экономить время, оставляют ли они свободу для социальной и культурной деятельности или выступают отвлекающими факторами, вытесняют ли они творчество и инновации и ставят ли под угрозу образование и продуктивную работу. Кроме того, необходимо выяснить, представляет ли цифровизация угрозу индивидуальной и общественной свободе или ведет к преобразованиям, инициируемым гражданами.

Без сомнения, цифровая трансформация серьезно влияет на характер отношений между людьми, а также на особенности функционирования организаций и специфику управления ими. Каким будет следующий этап цифровой трансформации? Человечество находится в начале нового этапа развития, когда оцифровка, мобилизация, расширение, дезинтермедиация и автоматизация ускоряют все процессы. Это происходит быстрее, чем когда-либо прежде (экспоненциальными темпами). Новые технологии и инновации часто синергетически сочетаются: они усиливают друг друга, резко ускоряя темп изменений. Большие данные подпитываются квантовыми вычислениями, искусственный интеллект – интернетом вещей, а робототехника – глубоким обучением. Самоуправляемые автомобили или компьютеры, которые могут учиться и думать, сегодня уже не являются научной фантастикой.

Одна из самых глубоких тревог индустриальной эпохи последних 200 лет заключалась в том, что машины навязывают стандартизированный образ жизни для всех и сделают индивидуальность делом прошлого. Ученые пришли к пониманию того, что технология не является ни слугой, ни хозяином человека, а выступает его партнером. Конечно, цифровые технологии начинают переходить от инновационной части процесса применения творчества к самому творчеству. Роль искусственного интеллекта неизбежно будет расти, задавать тренды будущего в новой социальности, формирование которой обусловлено цифровой трансформацией. Преимуще-

ства и вызовы социальности процессов цифровой трансформации отражаются в упрощении процессов коммуникации, повышении информационной доступности. Но в то же время растут риски социального исключения и неравенства. Роль государства и общества в регулировании этих процессов заключается в создании правового и этического фреймворка, образовательной экосистемы, а также в развитии платформ на основе дополненной или виртуальной реальности.

При трактовке социальности в терминах надиндивидуальных структур деятельности и общения одним из критериев оценки выступает эффективность социальных институтов, «системы исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющей типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса» [22, с. 12].

Следует заострить внимание на том, что технологический и экономический прогресс, цифровая трансформация не могут обеспечить полноту социальности. Для этого требуется культурологизация общества, а именно формирование новых субъектных структур, активность которых соответствует ее целям (ориентации на социальную и культурную политику, специальные программы, культуросберегающие, социально-обеспечительные, экологические, правозащитные, миротворческие и иные институты). Социальность культуры – это атрибут современной цивилизации, направленной на возрождение гуманизма, провозглашение живой этики, процветание мудрости, добра и др. Социальность культуры зиждется на основах, которые исследуют природу человека и социума, заложенные в них доминантные и фундаментальные смыслы, где ясно и просто выражен опыт человечества.

Сегодня важно существенно расширить предметное поле исследования проблемы развития, разработки оптимальной социально-экологической политики, которая основывается «на утверждении новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы, выбора стратегии социально-экономического развития, учитывающего потребность в сохранении окружающей среды и изменения человеческих качеств» [19, с. 69].

Заключение

На протяжении всей истории человечества происходило множество серьезных технических преобразований во всех сферах жизни общества. Оценивая информацию и коммуникации с технической и инструментальной точек зрения, не нужно забывать о том, что в качественном отношении они представляют собой социальные явления.

Сегодня определяющим направлением в процессах социальности выступает прогресс инфокоммуникаций и когнитивных технологий, которые формируют цифровую культуру.

Цифровые технологии трансформируют окружающую среду и создают новые «...онлайн-пространства. Однако то, что окружающая среда пронизана

информационными потоками и процессами, не делает ее всемогущей. Скорее это требует новых форм мышления и действий на нескольких уровнях для решения таких вопросов, как собственность, ответственность, конфиденциальность и самоопределение» [2, р. 12]. Таким образом, новая социальность раскрывает основные трансформации человеческого опыта, вызванные цифровой революцией в создании гибридного измерения между онлайн- и офлайн-пространством. Человек находится в собственном культурном микромире, который формируется в соответствии с его способностями и приоритетами. Создание микромиров активно поддерживается цифровой средой, и через антропространство, объединяющее онлайн- и офлайн-сферы, формируется новая вселенная – гиперсвязанный мир.

Ученые всегда занимались исследованием отношений между людьми и культурной средой, особое внимание уделяя влиянию технологических изменений на генерацию, хранение и передачу знаний. Современные формы взаимодействия человека и ИКТ, стирающие различия между реальностью и виртуальностью, проявляют новые черты социаль-

ности и изменяют социокультурные процессы цифрового общества. Одним из маркеров социальности выступает культуроцентричность. Так, социальное поведение и взаимодействие людей, определяемое культурными кодами, выражается в «принципиально новой информационной – следовательно, духовно-мировоззренческой, ценностно-культурной – среде» [1, с. 240], обусловленной радикально возросшей скоростью изменений. Социальность, являющаяся в определенном смысле формой существования, всегда ориентирована на культуру (в данном контексте на цифровую культуру) как на источник программирования человеческого поведения.

Признание социальности в гиперсвязанной реальности требует осознания того, как действия, восприятия, намерения, мораль и даже физическое существование связаны с технологиями в целом и с ИКТ в частности. Вместо поиска высшего трансцендентального мира за пределами этих взаимодействий развитие критического отношения к технологиям должно быть направлено на изучение того, как технологии формируют социум и личность, а общество через культуру влияет на их развитие.

Библиографические ссылки

1. Горшков МК, Комиссаров СН, Карпухин ОИ. *На переломе веков: социодинамика российской культуры*. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; 2022. 703 с. EDN: ZNLAIZ.
2. Floridi L. *The onlife manifesto: being human in a hyperconnected era*. Cham: Springer Nature; 2015. 264 p. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6.
3. Levin I, Mamlok D. Culture and society in the digital age. *Information*. 2021;12(2):68. DOI: 10.3390/info12020068.
4. Levin I. Cultural trends in a digital society. In: Horvath I, Rusak Z, editors. *Proceedings of the 10th International Symposium on Tools and Methods of Competitive Engineering TMCE; 2014 May 19–23; Budapest, Hungary*. Delft: Technische Universiteit Delft; 2014. p. 13–21.
5. Arendt H. *The human condition*. Chicago: University of Chicago Press; 1958. 350 p.
6. Mumford L. History: neglected clue to technological change. *Technology and Culture*. 1961;2(3):230–236. DOI: 10.2307/3101022.
7. Floridi L. *The fourth revolution: how the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 248 p.
8. Levy P. *L'intelligence collective. Pour une anthropologie du cyberspace*. Paris: La Découverte; 1997. 250 p.
9. Girard G, Siochru SO, editors. *Communicating in the information society*. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development; 2003. 223 p.
10. Carey JW. *Communication as culture: essays on media and society*. New York: Routledge; 1992. 248 p.
11. Lister M, Doney J, Giddins S. *New media: a critical introduction*. New York: Routledge; 2009. 446 p.
12. Dascal M. Digital culture: pragmatic and philosophical challenges. *Diogenes*. 2006;53(3):23–39. DOI: 10.1177/0392192106068999.
13. Резник ЮМ, Рогозин ВМ. Враждебна ли социальность человеку? *Личность. Культура. Общество*. 2020;22(1–2): 239–255. EDN: WAZHRI.
14. Кармин АС. *Культурология*. Санкт-Петербург: Лань; 2003. 290 с.
15. Hawk B, Rieder DM, Oviedo O, editors. *Small tech: the culture of digital tools*. New York: University of Minnesota Press; 2008. 264 p.
16. Кузнецова ТФ. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии. *Горизонты гуманитарного знания*. 2019;5:3–13. DOI: 10.17805/ggz.2019.5.1.
17. Negroponte N. *Being digital*. New York: Vintage Books; 1996. 272 p.
18. Бакланова ОА, Бакланов ИС, Ерохин АМ. Методологические конструкты исследования социальности современного общества. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016;8(3–1):95–100. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-95-100.
19. Данилов АН. Программирующая роль культуры в теории социальной эволюции. *Социологические исследования*. 2023;2:63–71. DOI: 10.31857/S013216250022081-2.
20. Radder H. Science, technology and the science-technology relationship. *Philosophy of Technology and Engineering Sciences*. 2009;9:65–92.
21. Степин ВС. Стратегии цивилизационного развития и проблемы ценностей. *Россия и современный мир*. 2003;1: 5–18. EDN: ВJIPMJ.
22. Адуло ТИ. Уяснение сущности социальности – ключ к пониманию глобальных проблем современности. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2019;4:12–43.

References

1. Gorshkov MK, Komissarov SN, Karpukhin OI. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiiskoi kul'tury* [On the turn of the century: sociodynamics of Russian culture]. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2022. 703 p. Russian. EDN: ZNLAIZ.
2. Floridi L. *The onlife manifesto: being human in a hyperconnected era*. Cham: Springer Nature; 2015. 264 p. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6.
3. Levin I, Mamlok D. Culture and society in the digital age. *Information*. 2021;12(2):68. DOI: 10.3390/info12020068.
4. Levin I. Cultural trends in a digital society. In: Horvath I, Rusak Z, editors. *Proceedings of the 10th International Symposium on Tools and Methods of Competitive Engineering TMCE; 2014 May 19–23; Budapest, Hungary*. Delft: Technische Universiteit Delft; 2014. p. 13–21.
5. Arendt H. *The human condition*. Chicago: University of Chicago Press; 1958. 350 p.
6. Mumford L. History: neglected clue to technological change. *Technology and Culture*. 1961;2(3):230–236. DOI: 10.2307/3101022.
7. Floridi L. *The fourth revolution: how the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 248 p.
8. Levy P. *L'intelligence collective. Pour une anthropologie du cyberspace*. Paris: La Découverte; 1997. 250 p.
9. Girard G, Siochru SO, editors. *Communicating in the information society*. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development; 2003. 223 p.
10. Carey JW. *Communication as culture: essays on media and society*. New York: Routledge; 1992. 248 p.
11. Lister M, Doney J, Giddins S. *New media: a critical introduction*. New York: Routledge; 2009. 446 p.
12. Dascal M. Digital culture: pragmatic and philosophical challenges. *Diogenes*. 2006;53(3):23–39. DOI: 10.1177/0392192106068999.
13. Reznik YuM, Rogozin VM. [Is sociality hostile to man?]. *Person. Culture. Society*. 2020;22(1–2):239–255. Russian. DOI: 10.30936/1606_951X_2020_22_1/2_239_255.
14. Karmin AS. *Kul'turologiya* [Cultural studies]. Saint Petersburg: Lan'; 2003. 290 p. Russian.
15. Hawk B, Rieder DM, Oviedo O, editors. *Small tech: the culture of digital tools*. New York: University of Minnesota Press; 2008. 264 p.
16. Kuznetsova TF. Digitalization as a cultural value and digital technologies. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*. Russian. 2019;5:3–13. Russian. DOI: 10.17805/ggz.2019.5.1.
17. Negroponte N. *Being digital*. New York: Vintage Books; 1996. 272 p.
18. Baklanova OA, Baklanov IS, Erokhin AM. Methodological researching constructs of contemporary society sociality. *Historical and Social Educational Idea*. 2016;8(3–1):95–100. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-95-100.
19. Danilov AN. The programming role of culture in the theory of social evolution. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;2:63–71. Russian. DOI: 10.31857/S013216250022081-2.
20. Radder H. Science, technology and the science-technology relationship. *Philosophy of Technology and Engineering Sciences*. 2009;9:65–92.
21. Stepin VS. Strategies of civilization development and the problem of values. *Russia and the Contemporary World*. 2003;1:5–18. Russian. EDN: BJIPMJ.
22. Adulo TI. Clarification of the essence of sociality is the key to understanding the global problems of modernity. *Philosophy and Humanities in the Information Society*. 2019;4:12–43. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.11.2023.
Received by editorial board 02.11.2023.

УДК 374

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ

А. В. ЗОЛОТАРЕВА¹⁾

¹⁾Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
ул. Республиканская, 108, корп. 1, 150000, г. Ярославль, Россия

Исследуются основные задачи системы дополнительного образования детей в России: повышение мотивации учащихся к познанию и творчеству, оказание помощи в освоении школьной программы обучения, предоставление возможностей для разностороннего развития, самоопределения и самореализации. Описываются методологические принципы построения системы дополнительного образования детей в России, а именно принципы дополнительности, доступности, личностной детерминации, индивидуализации, преемственности, непрерывности, диверсификации, активности, самостоятельности и др. Перечисляются основные подходы к организации системы дополнительного образования детей, в частности личностно ориентированный, системно-деятельностный, социокультурный, антропоцентрический, интегративно-вариативный, полисферный и др. Приводится модель системы дополнительного образования детей в России, показываются ее основные элементы. Отмечается, что данная модель позволяет изучить социальный заказ в области дополнительного образования детей, определить его цели, задачи и элементы содержания, создать условия для осуществления педагогической деятельности, обеспечить мониторинг результатов внешкольного обучения. Фиксируются основные тенденции в развитии указанной сферы.

Ключевые слова: система образования; дополнительное образование детей; методологические основы; принципы образования; подходы к образованию; модели организации системы дополнительного образования детей.

Образец цитирования:

Золотарева АВ. Методологические основы построения системы дополнительного образования детей в России. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:67–74.
EDN: UIAKJI

For citation:

Zolotareva AV. Methodological foundations of building a system of additional education for children in Russia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:67–74. Russian.
EDN: UIAKJI

Автор:

Ангелина Викторовна Золотарева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры педагогических технологий факультета социального управления.

Author:

Angelina V. Zolotareva, doctor of science (pedagogy), full professor; professor at the department of pedagogical technologies, faculty of social management.
ang_gold@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7096-1005>

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF BUILDING A SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION FOR CHILDREN IN RUSSIA

A. V. ZOLOTAREVA^a

^aYaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
108 Respublikanskaya Street, 1 building, Yaroslavl 150000, Russia

The methodological principles of building a system of additional education for children in Russia are described, namely the principles of complementarity, accessibility, personal determination, individualisation, continuity diversification, activity, self-activity, etc. The main approaches to the organisation of the system of additional education for children are listed, in particular, personality-oriented, system-activity, socio-cultural, anthropocentric, integrative-variable, polyspheric, etc. The model of the system of additional education for children in Russia is given, its main elements are shown. It is noted that this model allows us to study the social order in the field of additional education for children, determine its goals, objectives and content elements, create conditions for the implementation of pedagogical activities, and monitor the results of extracurricular education. The main trends in the development of this area are recorded.

Keywords: education system; additional education for children; methodological foundations; principles of education; approaches to education; models of organising of the system of additional education for children.

Введение

В России система дополнительного образования детей (ДОД) была создана в начале 1990-х гг. на основе системы советских внешкольных учреждений. На рубеже XX–XXI вв. реформирование российской системы образования заключалось в активном развитии ее потенциала в целях обеспечения нового качества обучения.

В последние годы функционирование системы ДОД находится в центре внимания государственной образовательной политики. Правовые аспекты ее реализации нашли отражение в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», Концепции развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2030 г., федеральных проектах «Доступное дополнительное образование», «Успех каждого ребенка», «Современная школа», «Учитель будущего» и т. д.

В рамках настоящего исследования система ДОД рассматривается в трех аспектах: 1) как структурная единица общего среднего образования, способствующая повышению мотивации учащихся к познанию нового; 2) как специфическая среда, необходимая для творческого развития, самореализации и самоопределения учащихся; 3) как открытое образовательное

пространство, обеспечивающее психолого-педагогическую поддержку и социальную защиту учащихся в современных социально-экономических условиях¹.

Сегодня ДОД представляет собой процесс, объединяющий воспитание, обучение и развитие личности за счет освоения деятельности или области знаний, выходящих за рамки обязательного образования [1]. Это мотивированное обучение, позволяющее ребенку реализовать себя, самоопределиться лично, предметно, социально и даже профессионально². Программы ДОД реализуются в общеобразовательных школах, дошкольных учреждениях, учреждениях профессионального образования, культуры, спорта, молодежной работы, а также в частных организациях. По мнению В. П. Голованова, к настоящему времени система ДОД обрела новые черты – гибкость, интегративность, вариативность, полисферность – и нарастила свой социально-педагогический потенциал [2].

Несмотря на то что совершенствование системы ДОД активно осуществляется на практике, методологические основы ее построения недостаточно разработаны. В связи с этим целью настоящего исследования является выделение ведущих принципов построения системы ДОД, а также подходов к ее организации.

Материалы и методы исследования

Основными методами работы стали теоретический, сравнительно-исторический и эмпирический анализ. Теоретический анализ научных публикаций позволил обобщить и систематизировать сведения,

посвященные проблематике ДОД. Сравнительно-исторический анализ дал возможность выделить причинно-следственные связи организации разных уровней системы ДОД и сравнить их ключевые

¹Березина В. А. Дополнительное образование детей в России : учеб.-метод. пособие. М. : АНО «Диалог культур», 2007. 511 с.

²Голованов В. П. Педагогика дополнительного образования детей : учеб. пособие. Йошкар-Ола : ГОУ ДПО (ПК) «Марийский институт образования», 2006. 500 с.

признаки. Эмпирический анализ позволил выявить тенденции развития системы ДОД России.

Тема построения системы ДОД разрабатывалась в начале XXI в. российскими учеными в следующих аспектах: организация дополнительного образования детей в системе российского образования (В. А. Березина, З. А. Каргина, Л. Г. Логинова и др.); полисферный подход к ДОД (В. П. Голованов); лично-ориентированный подход к ДОД (В. А. Горский, А. Я. Журкина, Л. Ю. Ляшко и др.); системно-деятельностный подход к ДОД (А. В. Егорова,

О. В. Гончарова и др.); интеграция общего и дополнительного образования (А. В. Золотарева, Т. Н. Гущина, С. Л. Паладьев); модели развития ДОД в общеобразовательной школе (Е. Б. Евладова); концепции социального воспитания средствами дополнительного образования (А. В. Золотарева, С. В. Кульневич, Б. В. Куприянов, Н. А. Соколова, М. И. Рожков, А. Б. Фомина и др.); проведение разносторонних исследований и анализа современного состояния и тенденций развития ДОД (С. Г. Косарецкий, М. Е. Гошин, А. А. Беликов и др.).

Результаты и их обсуждение

Любая научная система, теория, политика или концепция всегда построены на основе определенных принципов. Н. Ф. Родионова выделяет такие принципы функционирования системы ДОД, как гуманизация, демократизация, жизнесообразность, культуросообразность, природосообразность, социосообразность, дифференциация и диверсификация [3]. Л. Г. Логинова считает, что развитие ДОД опирается на два основных принципа – приверженность традициям внешкольного образования и эволюционность преобразований³. По мнению Е. Б. Евладовой, принципами работы учреждений ДОД являются общедоступность занятий, добровольный выбор детей, развитие их инициативы и самостоятельности, общественно-полезная направленность деятельности и др. В свою очередь, Н. А. Соколова выделяет две группы принципов развития системы ДОД: стратегические принципы, определяющие содержание деятельности (демократизация, свободосообразие, гуманность, субъектность, самоактуализация и самореализация), и тактические принципы, определяющие способы достижения цели (сотрудничество, вариативность, выбор, продуктивность, обратная связь, гибкость, фасилитация)⁴.

Автор настоящей работы выделяет следующие принципы функционирования современной системы ДОД:

- принцип дополненности. Еще на рубеже XIX–XX вв. в методологию внешкольного образования была введена категория дополненности как характеристика неформального образования, основанного на свободе выбора, творчестве и энтузиазме. Сегодня дополненность в системе ДОД рассматривается как механизм обеспечения целостности образования и формирования личности обучающегося. В соответствии с этим принципом ДОД использует потенциал школьного образования за счет углубления и расширения базовых знаний, что способствует творческому развитию ребенка. В дан-

ном контексте уместно построение индивидуальных образовательных моделей;

- принцип доступности. Стратегической целью государственной политики России в области образования является повышение его доступности. Пока не все дети в стране имеют равные условия для получения дополнительного образования. Такой возможности лишены в первую очередь дети с ограниченными возможностями здоровья, дети, находящиеся в неблагоприятных социальных условиях, а также дети, проживающие в сельской местности. Исследования показывают, что для повышения доступности программ ДОД необходимо создать соответствующие организационные, информационные, территориальные, финансовые, академические и педагогические условия [4];

- принцип неформального образования. Под термином «неформальное образование» подразумевается целенаправленная досуговая деятельность ребенка в свободное от школьных занятий время [5]. В рамках такого обучения дети получают возможность развивать свои навыки в различных видах творческой деятельности. Основным признаком неформального образования выступает отсутствие стандартных требований к организации и результативности учебного процесса. Система ДОД в России ориентирована не только на усвоение детьми определенных знаний, но и на изменение психологических установок в их поведении. Неформальный образовательный процесс мотивирует его участников к обучению, свободному общению и построению субъект-субъектных отношений, основанных на уважении личности ребенка, заботе о его здоровье и жизни;

- принцип личностной детерминации. Существенным признаком дополнительного образования является свободный выбор ребенка. В связи с этим в рамках системы ДОД должны быть созданы условия для того, чтобы все участники образовательного процесса обладали свободой выбора: чтобы дети могли

³Логинова Л. Г. Развитие системы управления качеством дополнительного образования детей в современных условиях России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. М. : ИОО МО РФ, 2004. 41 с.

⁴Соколова Н. А. Педагогика дополнительного образования детей : учеб. пособие для студ. пед. вузов. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. 224 с.

участвовать в разных видах деятельности и разных формах взаимодействия, ставить разные цели личностного развития и прибегать к разным способам их достижения; чтобы педагоги могли создавать и реализовывать собственные модели образовательного процесса; чтобы родители могли иметь разные варианты участия в деятельности образовательных учреждений. Таким образом, принцип личностной детерминации предполагает обучение на основе целевого выбора;

- принцип индивидуализации. В педагогической деятельности данный принцип подразумевает создание условий для свободной реализации природных способностей ребенка, организации индивидуальной траектории его развития, активного участия педагога в саморазвитии и самоопределении учащегося, а также в формировании его личного опыта социальной деятельности. В соответствии с данным принципом система ДОД формулирует две ключевые цели: педагог должен создать условия для становления и проявления индивидуальности ребенка; ребенок должен самостоятельно построить свой образовательный маршрут;

- принцип преемственности и непрерывности образования. Дополнительные образовательные программы не могут повторять программы дошкольного, общего среднего и профессионального образования, но при этом они должны обеспечивать преемственность и непрерывность образования ребенка посредством интегрированных образовательных программ, программ профессиональной ориентации, программ самоопределения и т. д. В соответствии с данным принципом структура образовательного процесса имеет два измерения: вертикальное (последовательное образовательное воздействие на личность в течение всей ее жизни) и горизонтальное (совокупность образовательных воздействий на личность на определенном отрезке ее жизни);

- принцип диверсификации. Диверсификация является одним из способов создания комплекса образовательных траекторий. В учреждениях ДОД могут обучаться дети любого возраста с любыми способностями. Разнообразие видов дополнительных образовательных программ, а также форм образовательных объединений обеспечивает условия для передачи молодому поколению накопленных человечеством культурных ценностей;

- принцип активности и самодеятельности. Система ДОД предоставляет учащемуся возможности для самостоятельного развития его способностей [6]. Обучение будет эффективным только в том случае, если ребенок проявит активность во взаимодействии с окружающей средой, а также в построении индивидуальной модели образования;

- принцип ориентированности на программу дополнительного образования. В системе ДОД каждый педагог разрабатывает собственную образователь-

ную программу на основе гибкого сочетания разных форм и технологий обучения, удовлетворяя потребности обучающихся и выполняя государственный заказ.

Под категорией «подход» подразумевается совокупность способов воздействия на кого-нибудь или комплекс приемов в изучении чего-нибудь⁵. Можно выявить следующие основные подходы к организации ДОД:

- лично ориентированный подход (Е. В. Бондаревская, И. Я. Зимняя, В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.). Данный подход предполагает продуктивное развитие личности ребенка. Указанная задача является приоритетной задачей дополнительного образования. При таком подходе обучение носит проблемно-направленный, творческий характер и позволяет применять полученные знания в практической деятельности. В данном случае речь идет о формировании особого образовательного пространства;

- системно-деятельностный подход (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, П. Я. Гальперин и др.). Посредством активной деятельности ребенка обеспечивается его взаимодействие с окружающим миром. Совместная деятельность педагога и ребенка позволяет достичь позитивных результатов. Система ДОД характеризуется многообразием видов и форм творческой активности;

- социокультурный подход (М. Вебер, П. Сорокин, Н. Ф. Родионова, Н. И. Фуникова и др.) [7]. Сущность данного методологического подхода состоит в рассмотрении ДОД как процесса трансляции культурных и социальных достижений человека. Изучение ценностей различных социальных групп в рамках дополнительных общеобразовательных программ повышает эрудированность ребенка и расширяет его кругозор. Социокультурный подход реализуется посредством формирования социального заказа на ДОД;

- антропоцентрический подход (В. В. Абрахова, М. И. Болотова, В. П. Голованов, Л. Г. Логинова, О. Г. Тавстуха, А. Б. Фомина и др.). Функционирование системы ДОД основывается на создании условий для самовыражения ребенка, раскрытия его индивидуального и уникального я – его самости. Согласно антропоцентрическому подходу учить и воспитывать нужно всех, но по-разному. Так, основной тезис антропоцентризма состоит в том, что все люди разные, но все потенциально наделены талантом (причем каждый человек обладает своим, особенным талантом);

- интегративно-вариативный подход (А. В. Золотарева) [8]. Система ДОД строится на основе выбора способов интеграции элементов обучения в целях определения оптимального пути реализации образовательных задач с учетом соблюдения прав детей, их родителей и педагогов;

⁵Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. 135 с.

- полисферный подход в образовании (В. П. Голованов) [9]. В соответствии с этим подходом ДОД рассматривается как совокупность взаимопроникающих и взаимодействующих сфер. В данном контексте уместно сказать о региональной образовательной интеграции, которая обеспечивается посредством формирования образовательного сообщества из числа представителей социальных институтов, заинтересованных в региональном развитии ДОД на поликультурной основе.

Выявление указанных принципов и подходов позволяет построить модель ДОД, отвечающую современным государственным, общественным и личностным требованиям.

Под термином «модель» подразумевается теоретическая конструкция, отражающая существенные черты (свойства, признаки, характеристики) исследуемого объекта (процесса), а также графическое, схематичное или описательное отражение сложных объектов⁶. Модель ДОД представляет собой систему взаимосвязанных элементов – целей, содержания, форм организации, результатов и способов их оценки (мониторинга). При этом каждый из элементов имеет свои свойства, отражающие особенности построения всей системы ДОД.

Построение системы ДОД должно осуществляться на основе изучения социального заказа, который представляет собой практически осознанную и сформулированную с учетом государственной политики объективную необходимость в дополнительном обучении детей. В сфере ДОД социальный заказ имеет особое значение, так как именно он определяет содержание дополнительных занятий и выступает главным критерием оценки качества их результатов. Социальный заказ отражает потребности общественных (государственных и частных) институтов, с одной стороны, и личностные потребности детей и их родителей, с другой [10].

Реализация возможностей ДОД зависит от постановки целей данного формата обучения. По мнению М. М. Поташника, цель образования должна быть сформулирована с указанием предельно конкретных (качественных и количественных) результатов, которых учащийся должен достичь к определенному моменту времени⁷.

Определение целей ДОД обусловлено социальным заказом на дополнительное обучение школьников, а также возможностями конкретной организации обеспечивать дополнительное образование. Современная система ДОД реализует комплекс целей. Помимо ключевых целей (обучение, воспитание и развитие ребенка), ДОД может иметь также инвариантные цели, которые зависят от актуальных

задач государственной образовательной политики, и вариативные цели, которые обусловлены индивидуальными потребностями и возможностями каждого обучающегося. Рациональное целеполагание в этом вопросе включает не только обоснование и выдвижение конкретных задач, но и определение путей их достижения, а также проектирование ожидаемого результата.

Содержание ДОД должно отвечать следующим требованиям: удовлетворять социальный заказ детей, родителей и педагогов; предоставлять широкое разнообразие направлений творческой деятельности (художественная, техническая, спортивная, естественно-научная, туристско-краеведческая, социально-гуманитарная и др.) и ее содержательных аспектов (теоретический, прикладной, изобретательский, исследовательский, опытнический и др.); обеспечивать формирование практических навыков и профессиональной ориентации; оказывать помощь в освоении основной общеобразовательной программы; обладать комплексным потенциалом. Формирование содержания ДОД обусловлено образовательными и социально-педагогическими функциями системы.

Содержание дополнительных программ обучения обуславливает создание соответствующих образовательных пространств, среди которых можно выделить следующие виды:

- предметное пространство для освоения содержания конкретных областей знания в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом Российской Федерации и спецификой дополнительной общеобразовательной программы. Предметное пространство должно не только обеспечивать доступ детей к соответствующей информации, но и предлагать им конкретные практики для закрепления основ определенных видов деятельности;

- избыточное образовательное пространство, которое содержит сведения, важные для обучения и воспитания разных целевых групп детей, обеспечивает преемственность освоения предметных областей общего образования (математика, история, русский язык, география и др.), а также компенсацию содержательных и технологических дефицитов основных образовательных программ;

- информационное пространство, которое предоставляет ознакомительную информацию об услугах учреждений ДОД, мероприятиях, площадках для обсуждения образовательных и социальных проблем, а также о функционировании образовательных сайтов и издании специализированной литературы для одаренных детей, их родителей и педагогов;

⁶Педагогический словарь : учеб. пособие / под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М. : Изд. центр «Академия», 2008. 352 с.

⁷Управление качеством образования : практико-ориентир. моногр. и метод. пособие / под ред. М. М. Поташника. М. : Пед. о-во России, 2000. 448 с.

- адаптивное пространство, которое обеспечивает детей возможностями ориентации в социокультурном пространстве с учетом их интересов и образовательных потребностей и предоставляет соответствующую информацию (это могут быть сведения о политических, правовых, психолого-педагогических, экономических и других социально-защитных мерах, способах организации здорового образа жизни и оздоровления детей, приобретения опыта практической, творческой, исследовательской, общественной и новаторской деятельности, решения проблем в процессе социального взаимодействия; общение со сверстниками; участие в неформальных мероприятиях и структурах на основе общего интереса и др.);

- неформальное образовательное пространство, которое предполагает расширение возможностей использования педагогического потенциала культурных и спортивных учреждений (посещение музеев, библиотек, виртуальных читальных залов, филармоний, театров, спортивных центров и секций, участие в общественных медийных проектах, детский образовательный туризм, инклюзивное образование, ролевые игры, историческая реконструкция, групповые занятия физической культурой и спортом) [11].

Рассматриваемая модель ДОД характеризуется рядом особенностей:

- ребенок имеет свободу в выборе вида деятельности, педагога и обучающей программы, а также возможность изменить свой выбор;

- основной формой организации образовательного процесса является не урок, а творческое учебное занятие;

- в рамках обучения применяются наиболее современные педагогические и образовательные технологии;

- структурной единицей организации дополнительного образования является не класс, а образовательное объединение (кружок, клуб, студия, школа, секция, мастерская и др.);

- численный состав образовательного объединения определяется в соответствии с психолого-педагогической целесообразностью конкретного вида деятельности;

- расписание занятий составляется с учетом интересов и возможностей детей;

- продолжительность занятий устанавливается на основании образовательных задач, психофизической целесообразности и санитарно-гигиенических норм;

- при необходимости может быть организована индивидуальная работа с детьми (как в форме отдельных занятий, так и в форме индивидуального образовательного маршрута);

Важное значение в функционировании системы ДОД имеет мониторинг результатов образовательного процесса. В последние годы такой мониторинг

представляет собой комплексную оценку образовательных и социально-педагогических показателей. В частности, оцениваются предметные результаты (по профилю учреждений ДОД), метапредметные результаты (информационные, коммуникативные, познавательные, регулятивные и др.), личностные результаты (ответственность, трудолюбие, гражданственность, духовность, нравственность и др.). Все большую актуальность приобретает формирование функциональной (читательской, математической, экономической, естественно-научной, социальной) грамотности обучающихся, их способности вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться к новым условиям.

Для построения системы ДОД особое значение имеет показатель качества образования. Он отражает специфику содержания образовательного процесса, форм и методов его организации и т. д. Позитивные результаты образовательного процесса будут достигнуты лишь в том случае, если его цели будут соответствовать социальному заказу, содержание – целям, а форма обучения – содержанию. При этом в рамках программы дополнительного образования должны быть созданы приемлемые условия (методические, материально-технические, психологические и др.). Отслеживание результативности программ ДОД не имеет смысла, если не соотносить ее с целями обучения и запросами потребителей дополнительных образовательных услуг.

Педагогический мониторинг представляет собой процесс непрерывного научно обоснованного, диагностико-прогностического отслеживания состояния и развития педагогического процесса для определения образовательных целей и задач и оптимального выбора средств их решения. В рамках мониторинга результатов ДОД используются такие методологические категории, как предмет мониторинга (динамика образовательных результатов и личностный рост учащегося), цель мониторинга (изучение результативности освоения учащимися программ ДОД), система критериев (соответствие достигнутых результатов установленным целям образовательной деятельности, соответствие процесса реализации программы ДОД объективным требованиям к ее содержанию, организации и результатам), система показателей (количественные и качественные данные, подтверждающие достижение определенных результатов), технологии мониторинговой деятельности (тестирование, наблюдение, конспектирование, фото- и видеофиксация, заполнение журналов отчета, книг достижений и т. д.).

Таким образом, к выбору методологических оснований построения ДОД требуется системный подход. Применение данного подхода в начале XXI в. позволило достичь ряда позитивных изменений в области внешкольного образования детей. Согласно статистике охват учащихся программами ДОД

в России неуклонно растет. Так, если в 2011 г. лишь 49,1 % детей в возрасте 5–17 лет посещали учреждения ДОД, то в 2021 г. этот показатель составил 75,6 % детей, что свидетельствует о повышении качества

дополнительного обучения школьников. При этом сравнение данных за 2013 и 2021 гг. показывает значительную динамику охвата учащихся программами ДОД разного профиля (см. таблицу).

**Динамика охвата учащихся программами ДОД
в 2013–2021 гг. в зависимости от профиля, %**

**Dynamics of student enrollment in DOD programmes
in 2013–2021, depending on the profile, %**

Профиль учреждений ДОД	Год	
	2013	2021
Художественный	42,0	28,2
Технический	7,0	11,8
Естественно-научный	3,0	11,7
Социально-гуманитарный	15,0	23,8
Туристско-краеведческий	4,0	3,9
Физкультурно-спортивный	29,0	20,6

Примечание. Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики и Министерства просвещения Российской Федерации.

В последние годы среди детей особенно популярными стали программы ДОД технического и естественно-научного профиля. Это обусловлено техническим и технологическим развитием России, открытием в системе образования кванториумов, IT-клубов и т. д. Повышение спроса на программы социально-гуманитарного профиля объясняется тем, что сегодня большое внимание уделя-

ется формированию гражданских, нравственных и духовных качеств подрастающего поколения, их коммуникативных и лидерских компетенций. К сожалению, снижается популярность программ туристско-краеведческого и физкультурно-спортивного профиля, что негативно может сказаться на физическом и гражданско-патриотическом развитии детей.

Заключение

В рамках настоящего исследования система ДОД рассмотрена в трех аспектах: 1) как структурная единица общего среднего образования, способствующая повышению мотивации учащихся к познанию нового; 2) как специфическая среда, необходимая для творческого развития, самореализации и самоопределения учащихся; 3) как открытое образовательное пространство, обеспечивающее психолого-педагогическую поддержку и социальную защиту учащихся в современных социально-экономических условиях.

Сегодня в развитии российской системы ДОД наблюдается ряд тенденций:

- активное сетевое взаимодействие общего и дополнительного образования;
- использование потенциала неформального и информального образования;
- реализация индивидуальных образовательных маршрутов;

- создание инклюзивной и личностно развивающей образовательной среды;
- цифровизация;
- освоение потенциала электронного обучения;
- раннее профессиональное самоопределение обучающихся (в том числе ориентация на педагогические профессии).

Указанные тенденции позволяют сделать вывод о том, что реализация принципов дополнительности, неформализации, личностной детерминации, индивидуализации, диверсификации и доступности дополнительного образования в сочетании с личностно ориентированным, системно-деятельностным, интегративно-вариативным и полисферным подходами к осуществлению педагогической деятельности обеспечивают совершенствование системы ДОД, которая выступает полноценной структурной единицей системы образования России.

Библиографические ссылки

1. Морозова НА. *Дополнительное образование – многоуровневая система в непрерывном образовании России*. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; 2001. 227 с.
2. Голованов ВП. *Становление и развитие региональной системы дополнительного образования детей в социокультурных условиях*. Горячев ЮА, редактор. Москва: Школьная книга; 2001. 220 с.

3. Усыскин ГС, составитель. *Принципы обновления программного обеспечения в учреждениях дополнительного образования: тезисы и материалы Всероссийской научно-практической конференции; 20–24 марта 1995 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных; 1995. 163 с.
4. Золотарева АВ, Байбородова ЛВ, Винокурова ЕА и др. *Концепция и модели повышения доступности дополнительных общеобразовательных программ*. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского; 2018. 483 с.
5. Кларийс Р, редактор. *Досуг. Неформальное образование. Обзор внешкольного образования в Европе*. Прага: EAICY; 2008. 410 с.
6. Потапова ЕН. Современные принципы дополнительного образования и их теоретическое обоснование. *Молодой ученый*. 2014;17:532–535.
7. Лапин НИ. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры. *Социологические исследования*. 2000;7:3–12.
8. Золотарева АВ. *Интегративно-вариативный подход к управлению учреждением дополнительного образования детей*. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского; 2006. 339 с.
9. Голованов ВП. *Развитие полисферности дополнительного образования детей*. Йошкар-Ола: Марийский государственный педагогический институт имени Н. К. Крупской; 2006. 339 с.
10. Золотарева АВ, Суханова ЮВ. *Социальный заказ на дополнительное образование детей*. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского; 2012. 105 с.
11. Золотарева АВ. Реализация принципа неформализации образования. В: Груздев МВ, Лобода ИВ, редакторы. *Евразийский образовательный диалог: материалы международного форума; 17–19 апреля 2013 г.; Ярославль, Россия*. Ярославль: ГАОУ ЯО ИРО; 2014. с. 34–37.

References

1. Morozova NA. *Dopolnite'noe obrazovanie – mnogourovnevaya sistema v nepreryvnom obrazovanii Rossii* [Additional education – a multi-level system in continuing education in Russia]. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov; 2001. 227 p. Russian.
2. Golovanov VP. *Stanovlenie i razvitie regional'noi sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya detei v sotsiokul'turnykh usloviyakh* [Formation and development of the regional system of additional education for children in socio-cultural conditions]. Goryachev YuA, editor. Moscow: Shkol'naya kniga; 2001. 220 p. Russian.
3. Usyskin GS, sostavitel'. *Printsipy obnoveniya programmnoho obespecheniya v uchrezhdeniyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya: tezisy i materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20–24 marta 1995 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Principles of software update in institutions of additional education: abstracts and materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference; 1995 March 20–24; Saint Petersburg, Russia]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gorodskoi dvorets tvorchestva yunyykh; 1995. 163 p. Russian.
4. Zolotareva AV, Baiborodova LV, Vinokurova EA, et. al. *Kontseptsiya i modeli povysheniya dostupnosti dopolnitel'nykh obshcheobrazovatel'nykh programm* [The concept and models of increasing the availability of additional general education programs]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; 2018. 483 p. Russian.
5. Claries R, editor. *Dosug. Neformal'noe obrazovanie. Obzor vneshkol'nogo obrazovaniya v Evrope* [Leisure. Informal education. Review of out-of-school education in Europe]. Prague: EAICY; 2008. 410 p. Russian.
6. Potapova EN. [Modern principles of additional education and their theoretical justification]. *Molodoi uchenyi*. 2014; 17:532–535. Russian.
7. Lapin NI. [Sociocultural approach and socio-functional structures]. *Sociological Research*. 2000;7:3–12. Russian.
8. Zolotareva AV. *Integrativno-variativnyi podkhod k upravleniyu uchrezhdeniem dopolnitel'nogo obrazovaniya detei* [Integrative-variative approach to managing an institution of additional education for children]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; 2006. 339 p. Russian.
9. Golovanov VP. *Razvitie polisfernosti dopolnitel'nogo obrazovaniya detei* [Development of polyspheric additional education for children]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni N. K. Krupskoi; 2006. 339 p. Russian.
10. Zolotareva AV, Sukhanova YuV. *Sotsial'nyi zakaz na dopolnitel'noe obrazovanie detei* [Social order for additional education of children]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; 2012. 105 p. Russian.
11. Zolotareva AV. [Implementation of the principle of non-formalisation of education]. In: Груздев МВ, Лобода ИВ, редакторы. *Евразийский образовательный диалог: материалы международного форума; 17–19 апреля 2013 г.; Ярославль, Россия*. Ярославль: ГАОУ ЯО ИРО «Институт развития образования»; 2014. p. 34–37. Russian.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023.
Received by editorial board 18.09.2023.

УДК 316.013

ОБРАЗ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Е. Р. РЫБАКОВА¹⁾, И. Ю. ИВАНОВ¹⁾

¹⁾Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
пер. Потановский, 16, 101000, г. Москва, Россия

Отмечается, что система школьного образования является отражением процессов, происходящих в политической, экономической и культурной сферах общества, именно поэтому образовательная тематика представляет особый интерес для социологов. В качестве инструмента исследования общественных процессов в контексте образования могут выступать материалы советского кинематографа. Предпринимается попытка провести анализ фильмов эпохи СССР, посвященных указанной тематике, сквозь призму социологической теоретической триангуляции (на основе теоретических разработок Э. Дюркгейма, М. Фуко и Дж. Дьюи). Делается вывод о том, что советский кинематограф транслировал важные для государства идеи и установки и отражал течение основных социальных процессов. Материалы статьи расширяют диапазон исследований советского кинематографа и систематизируют сведения о роли школьного образования в формировании общественного сознания в эпоху СССР.

Ключевые слова: социология образования; социология кинематографа; макросоциология; социальные институты; советская школа; советский кинематограф; Э. Дюркгейм; М. Фуко; Дж. Дьюи.

SCHOOL EDUCATION'S DEPICTION IN SOVIET CINEMA: SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

E. R. RYBAKOVA^a, I. Yu. IVANOV^a

^aInstitute of Education, National Research University «Higher School of Economics»,
16 Potapovskii Boulevard, Moscow 101000, Russia

Corresponding author: I. Yu. Ivanov (iyivanov@hse.ru)

It is noted that the school education system is a reflection of the processes occurring in the political, economic and cultural spheres of society, which is why educational topics are of particular interest to sociologists. Materials from Soviet cinema can serve as a tool for studying social processes in the context of education. An attempt is made to analyse films from the USSR era devoted to this topic through the prism of sociological theoretical triangulation (based on the theoretical developments of E. Durkheim, M. Foucault and J. Dewey). It is concluded that Soviet cinema conveyed ideas and attitudes that were important for the state and reflected the course of basic social processes. The materials of the article expand the range of studies of Soviet cinema and systematise information about the role of school education in the formation of public consciousness in the era of the USSR.

Keywords: sociology of education; sociology of cinema; macrosociology; social institutions; Soviet school; Soviet cinema; E. Durkheim; M. Foucault; J. Dewey.

Образец цитирования:

Рыбакова ЕР, Иванов ИЮ. Образ школьного образования в советском кинематографе: социологическая перспектива. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:75–83.
EDN: SLFWHR

For citation:

Rybakova ER, Ivanov IYu. School education's depiction in Soviet cinema: sociological perspective. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:75–83. Russian.
EDN: SLFWHR

Авторы:

Евгения Романовна Рыбакова – стажер-исследователь Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского.

Иван Юрьевич Иванов – младший научный сотрудник Центра общего и дополнительного образования имени А. А. Пинского.

Authors:

Evgeniya R. Rybakova, intern researcher at the Center for General and Additional Education named after A. A. Pinsky.
errybakova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0009-0002-0199-8645>

Ivan Yu. Ivanov, junior researcher at the Center for General and Additional Education named after A. A. Pinsky.
iyivanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5036-8899>

Введение

Тема образования и воспитания подрастающего поколения была актуальна во все времена. Сегодня она выступает предметом исследования многих социальных и гуманитарных дисциплин. Система школьного образования является отражением процессов, происходящих в политической, экономической и культурной сферах общества, и выступает ключевым фактором формирования и развития личности [1]. В качестве инструмента исследования общественных процессов в контексте образования могут выступать материалы советского кинематографа, содержащие эмпирические данные [2]. Отражая тенденции развития общества, полнометражные художественные фильмы оперируют категориями, относящимися к области социального значения (классы, институты, идентичность, взаимодействие, неравенство и т. д.) [3]. Сегодня социологи все чаще проводят исследования, используя фильмы в качестве методологического инструмента [4–6].

Безусловно, социологический анализ содержания художественных фильмов имеет ряд методологических сложностей, природа которых обусловлена

функциональным назначением массового кинематографического продукта [7]. В процессе изучения фильмов социологи могут использовать разные методики: контент-анализ [7], оценку дискурсов, оценку общественного мнения [8], анализ контекста создания фильма [9] и т. д.

В российской академической традиции анализ кинематографа в рамках социальных наук выступает инструментом исторической реконструкции, способом особой интерпретации своеобразия разных эпох, в том числе эпохи СССР [7; 10; 11]. Современные исследования советского кинематографа ориентированы на выявление общих целей и сюжетов отечественных документальных и художественных фильмов [12], а также на культурно-антропологическую оценку трансформации образов школьника и учителя в фильмографии [13–15].

Целью данной работы является макросоциологический анализ интерпретации школьного образования в советском кинематографе [16]. В ходе анализа были изучены 29 фильмов, содержание которых связано с тематикой школьного образования [17].

Теоретические основы исследования

Как уже отмечалось, состояние образовательной среды отражает процессы, происходящие в обществе [1; 16]. В связи с этим образование и воспитание молодого поколения выступают одним из элементов функционирования социума [2; 18; 19]. Данная функционалистская логика опирается на теоретические разработки Э. Дюркгейма, М. Фуко и Дж. Дьюи. Кроме того, ценность в данном контексте представляют также идеи Р. Мертона и Т. Парсонса.

На необходимость социологического подхода к изучению образования первым указал Э. Дюркгейм. Он считал, что образование имеет сугубо социальный характер и выполняет исключительно социальные функции, следовательно, теория образования должна разрабатываться в рамках социологической науки [19]. Согласно функционалистской теории, разработанной Э. Дюркгеймом, образование – это внешний социальный фактор, ограничивающий поведение индивида. Как и другие социальные факторы, образование должно найти подходящий способ удовлетворения потребностей всего общественного организма (а не отдельных индивидов) на основе солидарности.

Помимо анализа задач педагогики в контексте социальной солидарности, социолог занимался также исследованием устойчивости системы образования в период острых общественных изменений и соответствия педагогических практик теоретическим установкам [20]. По мнению Э. Дюркгейма, образование, как механизм передачи культурных ценностей, обеспечивает достижение и поддержание солидарности в социуме [21]. Процесс школьного обучения социализирует ребенка, формирует в нем

набор качеств, необходимых для функционирования в окружающей среде. Подобная социализация носит целенаправленный характер: общество выступает инструментом образования (воспитания), цели и средства которого обусловлены потребностями социума. То, как система образования реализует функцию культурной трансляции, как правило, контролируется государством. Именно политический и социально-экономический контекст формирует социальную природу образования [21; 22].

Идеи Э. Дюркгейма развивал Р. Мертон. Особое внимание он уделял теме функций и дисфункций образовательной системы [23], подчеркивая при этом важную роль творческого развития и формирования мировоззрения личности [24]. Функции и дисфункции образовательной системы социолог подразделял на явные и скрытые [25]. Так, передачу учащимся теоретических знаний и базовых культурных ценностей он относил к явным функциям образования, а создание условия для заведения новых знакомств и обретения определенного социального статуса – к его скрытым функциям. При этом ученый предлагал уделять особое внимание тем функциям образования, которые актуальны в настоящий момент. Появление дисфункций в рамках образовательной системы, по мнению Р. Мертона, обусловлено отсутствием тех или иных функций или снижением их значимости.

Т. Парсонс рассматривал классный школьный коллектив в качестве полноценной социальной системы [26]. Он подчеркивал, что школа является основным институтом социализации подрастающего

поколения и отражает уровень социального развития государства [27]. По мнению Т. Парсонса, одной из существенных ошибок в подходе к обучению детей может выступать игнорирование их индивидуальных характеристик [28].

В дисциплинарном контексте систему образования рассматривал М. Фуко. И хотя вопрос о предметной специализации ученого остается открытым [29], его вклад в развитие социологии образования можно назвать колоссальным [30]. В своем подходе к изучению образовательной системы М. Фуко совмещал макро- и микроанализ. По убеждению социолога, для выяснения механизма функционирования определенных социальных практик следует изучить их применение прежде всего на микроуровне, а затем приступить к исследованию макроуровня [30].

В работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко провел аналогию между организацией работы, с одной стороны, школ, больниц, заводов, казарм и, с другой стороны, тюрем и пришел к выводу о наличии дисциплинарной власти в указанных структурах [31]. Школа, по словам М. Фуко, предстает одним из дисциплинарных институтов, что отражается в следующих категориях ее функционирования: «описать», «оценить», «измерить», «сравнить», «вымуштровать» «исправить», «классифицировать», «привести в норму», «исключить» и т. д. [31, с. 220].

Трактовка образовательного пространства с опорой на идеи М. Фуко, однако, не исключает специа-

лизации конкретных социальных институтов на их отдельных функциях, но предполагает, что во всех случаях речь идет о функции дисциплинирования. М. Фуко описывает школьное пространство как механизм обучения, надзора, иерархизации и вознаграждения за успехи [31, с. 179]. Школа регламентирует поведение учащихся, осуществляет контроль за их жизнедеятельностью и требует автоматического послушания [31, с. 274]. М. Фуко также характеризует признаки кризиса дисциплинарных институтов, в частности школы, и отмечает, что в сфере образования происходит поворот от дисциплинарного подхода к индивидуальному [32]. Образ школьного учителя постепенно трансформируется: из строгого наблюдателя, обладающего дисциплинарной властью, учитель превращается в советника, помогающего ученику самореализоваться [33].

Рассуждая о роли учителя в образовательном процессе, стоит обратиться к точке зрения американского философа Дж. Дьюи [34]. Главная идея мыслителя состоит в том, что школьное образование должно предполагать не только трансляцию учащемуся академических знаний, но и его подготовку к самостоятельной жизни. Формирование определенных личностных качеств у школьников позволит им в будущем быстро адаптироваться к новым условиям, принимать верные решения и легко справляться с трудностями [16]. Учитель, применяя индивидуальный подход к каждому подопечному, должен развивать в нем самостоятельность [35].

Материалы и методы исследования

Объектом анализа выступают 29 советских фильмов, затрагивающих тематику школьного образования. Большинство из них созданы по государственному заказу. Именно этим обстоятельством обусловлены активное тиражирование данных киноработ и, соответственно, их зрительский успех.

Фильмография, использованная в статье, относится к 1924–1940 и 1945–1988 гг. На основании хронологического критерия выделены пять периодов в создании художественных фильмов на указанную тематику: довоенный период (1924–1940),

послевоенный период (1945–1953), период оттепели (1953–1964), период застоя (1964–1985) и период перестройки (1985–1991).

Изучение советской фильмографии дает возможность провести историческую реконструкцию событий тех лет, проанализировать роль технологических, идеологических и социальных преобразований в жизни общества [3]. Интерпретационный видеоанализ позволяет получить доступ к мельчайшим деталям социальных взаимодействий в эпоху СССР [36].

Результаты и их обсуждение

Фильмография довоенного периода (1924–1940). На данном этапе большое внимание уделялось общественно-политической активности, политическому и производственному воспитанию подрастающего поколения. Перед пионерской организацией был поставлен ряд задач, основной из которых являлось сплочение школьных коллективов. Отдельный акцент делался на укреплении дисциплины среди учащихся, формировании у них социалистического отношения к учебе, труду и общественно-практической работе.

Фильмы данного периода, посвященные теме образования, отражали идеи и принципы коммунистического воспитания. Учитель предстал перед кинозрителями в первую очередь как высокообразованный человек с широким кругозором, обладающий педагогическими способностями. Ярким примером выступает образ учителя в фильме «Путевка в жизнь» (реж. Н. Экк; 1931 г.). Советский наставник показан как идеал жизненной мудрости, терпения и добросердечности. Именно эти личностные качества позволили ему найти подход к трудным подросткам.

Тонкости работы со сложными детьми подробно представлены также в картине «Педагогическая поэма» (реж.: А. Маслюков, М. Маевская; 1955 г.). По сюжету учителя стремятся перевоспитать несовершеннолетних преступников, сформировать из них достойных граждан. В фильме «Республика ШКИД» (реж. Г. Положа; 1966 г.) тема педагогики раскрывается на примере перевоспитания беспризорников в школе-коммуне. Дети со сложным прошлым были взяты под опеку опытных педагогов и с их помощью смогли переосмыслить свое поведение, а также узнать о том, что существует настоящая дружба.

В картине «Человек без футляра» (реж. В. Строева; 1931 г.) представлен образ учителя, который борется за политехнизацию учебного процесса. Сюжет поднимает ряд проблем во взаимоотношениях героев.

Многие фильмы на образовательную тематику носят выразительный агитационный характер. В первую очередь речь идет о картинах «Ванька – юный пионер» (реж. П. Малахов; 1924 г.) и «Остров юных пионеров» (реж. А. Ган; 1924 г.). Очевидно, что создатели этих киноработ стремились показать зрителям образ идеального советского подростка, имеющего четкую гражданскую позицию и обладающего политической грамотностью. Фильм «Разбудите Леночку» (реж. А. Кудрявцева; 1934 г.) также имеет агитационную окраску. В нем подчеркивается важность дисциплинированности и добросовестности. Героиня картины Леночка постоянно опаздывает в школу, и одноклассники высмеивают ее. Не желая быть объектом шуток, девочка исправляется и становится примерной и пунктуальной ученицей.

Таким образом, в фильмах раннего советского периода учитель транслирует идеи и принципы коммунистического воспитания. На педагоге лежит большая ответственность не только по борьбе с неграмотностью населения, но и по продвижению идей советского общества.

Фильмография послевоенного периода (1945–1953). После Великой Отечественной войны цели и задачи образования подрастающего поколения были переосмыслены, усилилась роль патриотического воспитания [37]. Кроме того, были повышены требования к учащимся в вопросах соблюдения дисциплины. В связи с этим авторитет фигуры учителя еще больше возрос. В 1943 г. постановлением СНК РСФСР были утверждены правила для учащихся. В документе указывалось, что школьники должны настойчиво овладевать знаниями, для того чтобы вырасти образованными и культурными гражданами и принести как можно больше пользы своей Родине. Важность соблюдения дисциплины фиксировалась через обязанности школьников «прилежно

учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий», «содержать в чистоте и порядке свое место в классе»¹ и т. д. Коммуникация учащихся с педагогическим коллективом также регулировалась обязательствами: они должны были «беспрекословно подчиняться распоряжениям директора школы и учителей», «при ответе учителю вставать, держаться прямо, садиться на место только с разрешения учителя»². Отдельное внимание в правилах было уделено взаимоотношениям школьников с семьей: им следовало «слушаться родителей, помогать им, заботиться о маленьких братьях и сестрах», «поддерживать чистоту в комнатах, в порядке содержать свою одежду, обувь, постель»³. За нарушение правил учащиеся подлежали наказанию (вплоть до исключения из школы).

В послевоенный период в советских фильмах находит продолжение тема дисциплины. Маруся Орлова, героиня фильма для детей «Первоклассница» (реж. И. Фрэнз; 1948 г.), пробует себя в новой роли – теперь она школьница. Из маленькой капризной девочки Маруся превращается в прилежную советскую школьницу, всегда готовую прийти на помощь и проявить свои лидерские качества. В фильме «Красный галстук» (реж.: М. Сауц, В. Сухобоков; 1948 г.) также показано преобразование советского подростка. Героя картины Валерия исключают из пионеров за отказ от выполнения общественного поручения (оформления стенгазеты). Кроме того, эгоизм, заносчивость, трусость и лень мальчика приводят его к ссоре с близким товарищем Шурой. Одноклассники объявляют Валерию бойкот. Мальчик переосмысливает свои поступки и стремится к исправлению: помогает сестре по дому, просит прощения у друга, оформляет стенгазету. Таким образом, в фильме показана важная роль школьного коллектива в самоопределении подростка и его работе над собой.

В фильмах этого периода нередко отражается авторитет сельского педагога [38]. Одним из ярких примеров в данном случае выступает картина «Сельская учительница» (реж. М. Донской; 1947 г.). Главная героиня Варвара Васильевна является олицетворением советской интеллигенции. Она стремится пробудить в деревенских детях сознательность и понимание важности их статуса как учащихся. Так, она говорит школьникам: «Вы не просто мальчишки и девчонки, вы – ученики». Кроме того, создатели фильма стремятся показать зрителям важность добросовестного отношения к школьным занятиям. Об этом свидетельствуют следующие слова Варвары Васильевны: «Школа без дисциплины – как мельница без воды».

Сюжеты указанных фильмов отражали смену эпох, которая сопровождалась рядом преобразований в общественной жизни. При этом в картинах

¹Правила для учащихся, утвержденные постановлением СНК РСФСР от 2 августа 1943 г. // 4ЕГЭ : сайт . URL: https://4ege.ru/materials_podgotovka/59737-pravila-dlja-uchaschihsja-utverzhdennye-postanovleniem-snk-rsfsr-ot-2-avgusta-1943-goda.html (дата обращения: 12.09.2023).

²Там же.

³Там же.

показано, что никакие жизненные трудности и даже военные условия не становились преградой для истинных педагогов. Они искренне верили в советские идеалы и стремились наполнить этой верой своих учеников. Так, героиня фильма «Сельская учительница» убеждена в том, что если человеку долго внушать хорошее и делать это от чистого сердца, то любой, даже самый плохой человек переменится. Вместе с этим она отмечает, что работа учителя требует жертвенности и самоотверженности.

Фильмография периода оттепели (1953–1964).

На данном этапе важнейшей общественной задачей выступало коммунистическое воспитание молодого поколения. Партийные организации использовали для ее реализации все возможные средства. Информацию соответствующего идейного содержания транслировали наука, литература и искусство. Пионеры активно привлекали к общественно-политической работе, прежде всего к общественно полезному труду. Принципы коммунистического мировоззрения (коллективизм, трудолюбие, соблюдение дисциплины), несомненно, были отражены в задачах общеобразовательных школ и комсомольских организаций.

Фильмография этих лет свидетельствует о трансформации образа учителя. Большим авторитетом начинают пользоваться индустриальные профессии, подчеркивается контраст между интеллигенцией и рабочим классом. Учитель уже не обладает безусловным уважением, в то время как труженики производства становятся объектом восхищения общественности. Вместе с тем во многих картинах на образовательную тематику присутствует акцент на атрибутике (в ее интеракционистском понимании), о чем свидетельствует, например, строгий, аккуратный образ учительницы Татьяны Сергеевны в фильме «Весна на Заречной улице» (реж.: Ф. Миронер, М. Хуциев; 1956 г.). О постепенном снижении авторитета учителя свидетельствует фильм «Друг мой, Колька!..» (реж.: А. Митта, А. Салтыков; 1961 г.), героиня которого, Лидия Михайловна, уже не олицетворяет собой образец высоконравственной личности: пионервожатая равнодушна не только к работе, но и к собственным детям.

Сюжеты о переосмыслении ошибок и перевоспитании героя коллективом также находят место в фильмах периода оттепели. Например, в картине «Аттестат зрелости» (реж. Т. Лукашевич; 1954 г.) эгоистичный старшеклассник Валентин совершает предательский по отношению к школьному коллективу поступок. Кроме того, он позволяет себе оскорбления в адрес учителя. В итоге над ним нависает угроза исключения из комсомольской организации. К счастью, Валентин вовремя осознает свою неправоту и пытается исправить репутацию.

Новой темой фильмов периода оттепели становится конфликт поколений, в частности неприятие родителями и учителями того факта, что подрост-

ки могут иметь личную жизнь. В драме «А если это любовь?» (реж. Ю. Райзман; 1962 г.) влюбленные десятиклассники сталкиваются с грубым вмешательством взрослых в их отношения, а также с насмешками ровесников.

Фильмография периода застоя (1964–1985).

В период застоя образ учителя в советском кинематографе претерпевает новые изменения. Все больше внимания уделяется личной жизни педагогов, нередко демонстрируется, что в школу идут работать одинокие, бездетные люди. В фильме «Доживем до понедельника» (реж. С. Росточкин; 1968 г.) учитель не изображается человеком, безусловно любящим свою работу. Данная кинокартина транслирует также следующую идею: если учитель безукоризненно владеет своим предметом, это не гарантирует того, что он будет пользоваться авторитетом среди школьников. Таким образом, педагог уже не предстает перед зрителем в качестве образца для подражания, а выглядит как обычный человек, имеющий свои слабости. В частности, в фильме «Урок литературы» (реж. А. Коренев; 1968 г.) показан персонаж, выступающий антиподом того образа учителя, который был представлен в ранних советских фильмах. Константин Михайлович молод, неопытен, он не испытывает искреннего желания заниматься учительской деятельностью. В фильме «Перевод с английского» (реж. И. Селезнёва; 1972 г.) молодой практикант сталкивается с рядом испытаний, которые вынуждают его проявить педагогическую смекалку.

В фильмах данного периода порицается учитель, который не способен видеть проблемы в коллективе. Именно в таком образе предстает учительница Маргарита Ивановна в картине «Чучело» (реж. Р. Быков; 1983 г.). Она не замечает, как одна из учениц становится объектом травли. Другие же фильмы демонстрируют, что чрезмерная опека лишает подростков возможности проявить самостоятельность и отвечать за свои поступки. Так, в фильме «Розыгрыш» (реж. В. Меньшов; 1976 г.) это показано на примере столкновения взглядов разных поколений.

Один из главных героев картины «Большая перемена» (реж. А. Коренев; 1972 г.) учитель Нестор Петрович на глазах у зрителей превращается из авторитарного эгоиста в душевного и участливого человека. На собственном опыте пережив страдания в отношениях с любимой, он не остается безучастным к личным переживаниям и своих учеников. Героиня фильма «Чужие письма» (реж. И. Авербах; 1975 г.) Зина Бегункова входит в доверие к учительнице Вере Ивановне и начинает вмешиваться в ее личную жизнь. Ситуация приводит к взаимным претензиям. В этой картине впервые в советском кинематографе педагог становится объектом беспощадной критики со стороны учеников.

В фильмах периода застоя показывается противостояние образов хорошего и плохого учителя.

Хорошим выступает педагог, который пользуется авторитетом и доверием. С таким учителем приятно поговорить о высоких материях (фильм «Доброта» (реж. Э. Гаврилов; 1977 г.)) и даже можно рассчитывать на его помощь в уходе за маленьким ребенком («Ключ без права передачи» (реж. Д. Асанова; 1976 г.)).

В некоторых киноработах тех лет отношения учителей и учеников представлены как сотрудничество. Например, в фильме «Расписание на послезавтра» (реж. И. Добролюбов; 1979 г.) преподаватели физико-математической школы, высоко оценивая креативность своих талантливых учеников, общаются с ними наравне, как с коллегами. В некоторых картинах представлен конфликт поколений. Герой фильма «Дневник директора школы» (реж. Б. Фрумин; 1975 г.) Борис Николаевич Свешников приходит на работу в школу в качестве директора и старается привнести новшества в учебный процесс. Во взаимоотношениях с учащимися он проявляет терпение, готовность поддержать диалог, в каждом видит индивидуальность (так, он отмечает: «Не надо стесняться, если твое мнение идет вразрез общепринятому»). Однако такой подход вызывает неодобрение со стороны завуча школы, Валерии Федоровны. Та обвиняет нового директора в излишнем либерализме. У Бориса Николаевича же другая точка зрения. Принимая учителей на работу, он обращает внимание в первую очередь на то, испытывают ли новый педагог любовь к детям. В этом контексте примечательной является его следующая фраза: «Человек, однажды почувствовавший себя учителем, делает выбор на всю жизнь».

Популярной в советском кинематографе этого периода является также тема противостояния родителей, детей и учителей. Фильм «Вам и не снилось» (реж. И. Фрэнк; 1980 г.) посвящен романтической истории любви старшеклассников. Оказалось, что не

все способны понять их чувства. Поддержку смогла оказать классный руководитель ребят Татьяна Николаевна. Она проявила искренний интерес к жизни учеников, не постеснялась беседовать с ними о любовных чувствах. Сложность межличностных отношений в подростковом возрасте отражена также в фильме «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (реж.: Э. Ясан, Н. Лебедев; 1980 г.).

Фильмография периода перестройки (1985–1991). На данном этапе развития советского общества популярность обретают новые подходы к воспитанию молодого поколения. Акцент делается на том, что среда, в которой растет ребенок, должна быть комфортной и безопасной, способствовать позитивной самореализации учащегося, удовлетворению его творческих интересов.

Кинематограф периода перестройки демонстрирует явное отчуждение идей коммунистического воспитания. Кроме того, на данном этапе происходит процесс социального расслоения, развивается гласность, формируются квазирыночные отношения.

В фильме «Соблазн» (реж. В. Сорокин; 1987 г.) показано, как ученики открыто конфликтуют с учителем, чтобы защитить свои так называемые ценности. Правила поведения диктует школьная элита. В отличие от киногероев более ранних периодов персонажи этого фильма не делают выводов и остаются убежденными в собственной правоте. Подобное противостояние представлено и в фильме «Дорогая Елена Сергеевна» (реж. Э. Рязанов; 1988 г.). Ради получения выгод молодые люди готовы поступиться любыми моральными ценностями, в то время как их педагог, несмотря ни на что, стремится видеть в них лучшее. Такие фильмы демонстрируют, что учителю в те времена было очень сложно завоевать доверие своих воспитанников.

Заключение

К анализу описанных сюжетов художественных фильмов целесообразно подходить с точки зрения теоретической триангуляции. На примере фильмографии довоенного и послевоенного периодов можно видеть, как работает механизм передачи моральных ценностей в рамках функционалистской парадигмы Э. Дюркгейма. В те годы задачи общеобразовательных школ, пионерской и комсомольской организаций отвечали государственным целям и транслировали правильные ценности. Фильмы носили яркий агитационный характер. В них часто показывалось, что коллектив способен оказать поддержку. Отличительной чертой кинокартин тех лет являлся также акцент на том, что при правильном походе учитель из любого беспризорника или правонарушителя может взрастить целостную личность. В большинстве фильмов периодов оттепе-

ли и застоя затрагивается тема школьной дружбы и романтических отношений. В этом контексте органично раскрываются латентные функции образования (развитие творческих способностей, навыков взаимодействия с людьми, дипломатии и др.).

Подход М. Фуко к рассмотрению школ как дисциплинарных институтов может быть применим к описанию советской государственной риторики. Многие фильмы на тему образования демонстрируют силу дисциплинирующей власти. Школьный коллектив наказывает нарушителей и способствует их исправлению. Кроме того, кризис образовательных институтов, который рассматривает М. Фуко, характерен для периодов застоя и перестройки. Фильмы этих лет свидетельствуют о постепенном отказе от дисциплинарного общества в пользу индивидуализирующего общества. Роль учителя при этом также

трансформируется: из строгого наблюдателя, обладающего дисциплинарной властью, он превращается скорее в советника, помогающего ученику самореализоваться.

Образы плохого и хорошего учителя можно рассматривать в рамках теории Дж. Дьюи. Плохой учитель – тот, кто требует безукоризненной дисциплины, не стремится воспитать в учениках личностные качества, пренебрегает индивидуальным подходом в обучении. Хороший учитель проявляет интерес к своим воспитанникам, старается научить их самостоятельности.

Школьное образование всегда отражало происходящие в государстве общественные процессы.

Советский кинематограф, который был частью государственной идеологической системы, не только транслировал идеи и установки властных структур, но и отражал действительность. Несмотря на свою консервативность, школа в художественных фильмах тех лет предстает живым развивающимся организмом. Об этом свидетельствуют запечатленные на киноплёнке динамичные изменения политического и общественного характера. На основе анализа кинопроизведений есть возможность исследовать целые исторические периоды. Результаты настоящей работы могут выступать основой для дальнейших исследований в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. Горбунова ОН. Место образования в обществе, экономика которого основана на знаниях. *Социально-экономические явления и процессы*. 2008;2:15–23.
2. Королёва КЮ. Образование в социокультурном контексте: системный подход. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2007;9:56–69.
3. Sutherland JA, Feltey K, editors. *Cinematic sociology: social life in film*. California: Sage; 2013. 475 p.
4. Knoblauch H, Baer A, Laurier E, Petschke S, Schnettler B. Visual analysis. New developments in the interpretative analysis of video and photography. *Forum Qualitative Sozialforschung. Forum: Qualitative Social Research* [Internet]. 2008 [cited 2023 September 12];9(3). Available from: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1170>. DOI: 10.17169/fqs-9.3.1170.
5. Tudor A. *Image and influence: studies in the sociology of film*. Michigan: Routledge; 2013. 264 p.
6. Kaczmarek J. Sociological film – theoretical and practical aspects. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research* [Internet]. 2008 [cited 2023 September 12];9(3). Available from: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1164>. DOI: 10.17169/fqs-9.3.1164.
7. Дупак АА. Образ советского человека в российском кино: социологический анализ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2019;12(4):385–402. DOI: 10.21638/spbu12.2019.406.
8. Колосова ТЮ, Коробова НВ, Уханова ОА. Кинотекст как средство реализации (кино)дискурса. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова*. 2018;41:39–47.
9. Айтказина Д, Породина К, Лутовин А, Лучкин И. Социология кино. *Богема*. 2017;1(1):54–59.
10. Chelysheva I, Mikhaleva G. The hermeneutic analysis of Soviet films of the «stagnation» period (1969–1984) on the school topic. *Media Education*. 2018;1:129–138.
11. Каспэ И. «Я есть!»: позднесоветское кино через призму реляционной социологии Харрисона Уайта (et vice versa). *Социологическое обозрение*. 2017;16(3):174–206. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-174-206.
12. Мuryюкина ЕВ. Герменевтический анализ советских документальных фильмов и телепередач на школьную и студенческую тему. *Медиаобразование*. 2017;3:118–133.
13. Поливанова КН, Шакарова МА. Общественно-культурный образ детства (на материале анализа советских и российских художественных фильмов о детях). *Культурно-историческая психология*. 2016;12(3):255–268. DOI: 10.17759/chrp.2016120315.
14. Чельшева ИВ. Герменевтический анализ советских игровых фильмов эпохи застоя (1969–1984) на школьную тему. *Медиаобразование* [Интернет]. 2018 [процитировано 12 сентября 2023 г.];1. Доступно по: https://www.mediagram.ru/netcat_files/99/123/h_6b7eeb3c8972cd3e6ec3400312a8e325.
15. Шипулина НБ. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2010;52(8):4–16.
16. Dewey J. *The school and society and the child and the curriculum*. Chicago: University of Chicago Press; 2013. 252 p.
17. Косинова МИ. Прокатно-возвратный механизм советской кинематографии в период «застоя». *Сервис plus*. 2016;10(2):64–73.
18. Sever M. A critical look at the theories of sociology of education. *Journal of Human Sciences*. 2012;9(1):650–671.
19. Pattanaik S, Narichandan S, Principal N. *Sociological foundation of education*. Mumbai: College Vashi Navi; 1992. 94 p.
20. Вороненко АИ. Эмиль Дюркгейм как основоположник социологии образования. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D: Эканоміка, сацыялогія, права*. 2019;2:80–85.
21. Дюркгейм Э. *Социология образования*. Астахова ТГ, переводчик; Собкина ВС, Нечаев ВЯ, редакторы. Москва: ИНТОР; 1996. 77 с.
22. Ottaway AKC. The educational sociology of Emile Durkheim. *British Journal of Sociology*. 1955;6(3):213–227.
23. Merton RK. *Social theory and social structure*. New York: The Free Press; 1968. 702 p.
24. Бикова РР, Сибирякова АВ, Подерегина В. Дисфункциональные аспекты института образования по теории Мертона. В: Эльзесер ЮФ, редактор. *Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»*. Часть 2. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие»; 2019. с. 301–303.
25. Мертон Р. *Явные и латентные функции*. Москва: Директ-медиа; 2007. 50 с.
26. Parsons T. The school class as a social system. In: Ballantine JH, Spade JZ, compilers. *Schools and society: a sociological approach to education*. Los Angeles: Pine Forge Press; 2008. p. 35–40.

27. Selakovich D. *Schooling in America: social foundations of education*. New York: Longman; 1984. 408 p.
28. Рысакова ПИ. Структурно-функциональная концепция образования Т. Парсонса. *Культура и общество* [Интернет]. 2006 [процитировано 12 сентября 2023 г.]. Доступно по: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Rysakova.pdf>.
29. Вишневецкий ЮР, Вишневецкий СЮ, Идеи М. Фуко об образовании как социальном институте. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2015;2:25–32.
30. Jardine GM. *Foucault & education*. New York: Peter Lang; 2006. 135 p.
31. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Наумов В, переводчик; Борисова, редактор. Москва: Ad Marginem; 1999. 480 с.
32. Фуко М. *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1*. Москва: Праксис; 2005. 320 с.
33. Фуко М. *Герменевтика субъекта*. Погоняйло АГ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2007. 667 с.
34. Томина ЕФ. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011;2:360–366.
35. Sikandar A. John Dewey and his philosophy of education. *Journal of Education and Educational Development*. 2015;2(2): 191–201.
36. Knoblauch H, Schnettler B. Videography: analysing video data as a «focused» ethnographic and hermeneutical exercise. *Qualitative Research*. 2012;12(3):334–356. DOI: 10.1177/1468794111436147.
37. Гуркина НК, Гуркин АБ. Проблема дисциплины в советской школе в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. В: Полторацк СН, редактор. *Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти. Материалы XLVII Международной научной конференции; 18 мая 2020 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Полторацк; 2020. с. 204–210.
38. Сидорова ГП. Ценность профессии в советской хозяйственной культуре и образах массового искусства 1960–1980-х. *Человек и культура*. 2013;1:61–91. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.1.291.

References

1. Gorbunova ON. The formation place in a society which economy is based on knowledge. *Sotsial'no-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2008;2:15–23. Russian.
2. Korolyova KY. Education in social and cultural expanse: system approach. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Volume: Philosophy. Sociology. Law*. 2007;9:56–69. Russian.
3. Sutherland JA, Feltey K, editors. *Cinematic sociology: social life in film*. California: Sage; 2013. 475 p.
4. Knoblauch H, Baer A, Laurier E, Petschke S, Schnettler B. Visual analysis. New developments in the interpretative analysis of video and photography. *Forum Qualitative Sozialforschung. Forum: Qualitative Social Research* [Internet]. 2008 [cited 2023 September 12];9(3). Available from: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1170>. DOI: 10.17169/fqs-9.3.1170.
5. Tudor A. *Image and influence: studies in the sociology of film*. Michigan: Routledge; 2013. 264 p.
6. Kaczmarek J. Sociological film – theoretical and practical aspects. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research* [Internet]. 2008 [cited 2023 September 12];9(3). Available from: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1164>. DOI: 10.17169/fqs-9.3.1164.
7. Dupak AA. The image of the Soviet man in Russian films: a sociological analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2019;12(4):385–402. Russian. DOI: 10.21638/spbu12.2019.406.
8. Kolosova TYu, Korobova NV, Ukhanova OA. Film construct as realization of film discourse. *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University*. 2018;41:39–47. Russian.
9. Aytkazina D, Porodina K, Lutovin A, Luchkin I. Film sociology. *La Boheme Magazine*. 2017;1(1):54–59. Russian.
10. Chelysheva I, Mikhaleva G. The hermeneutic analysis of Soviet films of the «stagnation» period (1969–1984) on the school topic. *Media Education*. 2018;1:129–138.
11. Kasper I. «I still exist!»: late Soviet cinema through the prism of the relational sociology of Harrison White (et vice versa). *Russian Sociological Review*. 2017;16(3):174–206. Russian. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-174-206.
12. Muryukina EV. Hermeneutical analysis of Soviet documentary films and telecasts on school and student topics. *Media Education*. 2017;3:118–133. Russian.
13. Polivanova KN, Shakarova MA. Socio-cultural image of childhood (based on the analysis of Soviet and Russian feature films about children). *Cultural-historical Psychology*. 2016;12(3):255–268. Russian. DOI: 10.17759/chp.2016120315.
14. Chelysheva IV. The hermeneutic analysis of the Soviet feature films of the stagnation period (1969–1984) on the school theme. *Media Education* [Internet]. 2018 [cited 2023 September 12];1. Available from: https://www.mediagram.ru/netcat_files/99/123/h_6b7eeb3c8972cd3e6ec3400312a8e325. Russian.
15. Shipulina NB. Image of a teacher in the Soviet and modern Russian cinematograph. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010;52(8):4–16. Russian.
16. Dewey J. *The school and society and the child and the curriculum*. Chicago: University of Chicago Press; 2013. 252 p.
17. Kosinova MI. [Rolling-return mechanism of Soviet cinematography during the period of «stagnation»]. *Servis plus*. 2016;10(2):64–73. Russian.
18. Sever M. A critical look at the theories of sociology of education. *Journal of Human Sciences*. 2012;9(1):650–671.
19. Pattanaik S, Harichandan S, Principal H. *Sociological Foundation of Education*. Mumbai: College Vashi Navi; 1992. 94 p.
20. Voronenko AI. [Emile Durkheim as the founder of the sociology of education]. *Vesnik Magiljovskaga dzjarzhavnaga univertsiteta imja A. A. Kuljashova. Seryja D: Jekonomika, sacyjalogija, prava*. 2019;2:80–85. Russian.
21. Durkheim E. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of education]. Astakhova TG, translator; Sobkina VS, Nechaev VYa, editors. Moscow: INTOR; 1996. 77 p. Russian.
22. Ottaway AKC. The educational sociology of Emile Durkheim. *British Journal of Sociology*. 1955;6(3):213–227.

23. Merton RK. *Social theory and social structure*. New York: The Free Press; 1968. 702 p.
24. Bikova RR, Sibiryakova AV, Poderyogina MV. The dysfunctional aspects of the institute of education according the theory of Merton. In: Ehl'zesser YuF, editor. *Sbornik izbrannykh statei po materialam nauchnykh konferentsii GNII «Natsrazvitiye»*. Chast' 2 [Collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the Humanitarian National Research Institute «National development». Part 2]. Saint Petersburg: GNII «Natsrazvitiye»; 2019. p. 301–303. Russian.
25. Merton R. *Yavnye i latentnye funktsii* [Latent and manifest functions]. Moscow: Direkt-media; 2007. 50 p. Russian.
26. Parsons T. The school class as a social system. In: Ballantine JH, Spade JZ, compilers. *Schools and society: a sociological approach to education*. Los Angeles: Pine Forge Press; 2008. p. 35–40.
27. Selakovich D. *Schooling in America: social foundations of education*. New York: Longman; 1984. 408 p.
28. Rysakova PI. T. Parsons' structural and functional concept of education. *Kul'tura i obshchestvo* [Internet]. 2006 [cited 2023 September 12]. Available from: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Rysakova.pdf>. Russian.
29. Vishnevsky YuR, Vishnevsky SYu. The ideas of M. Foucault on education as a social institute. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2015;2:25–32. Russian.
30. Jardine GM. *Foucault & education*. New York: Peter Lang; 2006. 135 p.
31. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyurmy* [Discipline and punish: the birth of the prison]. Naumov V, translator; Borisova, editor. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p. Russian.
32. Foucault M. *Intellektualy i vlast'*. *Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Chast' 1 [Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews. Part 1]. Moscow: Praxis; 2005. 320 p. Russian.
33. Foucault M. *Germenevtika sub'ekta* [Hermeneutics of the subject]. Pogonyailo AG, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 667 p. Russian.
34. Tomina EF. Pedagogical ideas of John Dewey: history and contemporaneity. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;2:360–366. Russian.
35. Sikandar A. John Dewey and his philosophy of education. *Journal of Education and Educational Development*. 2015;2(2): 191–201.
36. Knoblauch H, Schnettler B. Videography: analysing video data as a «focused» ethnographic and hermeneutical exercise. *Qualitative Research*. 2012;12(3):334–356. DOI: 10.1177/1468794111436147.
37. Gurkina NK, Gurkin AB. [The problem of discipline in the Soviet school in the pre-war period and during the Great Patriotic War]. In: Poltorak SN, editor. *Velikaya Otechestvennaya voyna, voyny Rossii i problemy istoricheskoi pamyati. Materialy XLVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 18 maya 2020 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [The Great Patriotic War, the wars of Russia and the problems of historical memory. Proceedings of the 67th International scientific conference; 2020 May 18; Saint Petersburg, Russia]. Saint Peterburg: Poltorak; 2020. p. 204–210. Russian.
38. Sidorova GP. [The value of the profession in Soviet economic culture and images of mass art of the 1960–1980s]. *Chelovek i kul'tura*. 2013;1:61–91. Russian. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.1.291.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2023.
Received by editorial board 18.09.2023.

УДК 378.4:001.895(100)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

С. Е. АНДРЕЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описывается роль инноваций в жизни современного общества. Отмечается, что сегодня актуализируется проблематика управления инновационным развитием белорусских университетов. Эффективные решения в данной сфере могут быть получены путем применения открытой платформы, которая включает в себя систему прямых связей разных социальных институтов. Одним из инструментов организации взаимодействия образования, науки, промышленности и бизнеса выступает модель открытых инноваций. С помощью данной модели университет может не только использовать собственные разработки, но и активно привлекать внешние структуры, обладающие необходимыми компетенциями. Утверждается, что от инновационного климата в университете зависит успешность реализуемых в учреждении инновационных проектов. Результаты настоящей работы могут быть использованы при дальнейшей разработке проблематики управления высшим образованием в условиях цифровизации.

Ключевые слова: инновационный потенциал; высшее образование; университет; инновация; цифровизация высшего образования; предпринимательство.

CHARACTERISTICS OF THE INNOVATIVE POTENTIAL OF A MODERN UNIVERSITY

S. E. ANDREYEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The role of innovations in the life of modern society is described. It is noted that the problems of managing the innovative development of Belarusian universities are being updated today. Effective solutions in this area can be obtained through the use of an open platform, which includes a system of direct links between different social institutions. One of the tools for organising the interaction of education, science, industry and business is the open innovation model. With this model, the university can not only use its own developments, but also actively involve external structures with the necessary competencies. It is argued that the success of innovative projects implemented at the institution depends on the innovative climate at the university. The results of this work can be used in the further development of the problems of higher education management in the context of digitalisation.

Keywords: innovation potential; higher education; university; innovation; digitalisation of higher education; entrepreneurship.

Образец цитирования:

Андреев СЕ. Инновационный потенциал современного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:84–88.
EDN: RCCSPA

For citation:

Andreyev SE. Characteristics of the innovative potential of a modern university. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:84–88. Russian.
EDN: RCCSPA

Автор:

Сергей Евгеньевич Андреев – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор А. Н. Данилов.

Author:

Siargei E. Andreyev, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. sergeyandteev0790@gmail.com

Введение

Повсеместное внедрение инноваций является фундаментальной тенденцией развития современного общества. Инновации выступают одной из основных движущих сил экономического роста и социальных изменений. Благодаря им население имеет доступ к информационным ресурсам разных социальных институтов (прежде всего это касается учреждений здравоохранения и образования), может осуществлять профессиональную деятельность, учиться и т. д. Поскольку сегодня внедрение новых знаний в практические аспекты экономики и социальной жизни является частью человеческой жизнедеятельности, современное общество можно назвать инновационным.

Значимость применения инноваций подтверждается растущим интересом социальных наук к феномену инноваций, способам их производства и аспектам их влияния на повседневную жизнь человека. Большинство ученых-социологов, занимающихся разработкой данной проблематики, исследуют условия внедрения инноваций, преимущества и недостатки их использования, влияние цифровых нововведений на развитие экономики и общества¹ [1–4].

Неотъемлемой частью инновационного менеджмента является управление инновационным потенциалом. Эффективное использование последнего может быть обеспечено посредством планирования и реализации инновационных стратегий.

Нынешний этап развития системы высшего образования в Республике Беларусь характеризуется

неустойчивостью. В последние два десятилетия сотрудники университетов были вовлечены во внедрение нескольких образовательных стандартов. Вызовы времени предъявили особые требования к внутренней и внешней организации университетского преподавания.

В новых социально-экономических условиях перед высшим образованием все чаще ставится задача преобразования учебных программ, диверсификации образовательного процесса и адаптации его к требованиям рыночной экономики. Количество зачисленных на обучение в учреждения высшего образования неуклонно растет (в основном за счет набора учащихся в частные образовательные заведения, а также за счет платных программ в рамках государственных университетов). По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в последние годы увеличилось количество специалистов с дипломом магистра: с 5920 человек в 2017 г. до 6199 человек в 2021 г.²

Разработка инновационных стратегий университета основывается на оценке его инновационного потенциала, а также на анализе внешних условий: «...созданный человеком виртуальный мир стал воспроизводить и закреплять в социокультурном коде нового поколения жизненные смыслы и поведенческие установки, не прошедшие адаптацию на свою пригодность в реальном культурном пространстве» [5, с. 326].

Трансформация высшего образования

В эпоху радикальных преобразований, затрагивающих все аспекты цивилизационного развития, общество утратило большую часть традиционных убеждений. В связи с этим проблемы высшей школы волнуют сегодня многих исследователей и находятся в центре общественного внимания. Ведь от содержания нынешнего высшего образования во многом зависит будущее общества. На протяжении веков университеты и академии генерировали прогрессивные идеи и внедряли технологии, обеспечивавшие динамичный рост государства. Высшая школа всегда выступала в качестве инновационного проекта, который нацелен на долгосрочное развитие общества. Так, ценность университета во многом обусловлена его инновационной функцией, а именно способностью продуцировать прогрессивные модели и стандарты цивилизованного развития.

Между тем на рубеже двух последних столетий инновационная роль университетов значительно снизилась. Беспрецедентная массовость высшего образования и снижение его универсальности при-

вели к тому, что современная высшая школа постепенно превращается в одну из сервисных структур на рынке образовательных услуг. В условиях глобализации эти преобразования подорвали интеллектуальное влияние традиционных образовательных институтов. Развитие информационно-коммуникационных технологий, самым непосредственным образом влияя на все сферы человеческой деятельности, подвергает изменениям и систему образования, причем трансформирует как ее структуру, так и процесс передачи знаний.

Учитывая описанные тенденции, западные университеты пытаются превратиться в инновационные предпринимательские организации, оказывающие образовательные услуги. При этом сегодня социальная миссия университетского образования в национальной системе высшего образования заключается в «содействии технологической независимости страны путем подготовки высокопрофессиональных кадров с компетенциями мирового уровня и высокой гражданской ответственностью»³ [6, р. 85].

¹Кучко Е. Е. Социология инноваций : учеб.-метод. пособие. Минск : Право и экономика, 2009. 340 с.

²Наука и инновационная деятельность : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. 94 с.

³Перевод наш. – С. А.

Нередко продуцирование инновационных знаний осуществляется студентами и сотрудниками университетов в тесном взаимодействии с представителями бизнес-структур. Примерно 75 % магистерских программ разрабатываются в рамках совместных проектов. Это позволяет интегрировать ряд социальных решений в указанные программы, а в дальнейшем воплотить их в жизнь.

Самостоятельное освоение компетенций позволяет студентам грамотно планировать свое время

и включать в свой график стажировки, волонтерскую деятельность и т. д. Как отмечают российские исследователи, «образовательный процесс под воздействием виртуализации, глобализации и технологического прогресса трансформируется в мобильную и открытую систему, в которой роль формального образования снижается, а влияние выходящего за рамки стандартной образовательной среды, т. е. неформального, образования растет» [7, с. 30].

Характеристика инновационного потенциала

С появлением открытых инноваций отношения между университетами и бизнесом изменились. Сталкиваясь с ускоренными темпами внедрения инноваций и высоким уровнем их сложности, компании уже не могут полагаться только на свои внутренние ресурсы в проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Тем временем правительственные учреждения стремятся содействовать сотрудничеству между университетом и бизнесом на национальном, региональном и муниципальном уровнях путем совершенствования нормативно-правовой базы, инфраструктуры и схем финансирования.

Все участники инновационного процесса – университеты, бизнес и государство – рассматривают его как совместное производство знаний. Для выявления и использования инновационного потенциала указанными структурами проводится множество исследований, которые ориентированы на изучение новых решений с учетом предпринимательской специфики. Процесс цифровизации образования должен быть направлен «на обучение цифровым технологиям в рамках профессионального образования и на подготовку элитной категории работников для развития научно-технического прогресса, то есть в первую очередь важна цифровизация образования в вузах, а не в школах» [8, с. 249].

В последние годы государство, университеты и бизнес-структуры вышли за рамки традиционных форм научно-исследовательских проектов. Для обеспечения полноценного диалога участники инновационного процесса практикуют свободный обмен идеями по поводу профессиональной подготовки специалистов. Сегодня инновационные стратегии сосредоточены на создании новых сетей, служб и организаций, целью которых является объединение исследователей и новаторов из различных региональных учреждений (университетов, исследовательских институтов, предприятий и правительственных или неправительственных организаций) в целях разработки и внедрения общих инновационных программ.

Компании регулярно осуществляют мониторинг данных, отражающих инновационный потенциал других бизнес-структур, изучают стартапы в сетях (где происходит постоянный обмен идеями, знаниями и наработками). В данном случае университеты

могут выступать ключевыми партнерами в предоставлении необходимых ресурсов (в лице компетентных выпускников) и производстве новых знаний, включая решение конкретных инновационных проблем. Учреждения высшей школы используют междисциплинарные подходы к решению теоретических и прикладных задач, постоянно расширяя горизонт исследования и указывая путь к технологиям будущего.

Для оценки инновационного потенциала современного университета используется метод SWOT-анализа. Он позволяет выявить сильные и слабые стороны образовательной структуры, ее потенциальные возможности, а также факторы, негативно влияющие на ее развитие. Кроме того, данный метод определяет, какие препятствия университет должен преодолеть для достижения желаемых результатов. В рамках настоящей работы был проведен SWOT-анализ белорусской системы высшего образования, в ходе которого были получены следующие данные.

Положительными тенденциями развития университетов Беларуси являются:

- коммерциализация знаний (как известно, сегодня белорусское общество находится на стадии перехода к обществу знаний: знание превращается в товар, который способен принести пользу обществу);
- тесная связь с бизнес-сообществом;
- развитие предпринимательских компетенций студентов;
- разработка стартапов или бизнес-инкубаторов, а также создание инновационных проектов.

Отрицательными тенденциями развития университетов Беларуси выступают:

- отсутствие предпринимательского опыта у преподавателей (во многом это обусловлено тем, что концепция предпринимательского университета сформировалась в 1990-х гг., в белорусском же обществе она стала внедряться лишь в 2018 г.);
- неразвитость инновационной учебной бизнес-среды как основы формирования предпринимательских компетенций студентов.

Потенциальные возможности университетов Беларуси заключаются:

- в повышении квалификации преподавателей. При развитии инновационного потенциала в работу

могут быть включены способности преподавателей, однако для этого требуются определенные компетенции, которые может приобрести преподаватель;

- использовании талантов студентов и преподавателей;
- стажировке студентов в бизнес-компаниях;
- обмене знаниями и разработками между университетами и бизнес-структурами.

Угрожающими факторами развития университетов Беларуси являются:

- некомпетентность проведения исследований, которая нередко вызвана отсутствием определенных знаний и навыков;
- конкуренция с другими университетами в вопросе инвестирования и квалификации кадров.

В контексте университетской инновационной практики большое значение имеют культурные ценности, которые доминируют в обществе и задают некие рамки восприятия образовательной сферы. Именно на их основе определяются приоритеты, цели, принципы и соответствующие им стандар-

ты функционирования высшей школы, что находит воплощение в образовательной политике, выборе критериев качества образования, а также в формах, методах и технологиях обучения.

Актуальность и востребованность инновационных знаний в условиях постиндустриальной экономики являются причиной повышения значимости университетского образования в жизни общества. Современный университет, демонстрируя стремление к расширению своих возможностей посредством внедрения инноваций, выполняет роль активного звена в инновационной цепочке с участием многих субъектов.

Согласно международным исследованиям для стабилизации показателей инновационного развития требуется активное привлечение инвестиций, в том числе в научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы. Решающее значение в данном случае имеет государственное финансирование научных исследований и разработок⁴.

Заключение

Таким образом, принимаемые администрацией университетов меры по внедрению инноваций в учебный процесс создают определенный инновационный климат. Именно от его состояния зависит успешность реализуемых в учреждении инновационных проектов. Следует отметить, что для формирования благоприятной среды необходимо разработать эффективные методы стимулирования персонала.

Готовность организации к выполнению задач, обеспечивающих достижение целей инновационного развития, отражает ее инновационный потенциал. Данный феномен характеризуется многомерно-

стью и зависимостью от возрастных особенностей, а также от индивидуальных и социальных условий жизни участников инновационного процесса. Следовательно, изучение инновационного потенциала требует системного подхода. В центре внимания образования должна быть ценность личности. Между тем попытка организовать учебный и исследовательский процесс в высшей школе без учета личностно-ориентированного фактора приводит к деформации и деградации учреждений образования, поскольку лишает студентов возможностей и условий для самореализации студентов и препятствует инновационному развитию университета.

Библиографические ссылки

1. Волнистая МГ. *Современный профиль университетского образования: перспективы развития и риски*. Минск: РИВШ; 2023. 212 с.
2. Бабосов ЕМ. Основные направления инновационного развития в социальной сфере Республики Беларусь. В: Мясникович МВ, Чижик СА, Абламейко СВ, Вологовский ИД, Гусаков ВГ, Жданок СА и др. *Наука – инновационному развитию общества: материалы Международной научно-практической конференции; 22–23 января 2009 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусская наука; 2009. с. 384–388.
3. Данилов АН. Процессы социальной трансформации постсоветских обществ: опыт России, Беларуси, Казахстана. *Социология*. 2008;1:85–98.
4. Титаренко ЛГ. Исследование восприятия студентами инновационных процессов: социокультурные и гносеологические особенности. *Философские исследования*. 2023;10:212–219.
5. Данилов АН. Современное университетское образование и новое восприятие мира. *Политическая экспертиза: Политэкс*. 2022;18(3):321–330. DOI: 10.21638/spbu23.2022.306.
6. Волнистая МГ. Организационное проектирование социальной миссии университета: функциональный подход. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:80–87. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-80-87.
7. Осипова НГ, Гавриленко ОВ, Прончев ГВ, Дорцева ЕВ. Социологическое образование перед вызовами пандемии: новые образовательные технологии. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. 2022;28(2):7–34. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-7-47.
8. Костюкевич СВ. Цифровизация образования и технологическое развитие. *Социологический альманах*. 2022;13:244–252.

⁴Инновации для устойчивого развития: обзор по Республике Беларусь / Европ. эконом. комис. Орг. Объедин. Наций. Нью-Йорк : ООН, 2017. 197 с.

References

1. Volnistaya MG. *Sovremenniy profil' universitetskogo obrazovaniya: perspektivy razvitiya i riski* [The modern profile of university education: development prospects and risks]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2023. 212 p. Russian.
2. Babosov EM. [The main directions of innovative development in the social sphere of the Republic of Belarus]. In: Myasnikovich MV, Chizhik SA, Ablameiko SV, Volotovskii ID, Gusakov VG, Zhdanok SA, et. al. *Nauka – innovatsionnomu razvitiyu obshchestva: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 yanvarya 2009 g.; Minsk, Belarus'* [Science – innovative development of society: proceedings of the International Scientific and Practical Conference; 2009 January 22–23; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2009. p. 384–388. Russian.
3. Danilov AN. [Processes of social transformation of post-Soviet societies: the experience of Russia, Belarus, Kazakhstan]. *Sotsiologiya*. 2008;1:85–98. Russian.
4. Titarenko LG. [Study of students' perception of progressive processes: sociocultural and epistemological features]. *Filosofskie issledovaniya*. 2023;10:212–219. Russian.
5. Danilov AN. Modern university education and a new perception of the world. *Political Expertise: Politeks*. 2022;18(3):321–330. Russian. DOI: 10.21638/spbu23.2022.306.
6. Volnistaya MG. Organizational design of the university's social mission: a functional approach. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;1:80–87. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-80-87.
7. Osipova NG, Gavrilenko OV, Pronchev GB, Dortseva EV. Sociological education before the challenges of the pandemic: new educational technologies. *Moscow State University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*. 2022;28(2):7–34. Russian. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-7-47.
8. Kostjukevich SV. Digitalization of education and technological development. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2022;13:244–252. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023.
Received by editorial board 20.11.2023.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 51-77

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

А. В. МАЛЬЦЕВА¹⁾, Н. Е. ШИЛКИНА¹⁾, А. А. ПОХОМОВА²⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается кейс применения методики тематического моделирования текстов для изучения внетекстовых значений материалов форумов российского волонтерского сообщества в социальной сети «ВКонтакте». Демонстрируется гносеологическая и практическая значимость тематического моделирования при изучении социальных явлений

Образец цитирования:

Мальцева АВ, Шилкина НЕ, Похомова АА. Социологическое исследование речевой репрезентации волонтерского движения на материалах социальной сети «ВКонтакте». Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023;4:89–95.
EDN: MDJETO

For citation:

Maltseva AV, Shilkina NE, Pokhomova AA. A sociological study of the speech representation of the volunteer movement on the materials of the social network «VKontakte». Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2023;4: 89–95. Russian.
EDN: MDJETO

Авторы:

Анна Васильевна Мальцева – доктор социологических наук, доцент; доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии факультета социологии.

Наталья Егоровна Шилкина – доктор социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии.

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anna V. Maltseva, doctor of science (sociology), docent; associate professor at the department of social analysis and mathematical methods in sociology, faculty of sociology.
a.maltseva@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>

Natalia E. Shilkina, doctor of science (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of youth and youth policy, faculty of sociology.
n.shilkina@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
pakhom@bsu.by

и процессов. Обосновывается валидность указанной методики. Описываются особенности речевой репрезентации российского волонтерского движения на примере текстовых сообщений форумов волонтерских групп в социальной сети «ВКонтакте». Рассматриваются перспективы применения результатов исследования.

Ключевые слова: тематическое моделирование; волонтерство; волонтерская деятельность; речевая репрезентация; лексема; тема; экспертный анализ.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (ID: 108566651).

A SOCIOLOGICAL STUDY OF THE SPEECH REPRESENTATION OF THE VOLUNTEER MOVEMENT ON THE MATERIALS OF THE SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»

A. V. MALTSEVA^a, N. E. SHILKINA^a, A. A. POKHOMOVA^b

^aSaint-Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: N. E. Shilkina (n.shilkina@spbu.ru)

The article presents a case of using the methodology of topic modelling of texts to research the out-of-text meanings of forum messages of the Russian volunteer community in the social network «VKontakte». The epistemological value and practical significance of topic modelling in the study of social phenomena and processes are demonstrated. The validity of the proposed methodology is substantiated. The features of the speech representation of the Russian volunteer movement are outlined on the example of text messages from forums of volunteer groups in the social network «VKontakte». The prospects of applying the results of the study are considered.

Keywords: topic modelling; volunteering; volunteer activity; speech representation; lexeme; topic; expert analysis.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of Saint Petersburg State University (ID: 108566651).

Введение

В последнее десятилетие в научном сообществе возрос интерес к волонтерству. Данный феномен представляет собой форму созидательной социальной активности, а также инструмент социализации детей и молодежи. Тематами научной дискуссии выступают специфика содержания, социальный потенциал, фасилитаторы волонтерского движения, а также принципы его организации. Отдельный интерес для исследователей представляет система измерения эффективности волонтерской работы. Несмотря на то что в ряде стран (в том числе в Беларуси) волонтерство не рассматривается в качестве трудовой деятельности (в силу безвозмездного характера реализации), учет волонтеров и мониторинг их активности осуществляется на национальном уровне. Для изучения распространенности, направления, содержания и территориальных особенностей волонтерских практик, а также механизмов управления ими чаще всего применяются количественные опросные методы. Качественные методы сбора первичной социологической информации для подобного анализа используются крайне редко. Они ориентированы на реконструирование смыслов, вкладываемых в феномен безвозмездной социаль-

ной активности самими волонтерами, а также на вскрытие барьеров в осуществлении волонтерской деятельности и иные аспекты.

Актуальной стратегической задачей в развитии волонтерского движения является формирование его позитивного имиджа в общественном сознании. Реализация данной задачи осуществляется на трех уровнях: макроуровне (включение добровольчества в национальные программы социально-экономического развития), мезоуровне (продвижение идеи добровольчества и волонтерских организаций в социальных сетях) и микроуровне (участие волонтеров в статусных массовых мероприятиях, широко освещаемых традиционными и новыми медиа).

Интеграция цифровых технологий в повседневность людей и экспансия виртуального социального пространства актуализировали методологические запросы на применение новых методов в исследовании феномена волонтерства. Такие методы позволяют оперативно обрабатывать текстовые и визуальные данные в социальных сетях, анализировать характер самопрезентации волонтерских организаций и движений, а также оценивать субкультурные характеристики волонтерского сообщества.

Основная часть

Природа и понятийный аппарат тематического моделирования текстовых документов. Вероятностное тематическое моделирование текстовых документов выступает одним из наиболее перспективных способов отслеживания семантических тематик, зафиксированных в повседневной речи участников социальных процессов. Динамика общественных событий, а также появление новых движений, сообществ, групп и других субъектов социальной жизни, формирование новых смысловых пространств и поведенческих практик актуализируют исследования, фиксирующие реальность незамедлительно, на пике событий. Проведение подобного анализа возможно с помощью активно развивающегося в последние годы вероятностного тематического моделирования текстовых документов. Это способ построения модели коллекции текстовых документов, который позволяет систематизировать большие объемы неструктурированных текстовых данных и выделить в них ключевые темы [1–5].

Тематическая модель дает возможность автоматизировать распознавание смыслового содержания крупномасштабных электронных текстовых коллекций и ускорить классификацию и кластеризацию сообщений по заданным основаниям. Речь идет о масштабных текстах, которые невозможно обработать вручную. Количество лексем в текстовом сообщении, как правило, значительно превышает количество содержащихся в нем тем. Целью тематического моделирования коллекции текстовых документов является извлечение тем. Данная процедура состоит в одновременной нечеткой кластеризации текстовых документов и лексем по семантической близости и их объединению в кластеры – темы. Нечеткая кластеризация является в данном случае предпочтительной, поскольку один документ может быть отнесен к разным темам. Результатами тематического моделирования выступают сжатие семантического пространства текстов и преобразование пространства лексем в более доступное для интерпретации компактное тематическое пространство [6]. Затем осуществляется вероятностное распределение семантических описаний на множестве тем. Процесс нахождения этих распределений и составляет процедуру тематического моделирования [2].

Объект эмпирического исследования. Движение волонтеров активно использует электронные медиа для координации своей деятельности и коммуникации, поэтому в качестве эмпирического объекта исследования выбраны материалы форумов

волонтерского сообщества. Объектом изучения выступают коллекции текстов таких групп волонтерского движения в социальной сети «ВКонтакте», как сообщества «Ассоциация волонтерских центров» (более 72,7 тыс. подписчиков), «Волонтеры «КОНТАКТа»» (более 3,1 тыс. подписчиков), «Добровольцы Петербурга» (более 50,0 тыс. подписчиков) и «Мосволонтер» (более 52,9 тыс. подписчиков)¹.

В рамках исследования проанализированы данные, опубликованные в апреле – ноябре 2023 г., в частности, изучены смысловое и эмоциональное содержание текстов, их размерность, характер применяемых шрифтов, подчеркиваний, знаков препинания, символика, а также количество репостов, лайков и комментариев.

Результат автоматической классификации. Рассмотрим результат реализации автоматической классификации корпуса текстов четырех групп волонтерского движения в социальной сети «ВКонтакте» на основе метода кластеризации k -средних и метода тематического моделирования LDA.

В рамках форумов четырех групп волонтерского движения обсуждалось 97 тем. В каждой теме использовалось от 15 до 31 лексемы. Семантика каждой темы определялась на основе ядра – совокупности лексем с максимальными коэффициентами. В результате были выявлены смысловые характеристики темы (выраженные в ее условном названии), которые раскрывают общую картину коммуникации.

Анализ данных позволил выделить следующие темы:

- темы, отражающие организационные аспекты подготовки к волонтерским мероприятиям (поиск добровольцев, организация встречи волонтеров, составление списка участников встречи, координация встречи, обсуждение прошедшего дня, подготовка к определенному событию и др.);
- темы, представляющие участие волонтеров в праздничных мероприятиях, которые приурочены к знаменательным датам (День Победы, День России, День молодежи), а также в различных фестивалях, городских патриотических акциях и т. д.;
- темы, описывающие общение внутри волонтерских групп. В рамках такого общения может обсуждаться проведение образовательных интенсивов (игры для развития стратегического мышления, чемпионаты по оказанию первой помощи, а также обучение по созданию подкастов, постов или интервью, поиску пострадавших в природной среде), развлекательных мероприятий (викторина для любителей кино, караоке-вечеринка) и др.

¹Ассоциация волонтерских центров [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/avcrf?ysclid=19e8mfyf3x964671482> (дата обращения: 19.09.2023) ; Волонтеры «КОНТАКТа» [Электронный ресурс] // Там же. URL: https://vk.com/kontakt_vol?ysclid=19e814bua2740153122 (дата обращения: 19.09.2023) ; Добровольцы Петербурга [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://vk.com/volunteerspb?ysclid=19e8u1z7ho799949084> (дата обращения: 19.09.2023) ; Мосволонтер [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://vk.com/mosvolonter?ysclid=19e8ozrayk262544681> (дата обращения: 19.09.2023).

На данном этапе тематическое моделирование позволило, помимо внешней стороны социального движения, выделить также внутреннюю, скрытую от наблюдателя, но высоко значимую для существования самого движения сторону его жизни. Речь идет о формальной организации волонтерского сообщества и его внутренних коммуникациях, направленных на сплочение коллектива. Увидеть принципы функционирования любого сообщества (в данном случае волонтерского) изнутри исследователю позволяет построение корректной тематической модели. Ценность такой модели заключается в том, что она позволяет исследователю понять то, как общество воспринимает ту или иную группу волонтерского движения, а также то, какие черты приписывает ей, каких действий ждет от нее, каково самоощущение группы. Однако, чтобы сделать выводы в отношении конкретной тематической модели, социолог должен быть уверен в ее объективности. Выяснить наличие данного условия позволяет экспертный анализ качества темы.

Процедура экспертного анализа качества тем.

Поставленная перед экспертами (специалистами в области социологии, психологии, лингвистики и педагогики) задача заключалась в трактовке социальных функций волонтерства и общественных ожиданий в отношении такой деятельности. Несмотря на то что специфика исследуемого феномена сегодня широко известна, для предупреждения разночтений экспертам было предложено ознакомиться с его определением и содержанием (на основе формулировок, приведенных в Законе Российской Федерации № 135-ФЗ от 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», а также на основе современных научных представлений о данной форме социальной активности). Эксперты согласились с тем, что волонтерская деятельность включает любые формы гражданского участия, является безвозмездной и ориентированной на благо общества, коррелирует с гражданской позицией и личностными характеристиками, поощряется обществом, координируется волонтерскими организациями с широким диапазоном полномочий (от профессиональной помощи до инициатив по улучшению жизни).

Методологической основой исследования выступают тезисы С. Московичи о речевых репрезентациях, представления Г. Тэджфела о когнитивной, эмоциональной и ценностной составляющих принадлежности к группе, а также популярный в тематическом моделировании деятельностный подход. Совокупность указанных теорий и методов позволила выдвинуть исследовательскую гипотезу о том, что темы публичных форумов являются репрезентацией эмоционального, ценностного и деятельностного содержания общественного движения и могут быть выявлены методом вероятностного

тематического моделирования. Анализ тем и лексем, транслируемых волонтерским сообществом в виртуальном пространстве, позволит определить сознательно или латентно формируемые образы волонтера и волонтерской деятельности, а также соответствие их идеальному типу.

Коллекция сообщений волонтерского форума – это эмпирическая манифестация эмоционально яркой, увлекающей и сплывающей людей деятельности ради решения некоторой проблемы. Следовательно, валидная тематическая модель отражает обозначенные экспертами признаки волонтерского движения. Данные признаки можно сгруппировать следующим образом:

- безвозмездное деятельное гражданское участие, направленное на благо общества;
- групповое единство и координация;
- позитивный эмоционально-ценностный аспект.

Для подтверждения содержательной валидности примененной тематической модели необходимо было выяснить, присутствуют ли эти признаки во всех темах. Перед экспертами стояла задача проанализировать темы с точки зрения наличия в них лексем, отражающих искомые составляющие волонтерского движения. Для этого требовалось определить наличие в каждой теме лексем, отражающих активность, лексем, обозначающих групповую принадлежность, и лексем, характеризующих эмоционально-ценностную оценку как группы, так и групповой деятельности и ее объекта. Темы оценивались экспертами в индивидуальном порядке. Лексема считалась выделенной, если на нее указали пять и более экспертов. Таким образом, тема оценивалась по дихотомической шкале как хорошая или как плохая.

Результаты экспертного анализа тем. В ходе исследования тем экспертами были выделены следующие группы лексем:

- лексем, имеющие социально-нейтральную семантику (*сделать; рассказать; прийти; узнать; ждать; встреча; пройти; участник; провести; проект; тренинг* и др.);
- лексем, демонстрирующие благотворительную, добровольческую направленность движения (*доброе сердце; твоя помощь; Волонтер, спасибо!; путь добра; интересный; лучший; Самые отзывчивые, самые яркие, самые улыбочивые!; мегамастера* и т. д.);
- лексем, отражающие принадлежность к волонтерскому движению (*волонтеры; волонтерский корпус; волонтерский штаб; нужный доброволец; организатор; представитель; участник; команда; стать частью*), а также его локализацию (*мы – волонтеры Москвы; мыптербург; volspbcenter volspb; мосволонтер; волонтеры нашей страны; волонтеры Петербурга; волонтеры России* и т. д.);
- лексем, обозначающие эмоции участников волонтерских форумов (*позитивная энергия; молодцы;*

единомышленники; замечательный; важно; неравнодушный; вдохновение; интересно; полезно; Ура! Поздравляем!; Молодцы!; Bravo! и др.).

Таким образом, анализ смыслового и эмоционального содержания сообщений волонтерских форумов позволяет сформировать транслируемый образ волонтерской деятельности, отражающей субкультурные черты данного социального сообщества. Волонтерскому движению свойственны такие черты, как трансляция просоциальных ценностей (взаимопомощь, коллективизм, сплоченность, солидарность, активизм, альтруизм), активный образ жизни (перечень действий), значимость и поддержка группы (индикаторы идентичности), ролевое распределение в сообществе (наличие организаторов и участников).

Исключения и их вероятные причины. Во всех исследуемых группах обнаружены исключения, т. е. в них присутствуют темы, не содержащие лексем действия, принадлежности или эмоциональной оценки. Наличие исключений может поставить под сомнение валидность результатов, поэтому причины исключений требуют отдельного рассмотрения.

Была выдвинута гипотеза о том, что в волонтерских дискурсах могут присутствовать случайные сообщения либо сообщения, не соответствующие формату волонтерских коммуникаций (не поддерживающиеся участниками и не содержащие искомым лексем). Для проверки этой гипотезы была исследована популярность сообщений на волонтерских форумах (данные о количестве сообщений в комментариях, лайках и репостах).

Анализ 28 тыс. сообщений показал, что они значительно отличаются количеством комментариев, лайков и репостов. Их численность у популярных сообщений может превышать 600 реакций, в то время как непопулярные сообщения могут быть вовсе проигнорированы. Популярными можно назвать сообщения, которые имеют хотя бы по два комментария, лайка или репоста, непопулярными – те сообщения, которые имеют менее двух комментариев, лайков и репостов.

Помимо количества реакций, популярные и непопулярные сообщения отличаются друг от друга также ярко выраженными содержательными и формальными признаками: социальной значимостью события, позитивной эмоциональностью и привлекательностью, вызывающей желание быть причастным к движению. Кроме того, значение имеет количество слов и символов в сообщениях.

В качестве примера популярных сообщений следует привести сообщения, лидирующие по числу лайков и репостов на момент сбора данных. Сообщения, набирающие максимальное количество лайков, как правило, содержат одобрительные комментарии: *Сегодня более 700 волонтеров Москвы помогли на самых разных мероприятиях, посвященных Дню защиты детей ✨ Это и форум юных олимпийцев в Лужниках, и фестиваль «МногоЮность», и, конечно же,*

фестиваль детства и юности «Фестиваль первых» на ВДНХ, снимки с которого ты видишь 😊 Делай добрые дела вместе с командой Мосволонтера. Присоединяйся к нам на нашем сайте и в соцсетях.

Сообщения, набирающие максимум репостов, обычно содержат информацию о наборе волонтеров на мероприятия: *Нужны волонтеры: 14 августа – день рождения Ленинградского зоопарка; 🌞 АКТУАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ОТ #VOLSPBCENTER В МАЕ 🌞 Вместе с солнечными лучиками добра и хорошей погодой кидаем вам подборку мероприятий, на которых вы точно сможете проявить себя. Скорее подавайте заявку, потому что побывать нужно обязательно на каждом; 😊🏀 16–17 мая – суперфинал единой континентальной лиги по баскетболу 3 × 3; 🎤 18 мая – региональный этап Всероссийского хорового фестиваля; 📧 19–25 мая – «Литературная почта» «Петербургского дневника»; 🎭 20 мая – гала-концерт фестиваля «Студенческая весна в Санкт-Петербурге»; 🌊 20 мая – Ночь музеев на подводной лодке Д-2 «Народоволец»; 🌊 20 мая – Ночь музеев в Музее Арктики и Антарктики; 🍀 23–24 мая – Молодежный день X Невского экологического конгресса; 📖 23–24 мая – День славянской письменности и культуры; 🍀 24–26 мая – Петербургский международный саммит IrTech; 🍷 27–28 мая – Санкт-Петербургский фестиваль мороженого 2023; 📖 27 мая – Краеведческий диктант; 🚲 30 мая – 1 июня, 3 июня – ЗСД Фонтанка Фест; 🇷🇺 15–31 мая – городские патриотические акции. Мы сами не ожидали, что май окажется таким насыщенным. Поэтому предлагаем вам провести этот месяц вместе с нами, ведь вместе мы одна большая волонтерская семья ❤️.*

Что касается непопулярных сообщений, то они являются короткими по форме и раскрывают содержание события недостаточно или не раскрывают его вообще. Значимость события акцентируется только знаками препинания или прописными буквами. Такие сообщения являются эмоционально нейтральными или транслируют негативные эмоции. Среди публикаций за 2023 г. они практически не встречаются, что говорит о совершенствовании стиля сообщений волонтерских форумов. В качестве примеров непопулярных сообщений можно привести сообщения прошлых лет, не получившие ни одного лайка или репоста:

- нейтральное сообщение, содержание которого раскрыто недостаточно: *Друзья, проведите выходные с нами! Очень нужна помощь добровольцев! 17 и 18 ноября пройдет семинар о добровольчестве!*

- нейтральное сообщение, содержание которого не раскрыто: *Самое актуальное: 10–14 декабря – МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ЛАУРЕАТОВ В ОБЛАСТИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА «GRAND PREMIUM».*

- негативное сообщение: *Дорогие волонтеры, приходится сообщать вам и печальные новости! Волонтерство на конвенции «СпортАккорд» в нашей группе ПРЕКРАЩЕНО!*

Таким образом, на форумах волонтерского движения могут присутствовать сообщения, которые не содержат характерные для данного сообщества

лексемы. Эти сообщения находятся на периферии волонтерских дискуссий и не являются информативными для тематического моделирования.

Заключение

Исследование форумов российского волонтерского движения позволило сконструировать с помощью тематического моделирования образ российского волонтера, транслируемый в виртуальном пространстве. Данный результат можно сопоставить с результатами исследования аккаунтов белорусских волонтерских организаций в социальных сетях посредством методов визуальной социологии [7]. На основе смыслового содержания проанализированных А. А. Похомовой изображений был сконструирован транслируемый в социальных сетях образ белорусского волонтера. Он ориентирован на активное гражданское участие и реализацию проектов преимущественно социальной направленности, а также испытывает положительные эмоции от осуществляемой деятельности. Кроме того, были выявлены особенности транслируемого в социальных сетях образа белорусского волонтера: акцент на значимости личности каждого волонтера, дисбаланс в гендерном соотношении волонтеров (вопреки мировым трендам большинство белорусских волонтеров являются

женщинами), отсутствие трансляции сильной групповой идентичности и территориальной принадлежности.

Перспективными направлениями развития тематического моделирования в социологии выступают, во-первых, расширение сфер применения тематического моделирования и ориентация на новые объекты, во-вторых, совершенствование методики и возможностей автоматизации в обработке текстов на русском языке, а также поиск новых путей валидации, в-третьих, расширение межнационального сотрудничества исследователей в целях создания универсальных тематических моделей. Авторы полагают, что метод тематического моделирования перспективен прежде всего в области изучения социальных движений и групп, их ценностей и целей, которые транслируются в социум [8]. Систематическое применение метода в рамках исследований позволит повысить его эффективность и разработать инструмент для оперативной и качественной обработки и интерпретации данных.

Библиографические ссылки

1. Koltsov S, Pashakhin S, Dokuka S. A full-cycle methodology for news topic modeling and user feedback research. In: Staab S, Koltsova O, Ignatov DI, editors. *Social Informatics. 10th International Conference; 2018 September 25–28; Saint Petersburg, Russia. Part I* [Internet]. 2018 [cited 2023 October 15]:308–321. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-01129-1_19.
2. Коршунов АВ, Гомзин АГ. Тематическое моделирование текстов на естественном языке. *Труды Института системного программирования РАН*. 2012;23:215–244.
3. Седова АГ, Митрофанова ОА. Тематическое моделирование русскоязычных текстов с опорой на леммы и лексические конструкции. *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. 2017;1:132–144. DOI: 10.17586/2541-9781-2017-1-132-144.
4. Chauhan U, Shah A. Topic modeling using latent dirichlet allocation: a survey. *ACM Computing Surveys*. 2022;54(7):1–35. DOI: 10.1145/3462478.
5. Mimno D, Wallach HM, Talley E, Leenders M, Mccallum A. Optimizing semantic coherence in topic models. In: Association for Computational Linguistics. *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing; 2011 July 27–31; Edinburgh, United Kingdom*. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics; 2011. p. 264.
6. Blei D, Lafferty J. Dynamic topic models. In: Cohen W, Moore A, compilers. *ICML – 2006: Proceedings of the 23rd International Conference on Machine Learning; 2006 June 25–29; Pittsburgh, United States of America*. New York: Association for Computing Machinery; 2006. p. 113–120.
7. Похомова АА. Молодежная субкультура волонтерства в Беларуси сквозь призму визуальной социологии П. Штомпки. *Современная молодежь и общество*. 2023;11:41–47.
8. Maltseva A, Shilkina N, Evseev E, Matveev M, Makhnytkina O. Topic modeling of Russian-language texts using the parts-of-speech composition of topics (on the example of volunteer movement semantics in social media). In: Institute of Electrical and Electronics. *Engineers 29th Conference of Open Innovations Association (FRUCT 2021); 2021 May 12–14; Tampere, Finland*. Piscataway: Institute of Electrical and Electronics Engineers; 2021. p. 247–253.

References

1. Koltsov S, Pashakhin S, Dokuka S. A full-cycle methodology for news topic modeling and user feedback research. In: Staab S, Koltsova O, Ignatov DI, editors. *Social Informatics. 10th International Conference; 2018 September 25–28; Saint Petersburg, Russia. Part I* [Internet]. 2018 [cited 2023 October 15]:308–321. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-01129-1_19.
2. Korshunov AV, Gomzin AG. Topic modeling of texts in natural language. *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS*. 2012;23:215–244. Russian.

3. Sedova AG, Mitrofanova OA. Topic modelling of Russian texts based on lemmata and lexical constructions. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*. 2017;1:132–144. Russian. DOI: 10.17586/2541-9781-2017-1-132-144.
4. Chauhan U, Shah A. Topic modeling using latent dirichlet allocation: a survey. *ACM Computing Surveys*. 2022;54(7): 1–35. DOI: 10.1145/3462478.
5. Mimno D, Wallach HM, Talley E, Leenders M, Mccallum A. Optimizing semantic coherence in topic models. In: Association for Computational Linguistics. *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing; 2011 July 27–31; Edinburgh, United Kingdom*. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics; 2011. p. 264.
6. Blei D, Lafferty J. Dynamic topic models. In: Cohen W, Moore A, compilers. *ICML – 2006: Proceedings of the 23rd International Conference on Machine Learning; 2006 June 25–29; Pittsburgh, United States of America*. New York: Association for Computing Machinery; 2006. p. 113–120.
7. Pokhomova AA. Youth subculture of volunteering in Belarus through the prism of P. Shtompka's visual sociology. *Sovremennaya molodezh' i obshchestvo*. 2023;11:41–47. Russian.
8. Maltseva A, Shilkina N, Evseev E, Matveev M, Makhnytkina O. Topic modeling of Russian-language texts using the parts-of-speech composition of topics (on the example of volunteer movement semantics in social media). In: Institute of Electrical and Electronics. *Engineers 29th Conference of Open Innovations Association (FRUCT 2021); 2021 May 12–14; Tampere, Finland*. Piscataway: Institute of Electrical and Electronics Engineers; 2021. p. 247–253.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023.
Received by editorial board 15.11.2023.

ОПРОСНИК КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ И ВЗРОСЛЫХ: ЕГО НАДЕЖНОСТЬ И ВАЛИДНОСТЬ

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220001, г. Минск, Беларусь

Изучение коммуникативных умений приобрело особую актуальность ввиду негативного влияния на представителей разных поколений чрезмерного использования ими смартфонов и социальных сетей. При этом в исследованиях активно применяется давно разработанный тест коммуникативных умений для подростков и старшеклассников Михельсона, адаптированный в 1995 г. Ю. З. Гильбухом. Однако недоступны публикации, содержащие доказательства надежности и валидности этого опросника. Цели данного исследования – доказательство надежности и валидности опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых, разработка его надежной и валидной сокращенной версии. Исходные данные собраны в Беларуси и России преимущественно посредством онлайн-опроса 1833 респондентов, в том числе 1122 подростков в возрасте 13–17 лет (601 девочка и 521 мальчика) и 711 взрослых в возрасте до 82 лет (361 женщины и 350 мужчин). В результате сконструирована состоящая из 26 вопросов сокращенная версия опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых, которая удовлетворяет основным критериям надежности и валидности и обладает лучшими психометрическими характеристиками, нежели его исходная версия. Практическая значимость исследования состоит в том, что наличие единого инструментария позволит изучать коммуникативные умения представителей разных возрастных категорий.

Ключевые слова: опросник коммуникативных умений; сокращенная версия опросника; надежность; валидность; психометрические характеристики; подростки; взрослые.

COMMUNICATION SKILLS QUESTIONNAIRE FOR ADOLESCENTS AND ADULTS: ITS RELIABILITY AND VALIDITY

V. P. SHEINOV^a

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskouskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The study of communication skills has become particularly relevant due to the negative impact on representatives of different generations of their excessive use of smartphones and social networks. At the same time, the research actively uses the long-established test of communication skills for adolescents and high school students by Michelson, adapted in 1995 by Yu. Z. Gil'bukh. However, publications containing evidence of the reliability and validity of this questionnaire are not available. The objectives of this study are to prove the reliability and validity of the questionnaire of communication skills for adolescents and adults, to develop a reliable and valid abbreviated version of this questionnaire. The baseline data for the study were collected in Belarus and Russia mainly through an online survey of 1833 respondents, including 1122 adolescents aged 13–17 (601 girls and 521 boys) and 711 adults under the age of 82 (361 women and 350 men). As a result of the study, an abbreviated version of the communicative skills questionnaire for adolescents and adults was constructed, consisting of 26 questions. The abbreviated version of the

Образец цитирования:

Шейнов В.П. Опросник коммуникативных умений для подростков и взрослых: его надежность и валидность. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;4:96–104.
EDN: MWPROF

For citation:

Sheinov VP. Communication skills questionnaire for adolescents and adults: its reliability and validity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;4:96–104. Russian.
EDN: MWPROF

Автор:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Author:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor of the department of psychology and pedagogical skills, faculty of advanced training and retraining. sheinov1@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2191-646X>

questionnaire satisfies the main criteria for validity and reliability and has better psychometric characteristics than its original version. The practical significance of the study lies in the fact that the presence of a single toolkit will allow using it to conduct comparative studies of communicative skills simultaneously in different age categories.

Keywords: questionnaire of communication skills; abbreviated version of the questionnaire; reliability; validity; psychometric characteristics; adolescents; adults.

Введение

На формирование целей данного исследования повлияли три ключевые идеи.

Во-первых, последние годы в научном сообществе находят все большую поддержку идея о том, что давно разработанные опросники следует перепроверять на предмет их надежности и валидности. Это объясняется тем, что новые поколения испытуемых могут иначе отвечать на вопросы, нежели респонденты, которые отвечали на них 30–40 лет назад и на ответах которых эти инструменты создавались.

Сказанное в наибольшей степени относится к опросникам, разработанным очень давно и при этом активно используемым, поскольку ввиду давности их создания нет возможности убедиться в наличии доказательств их надежности и валидности.

В частности, в эту категорию попадает тест коммуникативных умений для подростков и старшеклассников Михельсона, русскоязычную версию которого представил Ю. З. Гильбух [1]. Однако знакомство с указанной брошюрой показало, что в ней не имеется ни доказательств надежности и валидности опросника, ни сведений о публикации, которая могла бы содержать соответствующие доказательства. Попытка разыскать первоисточник ни к чему не привела.

Между тем данный опросник активно используется вплоть до настоящего времени [2–6]. В частности, это связано с тем, что чрезмерная активность в общении посредством смартфона и социальных сетей влияет на коммуникативные умения их активных пользователей. Причем это воздействие оказывается на представителей разных возрастных групп.

Указанные обстоятельства повышают интерес к изучению коммуникативных умений подростков и взрослых и, соответственно, к используемому опроснику коммуникативных умений.

Во-вторых, в отечественной [7–9] и мировой [10–17] науке растет осознание желательности сокращения объема опросников. Отражением этого является тот факт, что по запросу «короткая версия опросника» поисковики (например, *Google Scholar*) выдают тысячи статей последних лет.

Большие опросники вызывают дополнительные трудности в сборе материалов анкетирования и ухудшают качество получаемых ответов: многие респонденты уклоняются от анкетирования, а если такая возможность отсутствует, то при анонимном (как

и положено) анкетировании они отвечают как придется (что искажает сущность изучаемого явления и создает проблемы в интерпретации полученных результатов).

Эти практические наблюдения подтверждены специальными эмпирическими исследованиями. Например, в работе А. Р. Герцог и Дж. Г. Бахман установлено, что при традиционном способе анкетирования (раздаче испытуемым анкет при непосредственном контакте с ними) «респонденты, отвечающие на вопросы, которые включены в большие анкеты, на многие или практически все последние вопросы дают одни и те же ответы, по сравнению с качественными ответами на вопросы в меньших анкетах или коротких опросниках»¹ [18, p. 549].

Есть исследования, посвященные анкетированию в онлайн-пространстве. В частности, М. Галесич и М. Босняк при изучении онлайн-опросов установили, что «...чем больше длина предложенного опросника, тем меньше респондентов начали и завершили анкетирование. Кроме того, ответы на вопросы, находящиеся в анкете дальше от начала, были более быстрыми, короткими и единообразными, нежели ответы на вопросы, расположенные ближе к началу» [19, p. 349].

В настоящее время, когда непосредственные контакты все чаще заменяются получением информации в онлайн-пространстве, анкетирование также перемещается в онлайн-пространство. Поскольку при этом отсутствует возможность контролировать выполнение респондентами заданий, вопрос об их количестве в анкетах приобретает особую значимость.

Как показал опыт, сократив количество заданий в опросниках, исследователи получают большие выборки данных анкетирования при лучшем их качестве. Кроме того, наличие коротких опросников позволяет увеличить число гипотез, тем более что современные компьютерные программы способствуют одновременной обработке любого количества различных опросников.

Имеющийся собственный опыт свидетельствует о том, что при сокращении количества вопросов с использованием соответствующих математических методов более короткий опросник может обладать лучшими психометрическими характеристиками, чем первоначальный его вариант [7–9].

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Ш.

В-третьих, для понимания сущности многих особенностей личности важно проследить их трансформацию при переходе человека из подросткового состояние во взрослое. Но для этого нужно иметь опросники, которые будут пригодны и для подростков, и для взрослых.

Рациональным и перспективным представилось решение объединить в данном исследовании три указанные идеи. Цели статьи – доказательство надежности и валидности опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых, а также разработка его надежной и валидной сокращенной версии.

Материалы и методы исследования

Участники анкетирования и сбор информации.

Данные собраны в Беларуси и России преимущественно путем онлайн-опроса 1833 респондентов, в том числе 1122 подростков в возрасте 13–17 лет (значения показателей возраста: $M = 15,4$; $SD = 5,1$; $\min = 13$; $\max = 17$), включая 601 девочку ($M = 15,3$; $SD = 5,2$) и 521 мальчика ($M = 15,5$; $SD = 5,0$), и 711 взрослых в возрасте до 82 лет, включая 361 женщину ($M = 21,5$; $SD = 8,6$) и 350 мужчин ($M = 24,6$; $SD = 9,6$).

Методы исследования. В основу анализа положен тест коммуникативных умений для подростков

и старшеклассников Михельсона в переводе и адаптации Ю. З. Гильбуха [1]. Зависимость от социальных сетей измерялась опросником ЗСС-15 [20], зависимость от смартфона – короткой версией САС-16 опросника зависимости от смартфона [7], макиавеллизм – опросником Знакова [21], направленность личности (соотношение направленности на себя, на взаимодействие и на задачу) – методикой Басса (тест Смекала – Кучера)².

Статистический анализ. Оценка результатов осуществлялась с использованием пакета SPSS-22.

Результаты и их обсуждение

Проверка валидности теста коммуникативных умений. Проверим, будут ли фактически коррелировать между собой показатели тестов, которые теоретически должны быть связаны.

Для данной цели выбрана проверка наличия корреляций коммуникативных умений с такими актуальными в настоящее время характеристиками личности, как зависимость от смартфона и социальных сетей, макиавеллизм и направленность личности. Выбор этих свойств продиктован современными условиями.

Связь коммуникативных умений с зависимостью от смартфона и социальных сетей у подростков и взрослых. При зависимости от смартфона его пользователи «...утрачивают чуткость в отношениях с окружающими, теряют способность к эмпа-

тии. Зависимость от смартфона напрямую связана с застенчивостью, ощущением одиночества, синдромом дефицита внимания, компульсивным поведением» [22, с. 120]. По этой причине представляется естественной выявленная в исследованиях связь коммуникативных умений с зависимостью от смартфона [23–25].

Между зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей присутствует высокозначимая связь [7; 20; 26], поэтому неудивительно, что некоторые авторы выявили связь коммуникативных умений с зависимостью от социальных сетей [27–29].

Наличие связи коммуникативных умений с зависимостью от смартфона и социальных сетей показывают данные табл. 1–4, вычисленные для всех рассматриваемых выборок.

Таблица 1

Связь коммуникативных умений с зависимостью от смартфона у подростков

Table 1

Relationship between communication skills and smartphone addiction in adolescents

Группа испытуемых	Корреляция по Кендаллу	Коммуникация		
		Зависимая	Уверенная	Агрессивная
Общая выборка	Коэффициент корреляции τ	0,066**	-0,028	0,065**
	Значимость	0,002	0,173	0,002
Девочки	Коэффициент корреляции τ	0,062*	-0,089**	0,125**
	Значимость	0,030	0,002	0
Мальчики	Коэффициент корреляции τ	0,077*	-0,009	0,052
	Значимость	0,013	0,778	0,095

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

²Определение направленности личности (ориентационная анкета) // Большая энцикл. психолог. тестов / авт.-сост. А. Карелин. М. : ЭКСМО, 2009. С. 28–31.

Таблица 2

Связь коммуникативных умений с зависимостью от смартфона у взрослых

Table 2

Relationship between communication skills and smartphone addiction in adults

Группа испытуемых	Корреляция по Кендаллу	Коммуникация		
		Зависимая	Уверенная	Агрессивная
Общая выборка	Коэффициент корреляции τ	0,069**	-0,125**	0,099**
	Значимость	0,009	0	0
Женщины	Коэффициент корреляции τ	0,107**	-0,160**	0,175**
	Значимость	0,004	0	0
Мужчины	Коэффициент корреляции τ	0,078*	-0,127**	0,084*
	Значимость	0,048	0,001	0,044

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица 3

Связь коммуникативных умений с зависимостью от социальных сетей у подростков

Table 3

Relationship between communication skills and social media addiction in adolescents

Группа испытуемых	Корреляция по Кендаллу	Коммуникация		
		Зависимая	Уверенная	Агрессивная
Общая выборка	Коэффициент корреляции τ	0,027	-0,042*	0,095**
	Значимость	0,192	0,042	0
Девочки	Коэффициент корреляции τ	0,035	-0,113**	0,188**
	Значимость	0,219	0	0
Мальчики	Коэффициент корреляции τ	0,020	-0,034	0,068*
	Значимость	0,522	0,268	0,030

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Таблица 4

Связь коммуникативных умений с зависимостью от социальных сетей у взрослых

Table 4

Relationship between communication skills and social media addiction in adults

Группа испытуемых	Корреляция по Кендаллу	Коммуникация		
		Зависимая	Уверенная	Агрессивная
Общая выборка	Коэффициент корреляции τ	0,037	-0,131*	0,150*
	Значимость	0,156	0	0
Женщины	Коэффициент корреляции τ	0,048	-0,145*	0,236*
	Значимость	0,191	0	0
Мужчины	Коэффициент корреляции τ	0,034	-0,151*	0,116*
	Значимость	0,363	0	0,003

Примечание. * $p \leq 0,01$.

Зависимость от смартфона и социальных сетей – одна из форм зависимого поведения, поэтому полученные положительные связи зависимости от смартфона и социальных сетей с умениями зависимой коммуникации представляются вполне естественными. Уверенная коммуникация является противоположностью зависимой коммуникации, и отрицательная корреляция, которая показана в табл. 1–4, вполне ожидаема.

Представленные в табл. 1–4 противоположно направленные связи зависимости от смартфона и социальных сетей с уверенной и агрессивной коммуникацией вполне естественны. Они взаимно дополняют друг друга, поскольку агрессивное поведение выступает в качестве негативной альтернативы уверенного поведения.

Данные табл. 1–4 показывают, что во всех шести изучаемых выборках подростков и взрослых различные коммуникативные умения связаны соответствующим образом с зависимостью от смартфона и социальных сетей. Это свидетельствует о конвергентной валидности опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых относительно зависимости от смартфона и социальных сетей.

Связь коммуникативных умений с макиавеллизмом у подростков и взрослых. Важно проверить связь коммуникативных умений с такой актуальной характеристикой личности, как макиавеллизм.

Проведенный О. Ю. Филиппу анализ публикаций показал, что в последние 10 лет наблюдается значительный рост интереса научного сообщества к изучению понятия «макиавеллизм»: за 6 лет

(2013–2019) было опубликовано столько же работ о макиавеллизме, сколько за предыдущие 42 года (1970–2012) [30].

Макиавеллизм является чертой личности, включающей установку индивида на манипулирование людьми. «Манипуляция – это скрытое управление в личных целях его инициатора, противоречащее интересам адресата воздействия» [31, с. 71].

Следует отметить, что макиавеллизм положительно связан с умениями зависимого и агрессивного поведения. Эти корреляции отвечают сущности коммуникативных умений и макиавеллизма. Действительно, положительная связь макиавеллизма с умениями зависимого поведения отражает то, что для достижения своих эгоистических целей макиавеллист при осуществлении соответствующих манипуляций вынужден приспособливаться к ситуации и поведению намеченной им жертвы. Так развиваются умения зависимого поведения. Отсюда вытекает отрицательная связь макиавеллизма с умениями уверенного поведения.

Прямая связь макиавеллизма с умениями агрессивного поведения является следствием того, что манипуляции представляют собой скрытую агрессию. Это отражается на коммуникативных умениях макиавеллиста.

Проведенная проверка связи коммуникативных умений с макиавеллизмом у подростков и взрослых в частности и у респондентов разного возраста в целом показала сходные результаты. Для краткости изложения приведем только результаты анализа общей выборки (табл. 5).

Таблица 5

Связь коммуникативных умений с макиавеллизмом

Table 5

Relationship between communication skills and Machiavellianism

Характеристика личности	Корреляция по Кендаллу	Коммуникация		
		Зависимая	Уверенная	Агрессивная
Макиавеллизм	Коэффициент корреляции τ	0,090*	-0,272*	0,236*
	Значимость (2-сторонняя)	0	0	0

Примечание. * $p \leq 0,01$.

Умения зависимого ($\tau = 0,090$, $p \leq 0,001$) и агрессивного ($\tau = 0,236$, $p \leq 0,001$) поведения связаны с макиавеллизмом положительно, а умения уверенного поведения ($\tau = -0,272$, $p \leq 0,001$) связаны с ним отрицательно. Это свидетельствует о конвергентной валидности опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых относительно макиавеллизма.

Связь коммуникативных умений с направленностью личности у подростков и взрослых. При направленности индивида на себя менее востребованы умения зависимой и уверенной коммуникации,

поэтому связи между ними должны быть незначительными. При этом связь с умениями агрессивной коммуникации должна быть положительной, поскольку направленность индивида на себя настраивает его на защиту своего внутреннего мира от внешних посягательств.

При направленности индивида на взаимодействие и на задачу связь с умениями зависимой коммуникации должна отсутствовать, связь с умениями уверенной коммуникации должна быть положительной, связь с умениями агрессивной коммуникации – отрицательной.

Соответствующие связи проверены на объединенной выборке из 1122 подростков и 711 взрослых и на

каждой из этих выборок по отдельности. В табл. 6 представлены результаты анализа общей выборки.

Таблица 6

**Связь коммуникативных умений
с направленностью личности у подростков и взрослых**

Table 6

**Relationship between communicative skills
and personality orientation in adolescents and adults**

Направленность личности	Корреляция по Кендаллу	Коммуникация		
		Зависимая	Уверенная	Агрессивная
Направленность на себя	Коэффициент корреляции τ	0,042	-0,027	0,092**
	Значимость (2-сторонняя)	0,052	0,20	0
Направленность на взаимодействие	Коэффициент корреляции τ	0,014	0,078**	-0,077**
	Значимость (2-сторонняя)	0,522	0	0
Направленность на задачу	Коэффициент корреляции τ	-0,004	0,092**	-0,047*
	Значимость (2-сторонняя)	0,861	0	0,028

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Результаты, представленные в табл. 6, подтверждают описанные выше связи коммуникативных умений с направленностью личности, что свидетельствует о конвергентной валидности опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых относительно направленности личности.

Таким образом, можно сделать вывод о доказанности валидности опросника коммуникативных умений и для подростков, и для взрослых.

Проверка надежности опросника коммуникативных умений. Осуществлена проверка надежности опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых по его внутренней согласованности (однородности) и дискриминативности, а также проверка повторным тестированием (ретестом).

Однородность опросников количественно оценивается коэффициентом α -Кронбаха. Для выборки коммуникативных умений подростков его значение оказалось равным 0,659, для выборки коммуникативных умений – 0,684 и для их объединенной выборки – 0,670.

Стандартная процедура улучшения показателя однородности, предлагаемая пакетом программ SPSS-22, порекомендовала удалить из опросника пункт № 21. Это повысило однородность оставшихся пунктов, о чем свидетельствует увеличение значения коэффициента α -Кронбаха до 0,701–0,709. Этот показатель отвечает принятой норме однородности (выше значения 0,7).

Важно, что эта процедура увеличила и показатели общей дискриминативности пунктов опросника, поскольку удаленный вопрос обладал самыми низкими показателями (значение 0,029 для подростков,

значение 0,114 для взрослых и значение 0,043 для их объединенной выборки). Все эти показатели дискриминативности оказались ниже рекомендуемого стандартного порогового ограничения, равного значению 0,2. После удаления пункта № 21 в опроснике остались лишь задания, дискриминативность которых значительно выше требуемого уровня (значение 0,2).

Таким образом, психометрические показатели сокращенной до 26 заданий версии опросника оказались лучшими, нежели у полной версии опросника. Обратим внимание на то, что целью создания более короткой версии опросника коммуникативных умений является не только получение более удобного в практическом плане инструмента их измерения, но и улучшение его психометрических характеристик – внутренней согласованности (однородности) и дискриминативности.

Ретестовая надежность проверена повторным тестированием с интервалом в пять недель. В ретесте приняли участие 315 подростков и 211 взрослых. Корреляции между первым и вторым тестами равны значениям 0,854 и 0,832 соответственно. Этот результат свидетельствует о хорошей ретестовой надежности опросника коммуникативных умений и для подростков, и для взрослых, поскольку показатели превышают значение 0,7.

О надежности и валидности сокращенной версии КУ-26 опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых (вслед за установленными выше аналогичными характеристиками его исходной версии – опросника для подростков и старшеклассников Михельсона) говорит и чрезвычайно высокий, равный 0,971 ($p \leq 0,001$), коэффициент корреляции τ

между суммарными показателями полной и сокращенной версий опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых. При этом для зависимой

коммуникации значение τ равно 0,991 ($p \leq 0,001$), для уверенной коммуникации – 0,989 ($p \leq 0,001$), для агрессивной коммуникации – 0,992 ($p \leq 0,001$).

Заключение

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что сконструирована сокращенная версия опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых.

Сокращенная версия опросника коммуникативных умений для подростков и взрослых удовлетворяет основным критериям надежности и валидно-

сти, а также обладает лучшими психометрическими характеристиками, нежели его исходная версия.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что наличие единого инструментария позволит проводить с его помощью сравнительные исследования коммуникативных умений одновременно в разных возрастных категориях.

Библиографические ссылки

1. Гильбух ЮЗ, редактор. *Тест-опросник коммуникативных умений для подростков и старшеклассников*. Киев: Перспектива; 1995. 9 с.
2. Коршунова ВВ, Биркун ЕА. Опыт реализации практико-ориентированной программы переподготовки медиа-торов для образования и социальной сферы. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2020;13(9):1466–1480. DOI: 10.17516/1997-1370-0656. (на англ.)
3. Петрова СИ, Борисова УС. Анализ коммуникативной компетентности современных студентов. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;12:71–75. DOI: 10.236727SAE.2022.10.71.001.
4. Пуховский СВ. Формирование навыков конструктивного общения волонтеров поисково-спасательных отрядов. В: Краснова НА, редактор. *Педагогическая наука и педагогическая практика. Материалы Международной научно-практической конференции; 10 ноября 2022 г.; Москва, Россия*. Москва: Профессиональная наука; 2022. с. 22–30. DOI: 10.54092/9781470983826_22.
5. Рыжкова ОА, Рыболова ЕА, Кохан ЖС. Тренинг в развитии социально-коммуникативных качеств студентов-психологов как фактора профессионального становления будущих специалистов. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2020;7:189–203. DOI: 10.25588/CSPU.2020.160.7.012.
6. Skripkina T, Polina A, Ovcharova E. Techniques for building trust as a factor of psychological security of a person. In: Rudoy D, Olshevskaya A, Kankhva V, editors. *Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). Proceedings of the E3S Web of Conferences; 2020 August 19–30; Divnomorskoe, Russia*. 2020;210:19032. DOI: 10.1051/e3sconf/202021019032.
7. Шейнов ВП. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;6(1):97–115. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
8. Шейнов ВП, Девицын АС. Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций». *Системная психология и социология*. 2022;1:70–80. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.6.
9. Шейнов ВП, Девицын АС. Сокращенная версия опросника ассертивности. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021;4:557–565. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70.
10. Barrios-Fernandez S, Gozalo M, Amado-Fuentes M, Carlos-Vivas J, Garcia-Gomez A. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children. *Children*. 2021;8(9):799. DOI: 10.3390/children8090799.
11. Bieleke M, Gogol K, Goetz T, Daniels L, Pekrun R. The AEQ-S: a short version of the achievement emotions questionnaire. *Contemporary Educational Psychology*. 2021;65:101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940.
12. Cabral AC, Castel-Branco C, Caramona M, Fernandez-Llimos F, Figueiredo IV. Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16. *The Journal of Clinical Hypertension*. 2018;20(1):118–124. DOI: 10.1111/jch.13137.
13. Cliffe T, Beinart H, Cooper M. Development and validation of a short version of the supervisory relationship questionnaire. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2016;23(1):77–86. DOI: 10.1002/cpp.1935.
14. Mirghafourvand M, Jafarabadi MA, Ghanbari-Homayi S. Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture. *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020;20:616. DOI: 10.1186/s12884-020-03317-9.
15. Mohamad EMW, Kaundan MK, Hamzah MR, Azlan AA, Ayub SH, Sern TJ, et al. Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context. *BMC Public Health*. 2020;20:580. DOI: 10.1186/s12889-020-08704-7.
16. Jutten RJ, Peeters CFW, Leijdesdorf SMJ, Visser PJ, Maier AB, Terwee CB, et al. Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL questionnaire. *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. 2017;8(1):26–35. DOI: 10.1016/j.dadm.2017.03.002.
17. Schrepp M, Thomaschewski J, Hinderks A. Design and evaluation of a short version of the user experience questionnaire (UEQ-S). *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*. 2017;4(6):103–108. DOI: 10.9781/ijimai.2017.09.001.
18. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *The Public Opinion Quarterly*. 1981;45(4):549–559.
19. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;73(2):349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
20. Шейнов ВП, Девицын АС. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*. 2021;2:41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.

21. Знаков ВВ. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования. *Психологический журнал*. 2000;21(5):16–22.
22. Шейнов ВП. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:120–127. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
23. Khasanah R, Daulay N. The effect of smartphone addiction on communication with peers in Madrasah Tsanawiyah. *Jurnal Basicedu*. 2022;6(4):5549–5556. DOI: 10.31004/basicedu.v6i4.2924.
24. Osorio-Molina C, Martos-Cabrer MB. Smartphone addiction, risk factors and its adverse effects in nursing students: a systematic review and meta-analysis. *Nurse Education Today*. 2021;98:104741. DOI: 10.1016/j.nedt.2020.104741.
25. Cerit B, Çıtak BN, Ak B. Relationship between smartphone addiction of nursing department students and their communication skills. *Contemporary Nurse*. 2018;54(4-5):532–542. DOI: 10.1080/10376178.2018.1448291.
26. Шейнов ВП. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2021;18(1):235–253. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253.
27. Thomas D. Motivational beliefs, social media addiction, and interpersonal communication skill among international students in Thailand. *International Forum Journal*. 2018;21(2):153–169.
28. Dominguez-Vergara JA, Ybanez-Carranza J. Addiction to social networks and social skills in students from a private educational institution. *Propositos y Representaciones*. 2016;4(2):207–230. DOI: 10.20511/pyr2016.v4n2.122.
29. Abd Rahman SH. Can't live without my FB, LoL: the influence of social networking sites on the communication skills of TESL students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014;134:213–219. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.04.241.
30. Филиппу ОЮ. Библиометрический анализ понятия макиавеллизма в зарубежной и отечественной психологии. *Современная зарубежная психология*. 2020;9(4):120–128. DOI: 10.17759/jmfp.2020090411.
31. Шейнов ВП, Девицын АС. Зависимость от смартфона как предиктор психологического неблагополучия. *Системная психология и социология*. 2022; 3:71–84. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.43.3.07.

References

1. Gil'bukh YuZ, editor. *Test-oprosnik kommunikativnykh umenii dlya podrostkov i starsheklassnikov* [Test questionnaire of communication skills for adolescents and high school students]. Kyiv: Perspektiva; 1995. 9 p. Russian.
2. Korshunova VV, Birkun EA. Experience in implementing a practice-oriented programme for retraining mediators for education and the social sphere. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020;13(9):1466–1480. DOI: 10.17516/1997-1370-0656.
3. Petrova SI, Borisova US. Analysis of the communicative competence of modern students. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022;12:71–75. Russian. DOI: 10.236727SAE.2022.10.71.001.
4. Pukhovskii SV. Formation of constructive communication skills of volunteers of search and rescue teams. In: Krasnova NA, editor. *Pedagogicheskaya nauka i pedagogicheskaya praktika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 10 noyabrya 2022 g.; Moskva, Rossiya* [Pedagogical science and pedagogical practice. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2022 November 10; Moscow, Russia]. Moscow: Professional'naya nauka; 2022. p. 22–30. Russian. DOI: 10.54092/9781470983826_22.
5. Ryzhkova OA, Rybolova EA, Kohan ZhS. Training in the development of socially communicative qualities of psychology students of the factor in the professional development of future specialists. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*. 2020;7:189–203. Russian. DOI: 10.25588/CSPU.2020.160.7.012.
6. Skripkina T, Polina A, Ovcharova E. Techniques for building trust as a factor of psychological security of a person. In: Rudoy D, Olshevskaya A, Kankhva V, editors. *Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). Proceedings of the E3S Web of Conferences; 2020 August 19–30; Divnomorskoe, Russia*. 2020;210:19032. DOI: 10.1051/e3sconf/202021019032.
7. Sheinov VP. Short version of the questionnaire «Scale of dependence on the smartphone». *Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*. 2021;6(1):97–115. Russian. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
8. Sheinov VP, Devitsyn AS. A short version of vulnerability to manipulation. *Systems Psychology and Sociology*. 2022;1:70–80. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.6.
9. Sheinov VP, Devitsyn AS. Abridged assertiveness questionnaire. *The Herzen University Studies: Psychology in Education*. 2022;1:70–80. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.6.
10. Barrios-Fernandez S, Gozalo M, Amado-Fuentes M, Carlos-Vivas J, Garcia-Gomez A. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children. *Children*. 2021;8(9):799. DOI: 10.3390/children8090799.
11. Bieleke M, Gogol K, Goetz T, Daniels L, Pekrun R. The AEQ-S: a short version of the achievement emotions questionnaire. *Contemporary Educational Psychology*. 2021;65:101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940.
12. Cabral AC, Castel-Branco, Caramona M, Fernandez-Llimos F, Figueiredo IV. Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16. *The Journal of Clinical Hypertension*. 2018;20(1):118–124. DOI: 10.1111/jch.13137.
13. Cliffe T, Beinart H, Cooper M. Development and validation of a short version of the supervisory relationship questionnaire. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2016;23(1):77–86. DOI: 10.1002/cpp.1935.
14. Mirghafourvand M, Jafarabadi MA, Ghanbari-Homayi S. Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture. *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020;20:616. DOI: 10.1186/s12884-020-03317-9.
15. Mohamad EMW, Kaundan MK, Hamzah MR, Azlan AA, Ayub SH, Sern TJ, et al. Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context. *BMC Public Health*. 2020;20:580. DOI: 10.1186/s12889-020-08704-7.
16. Jutten RJ, Peeters CFW, Leijdesdorf SMJ, Visser PJ, Maier AB, Terwee CB, et al. Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL questionnaire. *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. 2017;8(1):26–35. DOI: 10.1016/j.dadm.2017.03.002.

17. Schrepp M, Thomaschewski J, Hinderks A. Design and evaluation of a short version of the user experience questionnaire (UEQ-S). *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*. 2017;4(6):103–108. DOI: 10.9781/ijimai.2017.09.001.
18. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *The Public Opinion Quarterly*. 1981;45(4):549–559.
19. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;73(2):349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
20. Sheinov VP, Devitsyn AS. [Development of a reliable and valid social media addiction questionnaire]. *Systems Psychology and Sociology*. 2021;2:41–55. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
21. Znakov VV. [Machiavellianism: psychological property of personality and methods of its research]. *Psichologicheskij zhurnal*. 2000;21(5):16–22. Russian.
22. Sheinov VP. Relationship between smartphone dependence with personal states and properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:120–127. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
23. Khasanah R, Daulay N. The effect of smartphone addiction on communication with peers in Madrasah Tsanawiyah. *Jurnal Basicedu*. 2022;6(4):5549–5556. DOI: 10.31004/basicedu.v6i4.2924.
24. Osorio-Molina C, Martos-Cabrer MB. Smartphone addiction, risk factors and its adverse effects in nursing students: a systematic review and meta-analysis. *Nurse Education Today*. 2021;98:104741. DOI: 10.1016/j.nedt.2020.104741.
25. Cerit B, Çıtak BN, Ak B. Relationship between smartphone addiction of nursing department students and their communication skills. *Contemporary Nurse*. 2018;54(4-5):532–542. DOI: 10.1080/10376178.2018.1448291.
26. Sheinov VP. Smartphone addiction and personality: review of international research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021;18(1):235–253. Russian. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253.
27. Thomas D. Motivational beliefs, social media addiction, and interpersonal communication skill among international students in Thailand. *International Forum Journal*. 2018;21(2):153–169.
28. Dominguez-Vergara JA, Ybanez-Carranza J. Addiction to social networks and social skills in students from a private educational institution. *Propositos y Representaciones*. 2016;4(2):207–230. DOI: 10.20511/pyr2016.v4n2.122.
29. Abd Rahman SH. Can't live without my FB, LoL: the influence of social networking sites on the communication skills of TESL students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014;134:213–219. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.04.241.
30. Filippou OYu. A bibliometric analysis of the Machiavellianism in domestic and foreign psychology. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(4):120–128. Russian. DOI: 10.17759/jmfp.2020090411.
31. Sheinov VP, Devitsyn AS. Smartphone addiction as a predictor of psychological distress. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*. 2022;3:71–84. Russian. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.43.3.07.

Статья поступила в редакцию 11.11.2023.
Received by editorial board 11.11.2023.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Вячеслав Константинович
ЩЕРБИН

Vyacheslav Konstantinovich
SHCHERBIN

Известному белорусскому ученому-обществоведу, лауреату Государственной премии Республики Беларусь в области науки и техники (1998), кандидату филологических наук В. К. Щербину в ноябре исполнилось 70 лет. Вячеслав Константинович – человек чести, он всегда открыто отстаивает научную истину и искренне верит в сплоченность академического братства.

В. К. Щербин родился 17 ноября 1953 г. в д. Рудня Горбовичская Калинковичского района Гомельской области в семье сельских учителей, которая по сегодняшним меркам была большой. Все пятеро детей получили образование и состоялись в жизни. В. К. Щербин выполнил наказ отца-фронтовика Константина Васильевича, преподававшего историю, постоянно учиться и не жалеть себя в работе. Он до сих пор бережно хранит как ценнейшие реликвии книги, которые ему вручали на ежегодных собраниях во Дворце культуры, уже с первого класса признавая его лучшим читателем детской городской библиотеки.

Будущий ученый окончил Калинковичскую среднюю школу № 6 (1971), филологический факультет Бе-

лорусского государственного университета (1979), очную аспирантуру (1982) и очную докторантуру (2009) Института языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. В 1983 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теории языка. Более 45 лет В. К. Щербин трудится в академических организациях нашей страны. В 1982–1990 гг. он работал в Институте языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси, в 1990–2003 гг. – в Президиуме НАН Беларуси, с 2003 г. по настоящее время является сотрудником Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси.

Вячеслав Константинович – настоящий полешук: он настойчив, целеустремлен и невероятно трудолюбив. После окончания школы он подал документы на исторический факультет в Гомельский государственный педагогический институт, однако недобрал полбалла и не поступил. Вскоре В. К. Щербин был призван на действительную военную службу в знаменитые Печи под Борисовом. Службу он окончил старшим сержантом, заместителем командира взвода. После увольнения в запас молодой человек поступил на подготовительное отделение, а затем

на филологический факультет БГУ (1974). После окончания университета наука захватила Вячеслава Константиновича по-настоящему, и он погрузился в работу над кандидатской диссертацией «Общее и специфическое в лексико-семантических системах близкородственных языков (на материале русской и белорусской пространственной и временной лексики)» под научным руководством известного профессора-лингвиста А. Е. Михневича.

Вся сознательная жизнь Вячеслава Константиновича Щербина – это беспрестанная и насыщенная работа в науке. Главными направлениями его интересов являются филология, науковедение, социология и космология. За 1981–2023 гг. ученый опубликовал около 600 научных, научно-популярных и энциклопедических работ, в том числе около 20 книжных изданий (персональные и коллективные монографии, словари и энциклопедии). Особо стоит отметить такие монографии В. К. Щербина, как «Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі» (1996), «Комплексный науковедческий анализ деятельности Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в 1991–2006 гг.» (2008), «Инфраструктурные составляющие инновационной экономики» (2010; переиздание данной работы вышло в 2012 г. в Германии).

Слова Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже» как нельзя лучше отражают позицию ученого. В профессиональном сообществе В. К. Щербин известен как высокообразованный специалист, который признает только факты, и никакие авторитеты не могут заставить его изменить свою научную позицию. Он всегда будет говорить только то, что позволяет научно доказанная истина. При этом Вячеслав Константинович открыт для дискуссии и готов с уважением к собеседнику выслушать иную точку зрения.

В. К. Щербин является одним из наиболее востребованных ученых-обществоведов, постоянным и активным участником многих международных научных форумов, где он достойно представляет белорусскую науку. Вячеслав Константинович всегда легок на подъем, с ним всегда по-хорошему трудно. Это настоящий ученый, который никогда не предаст и, если надо, будет работать сутками, но слово свое сдержит. Искреннее стремление к правде, честному покорению вершин в науке, высоконравственное отношение к жизни характеризуют его как профессионала.

Вячеслав Константинович, дорогой друг, поздравляем Вас с юбилеем, желаем крепкого здоровья и радости жизни на долгие годы! Мы гордимся таким автором нашего журнала, как Вы!

*А. Н. Данилов*¹

---

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316(091)(075.8)

Курилович Н. В. **История классической социологии** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология» / Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 58 с. Библиогр.: с. 57–58. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304780>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.11.2023, № 010520112023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися истории зарождения социологической мысли и развития зарубежной классической социологии.

УДК 316(476)(091)(092)Давидюк Г. П. (06)

Социология профессора Г. П. Давидюка и современность: к 100-летию со дня рождения [Электронный ресурс] : материалы II Междунар. науч.-методолог. междисциплинар. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума» (Минск, 10 ноября 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 246 с. : ил. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/305722>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.12.2023, № 011107122023. .

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых по теоретическим и эмпирическим исследованиям. Рассмотрены междисциплинарные проблемы современной науки с учетом новых вызовов и рисков, трансформации предметного поля, тематики, методики и содержания социологических исследований.

Адресуется социологам и широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Данилов А. Н.</i> Виртуальный мир и рождение нового человека	4
<i>Щербин В. К.</i> Астросоциология или социокосмология: как будет называться наука о человеческой метавселенной?	10
<i>Кирвель Ч. С., Кирвель О. Ч.</i> Империя как форма социально-политического бытия России	21

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Титаренко Л. Г.</i> Мировые социологические конгрессы: история и современность	36
<i>Кучко Е. Е., Вишнякова М. В.</i> Обоснованная теория как стратегия качественного исследования	43

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Гаврилик О. Н.</i> Культура имеет значение: поворот к исследованию культурных факторов экономического развития в социально-гуманитарном знании	49
<i>Салтанович И. П.</i> Социальность процессов цифровой трансформации	57

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Золотарева А. В.</i> Методологические основы построения системы дополнительного образования детей в России	67
<i>Рыбакова Е. Р., Иванов И. Ю.</i> Образ школьного образования в советском кинематографе: социологическая перспектива	75
<i>Андреев С. Е.</i> Инновационный потенциал современного университета	84

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Мальцева А. В., Шилкина Н. Е., Похомова А. А.</i> Социологическое исследование речевой репрезентации волонтерского движения на материалах социальной сети «ВКонтакте»	89
<i>Шейнов В. П.</i> Опросник коммуникативных умений для подростков и взрослых: его надежность и валидность	96

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Константинович Щербин	105
Аннотации депонированных в БГУ работ	107

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Danilov A. N.</i> The virtual world and the birth of a new human	4
<i>Shcherbin V. K.</i> Astrosociology or sociocosmology: what will the science about the human metauniverse be called?.....	10
<i>Kirvel Ch. S., Kirvel O. Ch.</i> Empire as a form of socio-political existence of Russia	21

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Titarenko L. G.</i> World congresses of sociology: history and modernity	36
<i>Kuchko E. E., Vishniakova M. V.</i> Grounded theory as a qualitative research strategy	43

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Haurylik A. N.</i> Culture matters: turn to the study of cultural factors of economic development in socio-humanitarian knowledge.....	49
<i>Saltanovich I. P.</i> Sociality of digital transformation processes	57

SOCIOLOGY OF EDUCATION

<i>Zolotareva A. V.</i> Methodological foundations of building a system of additional education for children in Russia	67
<i>Rybakova E. R., Ivanov I. Yu.</i> School education's depiction in Soviet cinema: sociological perspective	75
<i>Andreyev S. E.</i> Characteristics of the innovative potential of a modern university	84

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Maltseva A. V., Shilkina N. E., Pokhomova A. A.</i> A sociological study of the speech representation of the volunteer movement on the materials of the social network «VKontakte»	89
<i>Sheinov V. P.</i> Communication skills questionnaire for adolescents and adults: its reliability and validity ...	96

JUBILEES

Vyacheslav Konstantinovich Shcherbin.....	105
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	107

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, М. И. Дикун*
Технический редактор *В. В. Пешкова*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 22.12.2023.
Тираж 110 экз. Заказ 1219.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, M. I. Dikun*
Technical editor *V. V. Pishkova*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 22.12.2023.
Edition 110 copies. Order number 1219.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023